МАРТИН ГИЛБЕРТ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга, которую должен прочесть каждый,
кто хочет понять эту войну.
New York Times Book Review

Мартин Гилберт

Первая мировая война

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17033578
Первая мировая война: КоЛибри, Азбука-Аттикус; М.; 2016
ISBN 978-5-389-10895-0

Аннотация

Никто не хотел, чтобы эта война началась, но в результате сплетения обстоятельств, которые могут показаться случайными, она оказалась неотвратимой. Участники разгоравшегося конфликта верили, что война не продлится долго и к Рождеству 1914 года завершится их полной победой, но перемирие было подписано только четыре с лишним года спустя, в ноябре 1918-го. Первая мировая война привела к неисчислимым страданиям и жертвам на фронтах и в тылу, к эпидемиям, геноциду, распаду великих империй и революциям. Она изменила судьбы мира и перекроила его карты. Многие надеялись, что эта война, которую назвали Великой, станет последней в истории, но она оказалась предтечей еще более разрушительной Второй мировой. Всемирно известный британский историк сэр Мартин Гилберт написал полную историю Первой мировой войны, основываясь на документальных источниках, установленных фактах и рассказах очевидцев, и сумел убедительно раскрыть ее причины и изложить следствия. Ему удалось показать человеческую цену этой войны, унесшей и искалечившей миллионы жизней, сквозь призму историй отдельных ее участников, среди которых были и герои, и дезертиры.

Содержание

Предисловие к новому изданию 5
Введение 6
Глава 1 12
Глава 2 25
Глава 3 40
Глава 4 55
Глава 5 73
Глава 6 90
Глава 7 109
Конец ознакомительного фрагмента. 116

Мартин Гилберт
Первая мировая война

© Martin Gilbert, 1994
© Бавин С., перевод на русский язык, 2015
© Гольдберг Ю., перевод на русский язык, 2015
© Кунарев П., перевод на русский язык, 2015
© Курт А., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
КоЛибри®

*** * ***

...Не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа… но время и случай для всех их.
Екк. 9: 11

Предисловие к новому изданию

Первая мировая война закончилась в 1918 г. 11 ноября 2008 г., в День примирения, были живы только три британских ветерана Первой мировой. Младшему из них исполнилось 106 лет.

Когда в конце 1940-х – начале 1950-х гг. я учился в школе, трое моих учителей были участниками Первой мировой войны, а позже – несколько моих университетских преподавателей. В 1960 г., занявшись историческими исследованиями, я встречался со многими ветеранами войны, моряками, пехотинцами и летчиками. Фельдмаршал Монтгомери и фельдмаршал Александер, прошедшие окопы Первой мировой, поддержали мою работу, как и адмирал Ричард Белл Дэвис, награжденный Крестом Виктории за бои на Галлипольском полуострове.

Разные аспекты той войны, которая должна была покончить с войнами, я отразил в книгах «Атлас Первой мировой войны» (Atlas of First World War) и «Битва на Сомме: героизм и ужас войны» (The Somme: The Heroism and Horror of the War). Я побывал на полях сражений Западного фронта и Палестины, Северной Италии и Балкан, читал надписи на мемориалах Первой мировой войны в Газе и Иерусалиме, на Галлиполи и на Суэцком канале, в Нью-Дели, на Ипре и на хребте Вими, на Сомме и в Компьене, в Риме и Берлине, а также в музеях войны в Брюсселе, Белграде, Оттаве и Канзас-Сити.

Воспоминания, биографии, романы, пьесы и фильмы познакомили послевоенные поколения со многими ликами той войны. Несмотря на последовавшую за ней Вторую мировую и другие войны, которые велись до конца столетия и позже, образы и отзвуки Первой мировой войны продолжали влиять на общественное сознание – как и подвиги солдат на земле, на море и в воздухе. Спустя десятки лет после окончания Первой мировой крестьяне и строители все еще находят ржавые снаряды и изуродованные скелеты.

Это новое издание книги предназначено поколению, для которого Первая мировая война уже почти история, хотя на ней сражались их отцы и деды. Та война продолжает жить в журнальных статьях, книгах, на сайтах в интернете, в музеях, памятниках, военных кладбищах, в экскурсиях на поля сражений, которые постоянно напоминают нам о четырех страшных годах. В течение этих четырех лет бóльшая часть «цивилизованного» мира – из лучших, худших и неизвестных побуждений – сошла с ума, а более 8 600 000 человек (многим еще не исполнилось двадцати или было чуть за двадцать) погибло на полях сражений.

Мартин Гилберт
11 ноября 2008 г.

Введение

В Первую мировую войну было убито более 9 миллионов солдат, моряков и летчиков, свыше 5 миллионов гражданских лиц погибло во время оккупации, от авианалетов, голода и болезней. Двумя другими разрушительными последствиями войны стали геноцид армян в 1915 г. и эпидемия гриппа, начавшаяся во время боевых действий. Бегство сербов из родной страны в конце 1915 г. – еще один жестокий эпизод, сопровождавшийся массовой гибелью мирных жителей, как и морская блокада Германии, приведшая к смерти более 750 000 немцев.

Создается впечатление, что в 1914–1918 гг. происходили две очень разных войны. Первая – война солдат, матросов и летчиков, торговых флотов и гражданского населения во время оккупации, когда страдания и беды отдельных людей превосходили все мыслимые пределы, особенно в окопах на передовой. Другую вели главы государств и министры, пропагандисты и идеологи, в тесном сплетении идеологий и политических и территориальных амбиций определяя будущее империй, народов и целых наций так же неотвратимо, как и на полях сражений. В определенные моменты, особенно в 1917 и 1918 гг., война армий соединялась с войной идеологий, приводя к революциям и капитуляциям, вызывая к жизни новые политические и национальные силы. Война изменила карту мира и судьбу Европы, оставив шрамы на ее теле и страх в ее душе.

В конце Второй мировой войны я был школьником, но многое постоянно напоминало мне о Первой мировой, хотя она и закончилась 27 лет назад. Школьный швейцар, «Джонсон-дворник», бывший королевский морской пехотинец, ветеран морского десанта в Зебрюгге в 1918 г., как рассказывали, за проявленную храбрость был представлен к награде. Директор школы, Джеффри Белл, воевал на Западном фронте и получил Военный крест, но при этом отличался пацифистскими взглядами, которые прививал и нам, мальчишкам. Один из первых моих учителей истории, Э. П. Уайт, тоже прошел окопы: бывало, он маршировал по классу со шваброй на плече, распевая строевые песни. Когда я начинал работу над этой книгой, были опубликованы его эмоциональные, исполненные страдания письма с фронта. Старший брат моего отца, дядя Ирвинг, сражался на Сомме. Он был настолько потрясен и напуган тем, через что ему пришлось пройти, что нам, детям, строго-настрого запретили его об этом расспрашивать. Он умер, когда я работал над этой книгой, в возрасте 93 лет.

И в 1954–1955 гг., когда я служил в армии, Первая мировая война не давала о себе забыть. Полк, форму которого я носил, Уилтширский пехотный, в октябре 1914 г. потерял целый батальон в Рётеле, на Ипрской дуге, когда 1000 человек было убито, а немногие выжившие оказались в плену. Другой батальон был практически уничтожен за несколько минут на склонах Чунук-Баира на полуострове Галлиполи в 1915 г. Еще один батальон уилтширцев в 1917 г. попал под обстрел германской корабельной артиллерии на Салоникском фронте. Какую бы тему я ни исследовал – британское господство в Индии на стыке веков или установление советской власти на Украине в 1920-х гг., – Первая мировая война напоминала о себе при каждом удобном случае. С. С. Дэвис, мой наставник по истории Индии, все еще страдал от ранения, полученного на Западном фронте. В начале 1960-х гг. исследования в области исторической географии привели меня в лондонскую квартиру Арнольда Тойнби. На камине стояли фотографии полудюжины молодых людей в военной форме, и я спросил, кто на них изображен. Он ответил, что это его близкие университетские друзья – все они погибли в окопах.

За годы странствий я побывал во многих местах боевых действий или так или иначе связанных с войной. В 1953 г. по совету Алана Палмера, одного из моих преподавателей истории, я посетил различные военные мемориалы, чтобы увидеть события с разных точек

зрения. Я побывал в Вене, где Хофбург и Балльхаусплац напомнили мне о стареющем императоре и министре иностранных дел, в Любляне, в годы войны еще называвшейся Лайбахом, славянское население которой боролось за независимость от Австрии, а солдаты больше не желали поддерживать власть Габсбургов, и в Венеции, в 1917 г. охваченной страхом перед возможным вторжением австрийцев.

В июне 1957 г. в Сараево я стоял на том самом месте, где в июне 1914 г. Гаврило Принцип сделал свой роковой выстрел. Даже при советской власти в Югославии Принципа почитали как одного из борцов за национальную независимость. Две бетонных плиты увековечили два шага, которые привели Европу к страшному четырехлетнему конфликту. В том же году в Белграде я смотрел через реку туда, откуда в первый день войны по сербской столице била австрийская артиллерия. Десять лет спустя мы с отцом побывали у границы Западного фронта: мы останавливались в Аррасе, к востоку от которого бесчисленные военные кладбища служили безмолвным напоминанием о сражениях 1917 и 1918 гг., и в Ипре, где каждый вечер в восемь часов слушали вечернюю зарю, которую два музыканта Ипрской пожарной бригады играли у Мененских ворот.

Когда под сенью огромной арки звучит горн, останавливаются все проезжающие машины. Работа горнистов частично оплачивается из наследства Редьярда Киплинга, чей единственный сын пал в битве при Лосе. На стенах и колоннах монументальных ворот запечатлены имена 54 896 британских солдат, погибших на Ипрском выступе между октябрем 1914 г. и серединой августа 1917 г. и не похороненных. На резьбе видны следы от осколков снарядов – память о Второй мировой войне. Имена погибших в 1914–1918 гг. еще не закончили вырезать, когда в мае 1940 г. снова пришли немцы. Тогда плиты вывезли в Британию.

Мы с отцом шли по Ипрской дуге от Мененских ворот с картами траншей в руках, останавливаясь на месте каждого боя и читая заметки из многотомной официальной истории генерала Эдмона, письма и воспоминания солдат, стихи. Мы стояли в тишине, как и все посетители, на мемориальном кладбище Тайн-Кот в Пасхендале, где высечены имена еще 34 888 солдат, погибших с середины августа 1917 г. до окончания войны в ноябре 1918 г., и где захоронены останки, которые не удалось идентифицировать. На надгробиях более чем 11 000 могил указаны имена погибших. Даже свежескошенная трава, тщательно ухоженные клумбы и пятидесятилетние деревья не могут смягчить шок от такого количества имен и захоронений. Неподалеку отсюда, в Менене, который немцы удерживали всю войну за исключением одного месяца, мы посетили военное кладбище, где похоронено 48 049 немецких солдат.

Спустя 15 лет после моей поездки в Сараево, на место убийства эрцгерцога Франца Фердинанда – убийства, с которого, можно сказать, и началась Первая мировая война, я посетил лесную поляну близ Ретонда во Франции, чтобы увидеть копию железнодорожного вагона, где в ноябре 1918 г. немцы подписали перемирие. По настоянию Гитлера в том же вагоне в 1940 г. была принята капитуляция Франции. Множество связующих нитей между двумя войнами напоминают о том, что их разделял всего лишь 21 год. Некоторые из тех, кто прошел через окопы Первой мировой, во Второй мировой возглавили воюющие стороны – Гитлер, Черчилль и де Голль. Другие оказались среди их ближайших сподвижников и командующих высшего ранга – Роммель, Жуков, Монтгомери и Гамелен. Некоторые, такие как Хо Ши Мин, в Первую мировую служивший добровольцем-санитаром во французской армии, или Гарольд Макмиллан, сражавшийся и раненный на Западном фронте, стали влиятельными фигурами уже после Второй мировой войны.

В 1957 г. я посетил места боев на русско-турецкой границе и села, в которых в первый год войны были убиты сотни тысяч армян. Десятью годами позже я побывал на военном кладбище в Газе, где невысокие, из-за постоянной опасности землетрясения, надгробные камни хранили имена тысяч солдат, погибших в одном из самых жестоких конфликтов,

когда-либо происходивших между англичанами и турками. Я стоял на том самом месте близ Иерусалима, где ранним утром двое британских солдат, искавших птичьи яйца, увидели приближавшихся к ним сановников и священнослужителей, в том числе христианских священников, имамов и раввинов, предложивших им вместо еды сдачу Святого города. Начиная с 1969 г. я три года подряд путешествовал по Галлипольскому полуострову, читая вслух куски из двухтомной официальной истории войны Эспиналя-Огландера и других работ, побывал на местах высадок, поднимался на холмы и спускался в овраги. Контраст между нынешней красотой и спокойствием здешних мест и тем ужасом и страданиями, которые они видели в 1915 г., никогда не переставал преследовать меня.

Исследуя жизнь Уинстона Черчилля, мне довелось читать вслух его ежедневные письма жене с Западного фронта во дворах разрушенных ферм, где они были написаны. В них он восхищался выносливостью тех, кто не мог, как он, вернуться спустя полгода к комфорту гражданской жизни в Лондоне. За восемь лет до начала войны в письме жене из-под Вюрцбурга, где проходили маневры германской армии, на которые его пригласил сам кайзер, Черчилль писал: «Чем больше война привлекает и завораживает меня своим многообразием и непредсказуемостью, тем глубже я с каждым годом ощущаю – и это чувство особенно сильно здесь и сейчас, когда вокруг меня столько оружия и техники, – насколько ее природа омерзительна и жестока, все это – страшная глупость и варварство».

В 1991 г., несколько месяцев спустя после падения железного занавеса, я посетил недавно обретшую независимость Украину, где прошелся по бывшим австрийским казармам приграничного городка Броды, через который в 1914 г. так уверенно маршировали русские войска во время своего первоначального триумфа и откуда они были выбиты всего год спустя. Несмотря на решение Ленина и большевистской партии выйти из войны в 1918 г., боевые действия на Восточном фронте не прекращались еще два года после окончания Первой мировой: сначала здесь шла Гражданская, затем – советско-польская война. По дороге из Брод во Львов я проезжал мимо огромного бронзового всадника, который с воодушевлением указывал в сторону Варшавы (прежде чем советские памятники были демонтированы). Впечатляющая статуя напоминала о попытке большевиков захватить Польшу в 1920 г. Эта кампания, как и старания России сохранить Польшу в составе империи шестью годами ранее, потерпела крах. В Варшаве я несколько раз стоял перед Могилой Неизвестного Солдата. В отличие от Вестминстерского аббатства или Триумфальной арки в Париже, она не увековечивает память погибших в Великой войне 1914–1918 гг., а посвящена жертвам советско-польской войны 1920 г.

В течение четырех десятилетий многие ветераны рассказывали мне о том, как они сражались на различных фронтах. В 1954–1955 гг., будучи молодым военным, я посетил множество семей, где доживали свой век на всю жизнь искалеченные окопными буднями старики. В период своих изысканий, начавшихся в 1960 г., я встретился с большим количеством пехотинцев, моряков и летчиков всех воевавших армий. Их воспоминания, письма и документы, бережно хранимые с тех суровых дней, были настоящим порталом в прошлое. Мне также очень помогли личные беседы с одним из историков Первой мировой войны, сэром Джоном Уилером-Беннетом, и с тремя старшими коллегами, с которыми мне довелось работать в 1962 г. в Мертон-колледже в Оксфорде, – Алистером Харди, Хьюго Дайсоном и Майклом Поланием: каждому из них пришлось повидать и благородные, и самые грязные и уродливые лики той далекой войны. Харди и Дайсон воевали на Западном фронте, Поланий служил медиком в австро-венгерской армии.

Работая над книгами о Черчилле, я встречался с 80-летним генералом Сэйвори, воевавшим на Галлиполи. Он предложил мне пощупать след от турецкой пули у него на голове. Его боевой путь продолжился в Месопотамии и Сибири. Летчик, сэр Ричард Белл Дэвис, также сражавшийся на Галлиполи, где он был награжден Крестом Виктории, достал из бумажника

кусок туалетной бумаги, на которой был изображен германский кайзер с подписью «Подотри мной задницу».

Двое других солдат, воевавших на Западном фронте с самого начала боевых действий, поразили меня рассказами о своей дружбе и воспоминаниями. Один из них – французский художник Поль Маз, кавалер ордена «За боевые заслуги», Воинской медали с планкой (Великобритания) и Военного креста, после войны переехал в Англию. Он чудом вырвался из Парижа, когда в июне 1940 г. его уже заняла немецкая армия. Все четыре года войны Маз служил в военной разведке и был участником всех крупнейших операций британской армии. Второй ветеран – британский политик генерал-майор сэр Эдвард Льюис Спирс, кавалер Военного креста (Британия), после Первой мировой войны избранный в парламент, а в июне 1940 г. переправивший генерала де Голля в Англию. И Маз и Спирс в своих военных мемуарах и рассказах старались воссоздать достоверную картину боевых действий во Фландрии, описать настроения и надежды солдат, показать трудности и лишения, через которые им пришлось пройти за долгие четыре года от объявления войны в 1914 г. до подписания мирного договора в 1918 г.

Я до сих пор отчетливо помню 3 сентября 1976 г., когда я обедал с Энтони Эденом, впоследствии графом Эйвоном, в его доме в Уилтшире. Он рассказывал о различных эпизодах Второй мировой, начавшейся ровно 37 лет тому назад. Его сыну Саймону, пилоту и офицеру Королевских ВВС, был 21 год, когда в июне 1945 г. он погиб в небе Бирмы. Мы говорили о решении Британии в 1941 г. прийти на помощь Греции, об угрозе поражения СССР в 1942 г. и даже о возможности сепаратного мира между Германией и СССР.

Многие эпизоды напоминали подобные ситуации во время Первой мировой: решение Великобритании в 1915 г. оказать военную помощь Сербии, высадившись в том же порту Салоники, где в 1941 г. будут разгружаться британские транспортные суда, отправленные в поддержку грекам, и выход России из войны в 1917 г. А Николасу Эдену, командиру расчета артиллерийской башни на линейном крейсере Королевских ВМС «Индефатигебл», на момент гибели было всего 16 лет.

В работе над исследованиями жизни Черчилля мне помогал и Гарольд Макмиллан, и долгое время я не догадывался, почему у него такой неразборчивый почерк, все время трясутся руки, а походка нервная и дерганая. Все это были последствия ранений, полученных в 1916 г.

Путешествия убедили меня, что в Европе не найти региона, где не было бы памятников и мемориалов, посвященных Первой мировой войне. Варшава и Лилль, Брюссель и Белград ощутили всю тяжесть оккупации во время обеих мировых войн. Солдаты уходили на войну из Праги и Будапешта, Берлина и Вены, Парижа и Рима, Лондона и Нью-Йорка, Кейптауна и Бомбея. Те, кто вернулся, подавленные и усталые, видели, как горе и лишения пришли на смену энтузиазму и воодушевлению первых дней войны. Памятники в каждом из этих городов напоминают об огромных человеческих потерях.

Я изучил надписи и иконографию огромного количества военных мемориалов. Все они – свидетельства уничтожения живого, от могил отдельных солдат и гражданских лиц до надписей на памятниках, говорящих о гибели более чем полумиллиона лошадей во время боевых действий и 15 000 утонувших на пути к фронту: эти памятники составляют потрясающий воображение, местами красивый, а иногда гротескный ансамбль, напоминающий о разрушении и смерти. Открытие каждого памятника, например канадского мемориала на хребте Вими в 1936 г., всякий раз оживляет память о прошлом. Даже после Второй мировой войны, на парадах в честь ее окончания, всеобщее внимание привлекали ветераны Первой мировой, все в медалях. В 1974 г. в Булони я наблюдал за марширующими солдатами обеих войн и за согбенным стариком, шестьдесят лет назад выжившим в битве на Марне и занимавшим почетное место во главе колонны.

Конечно же во время войны боевые действия занимали первые полосы газет во всем мире, но не меньше места отводилось известиям о мятежах, забастовках и революциях, происходивших в тылу, как и трудовым подвигам миллионов людей на фабриках и в трудовой армии. Горчичный газ стал новой и неожиданной угрозой для солдат. Подводные лодки потопили не одну сотню кораблей, оставив покоиться на дне морском тысячи моряков, военных и гражданских. Воздушные налеты и бомбардировки были постоянным кошмаром для мирного населения. Голод и лишения выпали на долю миллионов простых людей далеко за линией фронта.

Мои исследования легли в основу нескольких книг, в которых центральное место занимала Первая мировая война. Среди них «Сэр Хорас Рамбольд, портрет дипломата» (Sir Horace Rumbold, Portrait of a Diplomat) – свидетельство британского дипломата в Берлине о самом начале войны; третий и четвертый тома биографии Черчилля, где говорится о боевых действиях в Дарданеллах, на Западном фронте и создании Министерства вооружений; а также «Атлас Первой мировой войны» (Atlas of First World War), наглядно и детально показывающий обстановку на каждом из фронтов и ее изменения в ходе боевых действий. Влиянию войны на взаимоотношения арабов и евреев на Ближнем Востоке посвящены три главы в труде «Изгнание и возвращение: борьба евреев за родную землю» (Exile and Return, Struggle for a Jewish Homeland). Письма, которые я опубликовал в 1964 г. в книге «Великобритания и Германия между двумя мировыми войнами» (Britain and Germany Between Wars), говорят о том, как ход войны отразился на итоговых мирных соглашениях и межвоенных годах.

В том же 1964 г., вскоре после того, как рукопись «Европейских держав в 1900–1945 гг.» (European Powers 1900–1945) была сдана в оксфордскую типографию, меня пригласила на встречу миссис Ваверка, глава издательства. В своей книге я возложил на Австрию часть ответственности за начало боевых действий в 1914 г., что и вызвало ее озабоченность и недовольство. Она родилась и получила образование в Вене. Как еврейка, в 1938 г. она была вынуждена уехать из страны, но не сомневалась в невиновности Австрии в событиях 1914 г. По ее мнению, вина полностью лежала (и мне следовало отметить это в книге) на русских и сербах.

Этот эпизод произвел на меня сильное впечатление, как и рассказ миссис Ваверки о страшных голоде и нищете в послевоенной Вене и о политических событиях после войны, поставивших крест на империи Габсбургов.

Для кого-то эта война начиналась как акт наказания и возмездия. Для других она обернулась войной за то, чтобы покончить с войнами. Само ее название – Великая война – говорит о невиданных доселе ее масштабах, но за ней последовала другая, еще более разрушительная, война, а затем бесчисленные «малые» конфликты по всему миру. На январь 1994 г. насчитывалось тридцать два очага боевых действий, разбросанных по всей планете. О Первой мировой войне продолжают вспоминать в дискуссиях даже о самых современных конфликтах. 26 декабря 1993 г., когда я писал эту книгу, британский репортер, говоря о том, что рождественское перемирие в Боснии так и не наступило, стоя перед камерой на фоне глубокой траншеи, сказал: «Оборонительные сооружения вокруг Витеза напоминают окопы Первой мировой, они такие же грязные». Траншея была не так уж грязна, залита водой или разрушена артиллерийским огнем, но этот образ отпечатался в памяти и всплыл через 80 лет после Первой мировой, пережив несколько поколений. Небольшой отрезок времени, когда длилась война – всего 4 года и 3 месяца, – вдохновил, озадачил и взбудоражил целое последующее столетие.

Первая мировая привела к политическим изменениям, не менее разрушительным для жизни и свободы, чем сама война, и ставшим причиной более чем полувековой тирании.

Некоторые новые границы, проведенные на мировой карте после войны, спровоцировали многолетние конфликты и до сих пор дают повод к спорам и вооруженным столкновениям.

В 1923 г. Редьярд Киплинг в предисловии к книге «Ирландская гвардия в Великой войне» (Irish Guards in Great War) написал: «Единственное чудо для автора этого исследования – немногие подлинные факты, выловленные им в водоворотах войны». С первых выстрелов, прозвучавших 80 лет назад, исследователи вели поиски как среди главных и крупнейших событий, так и среди незначительных эпизодов, а также пытались разгадать многие головоломки и нестыковки. Эта книга представляет собой попытку передать результаты моих изысканий, прочтений, а также мои чувства и взгляды на события, которые, как и холокост в последующие годы, наложили уродливое клеймо на весь западный мир. Кроме того, это попытка рассказать истории отдельных людей на фоне глобальной стратегии командующих самого высокого ранга и операций, в которых были задействованы сотни тысяч солдат.

Если бы каждому из 9 миллионов погибших в Первой мировой войне можно было посвятить хотя бы одну страницу, описать их деяния и страдания, их чаяния, предвоенную жизнь и любовь, пришлось бы написать 20 тысяч таких книг, как эта. Боль и лишения отдельного человека теряются на фоне исторического процесса, но именно ему уделяют внимание все историки. 3 декабря 1993 г. я был потрясен тремя короткими фразами в написанном Мейром Ронненом обзоре двух книг по истории Первой мировой войны. Статья вышла в Jerusalem Post, слова Роннена звучали так: «В 1914–1918 гг. миллионы людей страдали и погибли в грязи во Фландрии. Кто помнит их? Даже те, на чьих могилах есть имена, сейчас стали неизвестными солдатами».

Никакая книга не способна восстановить справедливость, отдав должное всем, кто на своих плечах вынес тяжесть войны, хотя было сделано несколько достойных попыток. Среди последних – книги Лин Макдональд в Великобритании и Стефани Одуен-Рузо во Франции (первую рецензировал Мейр Роннен, вторая – биография поэта Исаака Розенберга, павшего в бою 1 апреля 1918 г.). В своей книге я попытался рассказать о страданиях людей как о неотъемлемой части повествования об одной из величайших войн в нашей истории.

Мартин Гилберт
Мертон-колледж, Оксфорд
20 июня 1994 г.

Глава 1
Прелюдия к войне

Война между великими державами активно обсуждалась в первой четверти XX в. политиками, писателями, учеными и философами, и тем не менее природа европейского конфликта, в отличие от столкновений во времена колониальной экспансии, казалась малопонятной. Все привыкли к ограниченным, но неизменно успешным и быстрым военным кампаниям против слабого противника, где пулемет противостоял копьям, а мощь корабельных орудий – древним пушкам. Впрочем, эти конфликты способны были напугать лишь их непосредственных участников, широкая общественность имела смутное представление о том, что происходило за тысячи километров.

С чего Европе было бояться войны? В 1914 г., перед самым началом Первой мировой, французский полковник, бывший подростком, когда в 1870 г. Германия напала на Францию, услышал разговор молодых офицеров, выпивавших за скорейшее начало войны и смеявшихся над такой возможностью. Он оборвал их смех вопросом: «Думаете, война – это toujours drôle, всегда забавно?» Полковника звали Анри-Филипп Петен. Двумя годами позже под Верденом он стал свидетелем жесточайшей бойни XX столетия.

Французы, чей смех прервал Петен, разделяли ненависть большинства соотечественников к Германии, возникшую больше 40 лет назад, 2 мая 1871 г. Тогда в отеле «Шван» во Франкфурте-на-Майне германский канцлер Отто фон Бисмарк подписал соглашение, по которому Эльзас и бóльшая часть Лотарингии перешли во владение Германии. В тот день германские войска вошли в Мец под залпы победного салюта. В классных комнатах иезуитского колледжа Святого Климента, как в 1931 г. писал британский историк Бэзил Лиддел Гарт, «послание, переданное пушками, не требовало перевода. Мальчишки вскочили на ноги. Директор, поднявшись вслед за ними, воскликнул: «Дети мои!» – затем, не в силах сказать больше ни слова, склонил голову и сложил руки, как для молитвы. Память об этом ужасном моменте оставила несмываемый след в душах учеников». Одним из этих молодых людей был 19-летний Фердинанд Фош, который не смирился с тем, что его родина потерпела поражение до того, как он смог пойти на фронт.

Не все в только что объединенной Германии были удовлетворены результатами победы. Амбиции немцев возрастали с ростом промышленной мощи страны. Стремление к колониальной экспансии, не меньшему, чем у Великобритании, морскому могуществу, влиянию на азиатских мусульман, доминирующей роли в Европе постоянно подпитывало чувство неполноценности немцев. Очевидно, Германия, объединившаяся лишь в 1871 г., слишком поздно для империи вступила в борьбу за власть, влияние и уважение на международной арене. Необходимость дальнейшей войны и необходимость накопить достаточное военное могущество для безоговорочной победы – таковы были главные выводы книги «Германия и будущая война» (Deutschland und der nächste Krieg), опубликованной в 1912 г. кавалерийским офицером в отставке Фридрихом фон Бернгарди. В 1871 г. Бернгарди побывал в Париже в числе победителей, и в своей книге он подчеркивал, что Германии необходимо начать войну, чтобы не проиграть битву за мировое господство. «Единственный закон природы, перед которым ничего не значат все остальные ее законы, – пишет он, – это борьба за существование». Война была «биологической необходимостью». Немецким солдатам на сорок лет моложе его вскоре предстояло испытать эту уверенную теорию на поле боя и умереть, проверяя ее на практике.

Франко-прусская война 1870–1871 гг. стала последней войной между европейскими державами в XIX в. В битве при Седане с каждой стороны погибло три тысячи солдат, а во

время гражданских волнений в Париже было казнено более 25 000 коммунаров. Этот жестокий пример показал, как дорого обходятся большие войны и насколько непредсказуемыми по своему разрушительному эффекту могут быть их последствия. После 1871 г. Германская, Французская, Бельгийская и Британская империи продолжали расширять свои заокеанские владения, празднуя блестящие победы и испытывая горечь редких, но ощутимых поражений. Среди нескольких сотен британских солдат, в 1879 г. погибших от рук зулусов у Исандваны, был и сын Наполеона III. В 1894 г. полковник-лейтенант Жоффр вел свою колонну по пескам Сахары на штурм Тимбукту. На стыке веков германский полковник Эрих фон Фалькенхайн в составе командования иностранного экспедиционного корпуса создал себе репутацию безжалостным подавлением восстания боксеров в Китае. Именно тогда кайзер Вильгельм II сравнил германских солдат с гуннами, не подозревая, что случайно оброненная фраза спустя короткое время приобретет прямо противоположное значение. «Как тысячу лет назад гунны под предводительством Аттилы завоевали славу, запечатлевшую память о них в мировой истории, – сказал он, – Германия должна запомниться Китаю, чтобы ни один китаец не смел даже косо посмотреть на немца»[1].

Эти, как правило, далекие, но всегда кровавые войны послужили предостережением тем, кто был способен услышать. В 1896 г. британский классик А. Э. Хаусман писал о жестокости войны в поэтическом сборнике «Парень из Шропшира» (A Shropshire Lad):

В волнах летнего дурмана
Был ручьем я усыплен.
Слышу: грохот барабана
Пробивается сквозь сон.

То звучнее он, то тише
Раздается там и тут.
Для мортир готова пища —
Юноши на смерть идут.

На полях былых сражений
Кости белые лежат.
Все они – добыча тленья,
Нет для них пути назад.

В горн трубит трубач отважный,
Флейта звонкая поет.
Все готовы к бою. Каждый
В Воскресенье оживет[2].

Пятью годами позже тревожным рифмам Хаусмана вторил голос 26-летнего члена палаты общин, консерватора Уинстона Черчилля. Участвовавший в боевых действиях в Индии, Судане и в Англо-бурской войне Черчилль услышал предложения некоторых политиков о создании армии, способной воевать на равных с европейским противником. «В послед-

[1] *Античные гунны* – племена монгольского происхождения, в IV и V вв. с берегов Каспийского моря совершавшие набеги на Европу, в конце под предводительством Аттилы. После завоевания Германии Аттила был остановлен на Марне (!) около городка Шалон объединенной армией римлян и готов, а готское племя тевтонов входит в число прародителей современных немцев. Авт. (Здесь и далее примечания с пометой *Авт.* принадлежат Мартину Гилберту, все прочие сделаны редактором.)

[2] Здесь и далее, если не указано иначе, стихи приводятся в переводе Анны Курт.

нее время я часто удивляюсь, слыша бойкие и хладнокровные высказывания членов парламента и даже министров о европейской войне», – заявил он 13 мая 1901 г., через три месяца после вступления в парламент. Далее он развил свою точку зрения, рассуждая о том, что прошлые войны велись «малыми регулярными армиями, состоящими из профессиональных солдат», в будущем же, когда «друг на друга пойдут целые народы», война в Европе закончится лишь «полным истреблением побежденных с едва ли менее фатальным истощением и экономическим коллапсом победителей».

Демократия, предупреждал Черчилль, будет гораздо «более мстительна», чем королевская власть и правительства старых формаций: «Войны народов окажутся куда ужаснее, чем войны королей». Десятью годами позже, 9 августа 1911 г., когда охваченная военной лихорадкой Германия пошла на открытый конфликт с Британией и Францией, захватив на Атлантическом побережье порт Марокко, лидер немецких социал-демократов Август Бебель высказал рейхстагу предостережение: война может привести к революции. Его осмеяли, назвали паникером, один из парламентариев ответил ему, что «после войны положение вещей всегда улучшается!».

Соперничество, порождающее войны, не способна смягчить логика антивоенных настроений. Первое десятилетие XX в. ознаменовалось множеством проявлений такого соперничества и различными обидами между народами, чьи истинные потребности, стремления и возможности должны были бы заключаться в мире, торговле, промышленности и росте национального благосостояния. Целых четыре десятилетия во Франции копилось раздражение против Германии из-за потери территорий, аннексированных в 1871 г. Совет французского патриота Леона Гамбетта «Никогда не говорите об этом, но всегда помните» постоянно звучал в ушах французов. Статуя Страсбурга на площади Конкорд, затянутая черной тканью, служила им вечным напоминанием о потере двух восточных провинций. В путеводителе по Парижу Карла Бедекера, вышедшем в 1900 г. в Лейпциге, о задрапированной статуе говорится: «В память об утраченном Эльзасе «Страсбург» затянут крепом и покрыт траурными венками». Со своей стороны, Германия лелеяла неуемные территориальные амбиции, особенно за пределами восточной границы. Немцы надеялись присоединить западные польские губернии Российской империи, а также расширить немецкое влияние в Центральной Польше, Литве и вдоль Балтийского побережья. Империя Вильгельма II стремилась восстановить баланс сил, впервые нарушенный двести лет назад Петром I, а через сорок лет после его смерти – Екатериной Великой.

Амбициозные планы Николая II распространялись прежде всего на Балканы, где Россия выступала в роли защитника славян и союзника славянской Сербии, неустанно боровшейся за увеличение своей территории и выход к морю. Российская империя также считала себя поборником прав славянских народов под австрийским правлением. У самой русской границы на территории Австро-Венгрии жили три славянских меньшинства, которым покровительствовала Россия: украинцы, русины и поляки.

Австро-Венгрия, которой с 1848 г. правил Франц Иосиф, пыталась сохранить собственную громоздкую имперскую структуру, балансируя между многочисленными национальными меньшинствами. В 1867 г., желая найти компромисс между требованиями немцев и венгров, Франц Иосиф принял титул императора Австрии и короля Венгрии. Австрийцы разработали сложную парламентскую систему, целью которой было предоставить место в законодательном органе каждому из народов [3]. Но само нежелание Габсбургов что-либо менять

[3] Закон от 26 января 1907 г. установил для австрийского парламента, где имелось 515 мест, следующие национальные квоты: 241 немец, 97 чехов, 80 поляков, 34 русина, 23 словенца, 19 итальянцев, 13 хорватов, 5 румынов и 3 серба. В последовавших выборах чехи, поляки и русины сформировали левое крыло. В парламенте было и 5 депутатов-евреев (4 сиониста и 1 демократ). Основная партия левых, социал-демократы, состояла из 50 немцев, 23 чехов, 7 поляков, 5 итальянцев и 2 русинов. *Авт.*

столкнулось со стремлением обуздать возмутителя спокойствия, угрожавшего австрийскому господству на юге, – постоянно растущее (по крайней мере, по мнению Австрии) Сербское государство.

В Великобритании писатели и журналисты, равно как и адмиралы с парламентариями, били тревогу, твердя о растущей военно-морской мощи Германии. В начале лета 1914 г. эти опасения подогрело известие о грядущем расширении Кильского канала, что позволило бы безопасно и стремительно перебрасывать немецкие корабли из Балтийского моря в Северное. Антинемецкий пафос господствовал на страницах популярных изданий, настоятельно рекомендовавших правительству ввести всеобщую воинскую повинность, чтобы в случае войны не зависеть от маленькой профессиональной армии. Либеральный кабинет жестко отклонял все подобные предложения.

Схема европейских альянсов отражала стратегические опасения всех государств. Две Центральные державы, Германия и Австро-Венгрия, были связаны как формальными, так и теплыми дружественными отношениями. С 1892 г. все больше сближались Франция и Россия, с обеими Британия достигла соглашения с целью сократить вероятность конфликта. Англия и Франция, не заключая формального союза, в 1904 г. подписали Entente cordiale (*фр.* «Сердечное согласие»), урегулировавшее их взаимные претензии в Египте и Марокко, а с 1906 г. начали совместные совещания по военным вопросам. Благодаря этим соглашениям и переговорам и возникла Антанта, союз Англии, Франции и России, создавший для Центральных держав угрозу вражеского окружения. Особенно этого опасался кайзер Вильгельм II. Он мечтал о Германии, которую бы уважали, боялись и одновременно восхищались. Внук королевы Виктории, он возмущался тем, что в мире господствуют ее сын Эдуард VII и внук Георг V, короли, чья империя включала Индию с ее сотней миллионов подданных.

Во дворце Вильгельма в Потсдаме его окружали реликвии, напоминавшие о предке, Фридрихе Вильгельме I, создателе прусской армии. «В наши дни, – писал Карл Бедекер в 1912 г., – характерной чертой городских улиц стали бесчисленные военные, особенно отборные солдаты гвардейских полков». В Потсдаме находилась и бронзовая конная статуя Вильгельма I, установленная в 1900 г. Вильгельмом II, с богиней Победы перед пьедесталом. Богиню, во времена Римской империи покровительницу цезарей, окружали рельефы, изображавшие юного принца в битве при Бар-сюр-Об в 1814 г., во время войны с Наполеоном, и триумфальное вступление немецкой армии в Париж в 1871 г.

Ирония заключается в том, что первое известное упоминание о Потсдаме, символе военного могущества и имперского статуса Германии, относится к X в. и, по словам Бедекера, свидетельствует о «древнеславянском происхождении» города. С тех пор ни о каких славянах в Потсдаме не слышали, хотя в 1945 г. русские встретились там с союзниками как победители, завоеватели и миротворцы. Впрочем, карта Европы после 1900 г. с ее четко очерченными границами, бóльшая часть которых не менялась с 1815 г. или по крайней мере с 1871 г., скрывала немало серьезных разногласий, в основном этнического характера.

Сербия, несколько десятилетий назад обретшая независимость и территориальную целостность и ставшая первым самостоятельным славянским государством современности, пыталась получить выход к Адриатическому морю, но в этом ей препятствовала Австрия, в 1908 г. аннексировавшая бывшую турецкую провинцию Босния и Герцеговина. Эта аннексия не только очевидно противоречила Берлинскому соглашению 1878 г., подписанному в том числе и Великобританией, но и позволяла Австрии контролировать Адриатическое побережье, протянувшееся более чем на 500 километров. К тому же в случае нападения Австрии на Сербию Босния могла служить ей военной базой.

Каждое из национальных меньшинств Австро-Венгрии мечтало присоединиться к одной из соседних стран, таких как Сербия, Италия или Румыния, или, как в случае чехов, словаков, словенцев и хорватов, получить некую форму автономии или даже образовать

независимое государство. Поляки, находившиеся под властью Германии, Австро-Венгрии и России, никогда не оставляли своего стремления к независимости, подкрепленного обещаниями Наполеона, но на протяжении столетий успешно подавляемого кайзерами, царями и императорами.

14 декабря 1912 г. на опасность стремлений славянских народов для Австро-Венгрии в письме престолонаследнику империи Габсбургов, племяннику императора эрцгерцогу Францу Фердинанду, указал начальник австрийского Генерального штаба, барон Конрад фон Гётцендорф. «Воссоединение южных славян, – писал он, – одно из мощнейших национальных движений, которое невозможно ни игнорировать, ни остановить. Вопрос в том, состоится ли это воссоединение под эгидой монархии, и тогда ценой этого станет потеря независимости Сербией, или же Сербия послужит для него основой, и тогда мы потеряем монархию». Фон Гётцендорф ясно дал понять, что объединение славян вокруг Сербии для Австрии будет означать потерю всех южнославянских провинций, то есть почти всего побережья. Утрата территорий и престижа в угоду Сербии «низведет статус монархии до средней европейской державы».

Страхи и желания многих государств и народов пока еще не привели к европейской войне, но стали пороховой бочкой, к которой оставалось лишь поднести спичку, чтобы грянул взрыв. Война дала бы прекрасную возможность осуществить давно вынашиваемые планы или посчитаться по старым счетам. Германию, несмотря на развитую промышленность и уверенность в своей военной мощи, встревожил тесный союз между ее западными и восточными соседями, Францией и Россией. В поисках союзника она ухватилась за громоздкую и внутренне неупорядоченную Австро-Венгрию, ставшую ее партнером по необходимости. А в 1882 г. Германия вовлекла в свою орбиту и Италию, создав Тройственный союз.

В 1898 г. визит кайзера к султану Абдул-Хамиду в Константинополь и его помпезное паломничество в Иерусалим, где представители всех трех монотеистических религий возвели для его проезда особые праздничные арки, продемонстрировал Османской империи и всему мусульманскому миру, что они смело могут искать в Германии друга. К 1914 г. на Масличной горе высились три впечатляющих каменных здания с видом на Мертвое море: русский Вознесенский монастырь, с 1888 г. символ восточных интересов Санкт-Петербурга; дом англичанина сэра Джона Грея Хилла, той же весной приобретенный сионистами для еврейского университета, символа зарождающихся национальных устремлений; благотворительная больница Августы-Виктории, построенная в 1909 г. и названная в честь жены кайзера, – памятник уверенному утверждению немецких интересов и амбиций.

В 1907 г. Великобритания подписала соглашение с Россией. Хотя главной целью соглашения было урегулирование затяжных англо-российских споров о разделе сфер влияния в далеких Персии и Афганистане, для Германии оно стало еще одним подтверждением обоснованности ее опасений по поводу возможного стратегического окружения. В знак серьезности своих намерений Германия с 1899 г. продвигала проект железной дороги от Берлина до Багдада и далее, планируя использовать Константинополь как место перехода из Европы в Азию. Паром должен был принимать путешественников, грузы и железнодорожные вагоны на станции Сиркеджи на европейском берегу Босфора и перевозить их на станцию Хайдарпаша на азиатском берегу, что стало бы символом немецкого предпринимательства.

Планы немцев предусматривали продолжение железной дороги через всю Турцию далеко на юг, до портов Газа в Восточном Средиземноморье, Акаба на Красном море и Басра в Персидском заливе. Дополнительная ветка должна была вести на восток от Багдада, достигая персидских нефтяных месторождений, что стало бы прямым вызовом британскому и российскому влиянию, установленному в регионе всего 7 лет тому назад. В 1906 г., желая помешать возможной постройке немецкого терминала в Акабе на Красном море, Британия, доминировавшая в то время в Египте, присоединила к своим египетским владениям восточ-

ные области Синайской пустыни, отобрав их у Турции. Это позволяло молниеносно перебросить британскую артиллерию из Египта в крошечную бухту Табы, откуда она могла бы обстреливать железнодорожный терминал и портовые сооружения Акабы при возникновении угрозы интересам англичан со стороны немцев.

Немецкие страхи перед окружением основывались на наблюдениях за постоянно растущей сплоченностью Франции, России и Великобритании, о которой свидетельствовали договоренности и постоянные переговоры. В январе 1909 г. Альфред фон Шлиффен, бывший начальник немецкого Генерального штаба, ушедший в отставку несколькими годами раньше, опубликовал статью о будущей войне, в которой он говорил о Великобритании, Франции, России и даже Италии: «Очевидно стремление к объединению этих держав, цель которого – концентрация достаточной мощи для нападения на Центральные державы. Вскоре опустятся разводные мосты, границы откроются и миллионные армии ринутся разорять и разрушать, перейдя Вогезы, Мёз, Неман, Буг и даже Изонцо и Тирольские Альпы. Опасность представляется огромной». Зачитывая эту статью вслух своим генералам, кайзер произнес: «Браво!»

В 1911 г., через пять лет после того, как англичане обеспечили себе возможность при необходимости быстро уничтожить хотя бы один из терминалов находящейся под контролем немцев железной дороги Берлин – Багдад, Великобритания и Франция объединили действия с целью помешать закреплению Германии в Агадире, порте на Атлантическом побережье Марокко. Немецкая канонерка вошла в порт, англичане пригрозили начать военные действия, если она откажется покинуть гавань. Угроза подействовала, но напряжение лишь усилилось.

Общественное мнение не всегда основывалось на реальных фактах. Британские коммерсанты пользовались железной дорогой Берлин – Багдад не меньше немецких, к тому же этой дорогой в дополнение к одиннадцати немцам управляли восемь французских директоров. Но Великобритания не могла смириться с самой мыслью о контролируемой немцами транспортной артерии протяженностью почти 3000 километров, пересекающей Европу, Анатолию и доходящей до арабских провинций Османской империи: ее существование представлялось британцам угрозой империи и ее интересам в Персидском заливе и Индийском океане.

Лишь около 300 километров этой дороги, проходившие по Сербии, выпадали из сферы влияния Германии и ее союзников. Британская и Французская колониальные империи были для Германии неиссякаемым источником зависти и негодования, хотя собственные владения Германской империи включали несколько крупных регионов в Африке и обширные пространства Тихого океана. Впрочем, эти регионы никогда не подвергались активной колонизации и эксплуатации. Колониальные владения для Германии были скорее символами власти, чем значимым подспорьем в достижении экономического развития и процветания.

Еще одной причиной англо-германских трений, подогреваемых ярыми националистами по обе стороны Северного моря, стало желание кайзера сравняться с Великобританией в военно-морской мощи, хотя заморские владения Германии не нуждались в столь же значительном флоте, как британский. В 1912 г. специальным указом правительства, четвертым за 12 лет, и без того внушительный личный состав ВМФ Германии был увеличен на 15 000 солдат и офицеров. Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль предложил обеим сторонам взять паузу в наращивании военно-морских сил, но этот шаг был отклонен Германией. Его соображения о том, что сильный флот, необходимый Британии, учитывая ее индийские и другие далекие владения, для Германии является «роскошью», верные по существу, оскорбили немцев, стремившихся сравняться в могуществе с Великобританией, так как предполагали, что они ей в чем-то уступают. В свою очередь, британцы, опасаясь растущей немецкой угрозы в Северном море, приветствовали морскую экспансию России: 12 мая 1914 г.

британский кабинет министров с удовлетворением констатировал, что «предположительно существенное увеличение русского Балтийского флота безусловно облегчит наше положение по отношению к Германии в собственных территориальных водах».

В 1912 г. победа Сербии в Первой балканской войне с Турцией нанесла серьезный удар по престижу Германии. Военный успех и территориальные приобретения маленького славянского государства не только угрожали австрийскому господству на Балканах, но и мешали германским планам добиться наибольшего среди европейских стран влияния в Турции. Территориальные потери турок в Европе в пользу Сербии также сыграли на руку России. Российская империя, сильнейшая из славянских государств и к тому же владевшая польскими и балтийскими территориями на границе с Германией, была рада возможности подогреть антигерманские настроения. Само противопоставление тевтонов славянам было серьезным поводом для конфликта, который никак нельзя назвать нежеланным. 8 декабря 1912 г., беседуя с начальником Генерального штаба графом фон Мольтке, главой морского кабинета адмиралом фон Мюллером и гросс-адмиралом фон Тирпицем, кайзер произнес слова, занесенные Мюллером в дневник: «Австрия должна действовать жестко против славян вне своих границ (сербов), иначе она утратит контроль над сербами в Австро-Венгерской империи. Если Россия поддержит сербов, война станет для нас неизбежной». Немецкий флот, добавил кайзер, «встретится в бою с британским».

На встрече Мольтке высказал предположение, что «столь желанная, по словам кайзера, война с Россией потребует серьезной подготовки». Кайзер согласился и выразил пожелание, чтобы пресса начала «объяснять немецкому народу», что война, которая станет следствием австро-сербского конфликта, затронет «основные национальные интересы» Германии. Инструкция, переданная адмиралом Мюллером канцлеру, Теобальду фон Бетман-Гольвегу, не присутствовавшему на совете, гласила: «На пороге великой европейской войны народ не должен задаваться вопросом, за что воюет Германия. Люди должны заранее привыкнуть к необходимости такой войны»[4].

Мольтке также придавал большое значение готовности общества принять войну. В начале 1913 г. он последовал примеру Бетман-Гольвега и предостерег своих австрийских коллег от войны с Сербией, несмотря даже на намерение сербов оккупировать Албанию. Мольтке не сомневался в своей правоте; 10 февраля 1913 г. он сказал генералу Конраду фон Гётцендорфу, начальнику австрийского Генштаба, что «рано или поздно начнется европейская война, в которой столкнутся германские и славянские народы», и «хорошо подготовиться к этому противостоянию – долг и первоочередная задача государств, являющихся главными носителями немецких национальных идей и культуры». Но «необходимое условие такой войны – готовность людей жертвовать собой и своими интересами и всеобщий энтузиазм», предупредил Мольтке. Это время еще не пришло.

В июне 1913 г. Черчилль в частной беседе с капитаном Э. фон Мюллером, немецким военным атташе в Лондоне, вновь озвучил предложение о паузе в наращивании военно-морской мощи обеими сторонами. Мюллер недолюбливал британцев и не горел желанием отправляться в Министерство иностранных дел в Берлин или даже напрямую к кайзеру, чтобы сообщить о мирной инициативе Черчилля. Он запросил инструкций у гросс-адмирала Тирпица. Тирпиц посоветовал доложить о разговоре с Черчиллем как можно скорее, причем представить дело так, будто Черчилль рассчитывает затормозить рост германского морского могущества, опасаясь, что в противном случае Великобритания не сохранит свое традици-

[4] *Иммануил Гайсс*, в 1961 г. мой коллега по колледжу Святого Антона в Оксфорде, в комментариях к изданным им документам, предшествовавшим войне, назвал замечание, сделанное адмиралом Мюллером после этой важной беседы, «еще одним источником, который по понятным причинам никак не мог войти в Die grosse Politik. (July 1914, p. 42, note 4.) Die grosse Politik der europdischen Kabinette 1871–1914 – 39-томное издание архива немецких документов, опубликованных в Берлине в 1922–1927 гг. *Авт.*

онное первенство на море. Таким образом, инициатива Черчилля была намерено искажена с целью настроить против нее кайзера. Почти год спустя министр иностранных дел Германии Готлиб фон Ягов жаловался немецкому послу в Лондоне: «Хуже всего тенденциозные отчеты вашего военно-морского атташе. Неужели вы не в состоянии его приструнить? Вечная травля и клевета на английскую политику весьма огорчительны, особенно когда используются в высших кругах [то есть кайзером] как довод против моих действий».

Между тем растущая мощь Германии была очевидна всем и каждому. Весной 1913 г. численность ее постоянной армии, возросшей к прошлому году до 544 000 человек, увеличилась до 661 000. В октябре того же года канцлер объяснил этот рост следующим образом: «Не подлежит сомнению, что, если однажды разгорится общеевропейский пожар, который приведет к прямому конфликту славянских народов с германским миром, мы окажемся в невыгодном положении, так как часть Европы, до последнего времени находившаяся под турецким владычеством, теперь принадлежит славянским государствам».

Сразу после окончания Балканских войн на защиту германских ценностей от славянского посягательства встала не Германия, но ее соседка и союзница Австрия. Под давлением Австрии Турция согласилась на создание независимой Албании, тем самым надежно отрезав Сербию от выхода к Адриатике. В то же время Греция, король которой был женат на сестре кайзера, закрыла Сербии доступ к Эгейскому морю, аннексировав прибрежную Фракию, ранее также бывшую турецким владением.

Одни нации испытывали обиду, недовольство, страх, другие были слишком самоуверенными. Газеты раздували угрозы и напоминали о потерях, правительства играли на националистических предрассудках, чувствах патриотизма и воинской доблести. Тем временем пустыни и болота далеких континентов, казалось, сулили процветание, а в свете конкуренции соперничающих держав даже железная дорога, проложенная через пустыню, выглядела провокацией. Ни одна спорная территория или регион по отдельности не могли стать поводом для войны, но в совокупности все они становились достаточно серьезным раздражителем, поначалу позволившим допустить вероятность, а затем и возможность и даже необходимость войны. «Я сыт по горло войной, призывами к войне и многолетней гонкой вооружений, – в приступе откровенности жаловался другу Бетман-Гольвег в июне 1913 г. – Настало время, когда великим народам хорошо бы наконец успокоиться и заняться мирными делами, иначе произойдет взрыв, которого никто не хочет и который всем нанесет ущерб».

Территориальная алчность и успешные завоевания сыграли свою роль в укреплении теорий о необходимости войны. После победы над Турцией в 1912 г. Италия захватила крупную турецкую североафриканскую провинцию Ливия. Годом позже Болгария, также нанеся поражение туркам, получила доступ к Эгейскому морю с выходом в Средиземноморье. Отрезанная от моря Сербия, убежденная в том, что контроль Австрии над Боснией и побережьем Далмации являлся неприкрытой попыткой закрыть ей выход к Адриатическому морю, во время Второй балканской войны оккупировала Албанию и таким образом приобрела значительный участок побережья Адриатики.

В октябре 1913 г. отмечалась 100-летняя годовщина величайшей военной победы в истории Германии, разгрома Наполеона Пруссией, Австрией, Россией и Швецией в Битве народов под Лейпцигом[5]. В память об этом триумфе кайзер открыл посвященный победе монумент церемонией, призванной подчеркнуть воинскую доблесть Германии, ставшую исторической традицией. На открытии присутствовал начальник австрийского Генштаба генерал Конрад, которому кайзер без обиняков высказал готовность поддержать любые дей-

[5] Один из моих оксфордских преподавателей, Карл Лейзер, в 1957 г. рассказал мне на семинаре, что Лейпциг, как и Потсдам, исторически был славянским городом. Название города происходит от славянского слова «липа», он был основан примерно за 1000 лет до н. э. славянскими племенами. Лейзер, уехавший из Германии в 1933 г. из-за начавшегося преследования евреев, был экспертом по тысячелетнему славяно-германскому противостоянию. *Авт.*

ствия Австрии, направленные на выдворение сербов из Албании. Другие державы были к этому не готовы. «Я целиком на вашей стороне, – уверял он. – Вы будете в Белграде через пару дней. Я всегда был сторонником мира, но у всякого терпения есть пределы. Я много читал о войне и знаю, что это такое. Но в конце концов складывается ситуация, когда великая держава не может оставаться сторонним наблюдателем и должна обнажить меч».

Оккупация Албании Сербией оказалась коротким триумфом. 18 октября 1913 г. австрийское правительство предъявило Белграду ультиматум с требованием в течение 8 дней вывести из Албании войска. Сербы подчинились. В тот день британский дипломат Айра Кроу справедливо и прозорливо заметил, что «Австрия выбилась из общего хора держав, чтобы в одиночку решить вопрос, до сих пор считавшийся общей проблемой». На следующий день исполняющий обязанности министра иностранных дел Германии Альфред Циммерман сказал послу Великобритании в Берлине, сэру Эдварду Гошену: «Он был удивлен тем, что император Австрии одобрил политический шаг, который при определенных обстоятельствах мог привести к серьезным последствиям, но это произошло, и стало ясно, что ни о каких претензиях к Вене со стороны Германии речь не идет».

В этой последней фразе и кроются предпосылки европейской войны. После того как австрийский ультиматум был отправлен сербам, кайзер послал императору Францу Иосифу и его наследнику, эрцгерцогу Францу Фердинанду, поздравительные телеграммы. Одобрение Германии, прокомментированное Айрой Кроу в конце октября 1913 г., «подтверждает наши предположения, что Германия, притворяясь, будто она не одобряет действия Австрии и глубоко огорчена ими, на самом деле все это время поощряла своего союзника». Несомненно, в Австрии не прошло незамеченным и то, что ни в одной русской газете не прозвучало призыва выступить в поддержку Сербии, что привело бы к конфликту между Австрией и Россией.

Внешне Австро-Венгрия выглядела вполне стабильной и уверенной в себе. «Сложно не принимать в расчет Австрию, – сказал Бисмарк в 1888 г. – Австрия как государство никуда не делась». 2 декабря 1913 г. Рождество в Вене совпало с торжествами по случаю 65-й годовщины правления императора Франца Иосифа. Ни один из прежних европейских государей не находился у власти так долго. Но он не мог ни обуздать стремление народов, которыми правил, к национальной независимости, ни помешать внешним факторам, подпитывавшим эти настроения. Россия была самой активной из крупнейших держав, раздувавших огонь под кипящим котлом национальных страстей. 19 января 1914 г. австрийский губернатор Галиции сообщил в Министерство внутренних дел в Вене: «В последнее время агитация русофильской партии усилилась еще больше… русификация Галиции, поддерживаемая православием, требует большего внимания со стороны административных органов, если они хотят быть готовыми противостоять этому процессу».

В первые месяцы 1914 г. Великобритания в постоянном поиске нефтяных месторождений, необходимых для производства топлива, без которого не могло передвигаться большинство современных боевых кораблей, перехватила инициативу у немцев, договорившись о преобладающей доле в персидских нефтяных разработках, к которым стремилась Германия, строя свою железную дорогу. В то же самое время Уинстон Черчилль, первый лорд Адмиралтейства, дважды предлагавший Германии и Англии взять паузу в постройке новых кораблей, выступил перед правительством с новой инициативой: начать секретные переговоры со своим немецким коллегой, адмиралом Тирпицем, с целью положить конец «нездоровой концентрации флотов в собственных территориальных водах». Министр иностранных дел, сэр Эдуард Грей, отклонил это предложение, аргументировав свой отказ тем, что, если какая-либо информация о переговорах просочится наружу, «пойдут самые невероятные слухи, и мы будем вынуждены постоянно объясняться с послами в Министерстве ино-

странных дел, а также давать опровержения прессе, отрицая то, что, несомненно, будет нам приписываться». Позиция Грея встретила одобрение большинства министров.

Несмотря на отказ от англо-германских переговоров, ничто не говорило о том, что война может начаться весной или летом 1914 г. Спорные вопросы между государствами могли быть вынесены на обсуждение Международного трибунала в Гааге, основанного в 1900 г. и ставшего символом того, что цивилизованный мир не позволит втянуть себя в самоубийственные конфликты. Социалисты по всей Европе осудили саму идею войны и повсюду призвали рабочий класс отказываться от участия в капиталистических военных инициативах. Банкиры и финансисты, как и земельная аристократия, с которой они конкурировали, ощущали себя членами большой международной группировки, которая, будучи повязана торговыми отношениями или браками, ничего не выиграла бы от войны, в то время как потери для бизнеса были бы значительными. Некоторые достигнутые соглашения превратили соперничество в кооперацию: 13 августа 1913 г. Великобритания и Германия тайно договорились о создании потенциальных сфер влияния в португальских владениях в Африке. Соглашение, устанавливавшее последующий англо-германский контроль над Анголой и Мозамбиком, было подписано 20 октября 1913 г., через два дня после ультиматума, предъявленного Австрией Сербии. Казалось, не существовало никаких причин для того, чтобы Балканский кризис, пусть даже спровоцированный европейской державой, близкой к Германии, мог препятствовать англо-германским отношениям.

На уровне политической мысли британский писатель Норман Энджелл в книге «Великая иллюзия» (Great Illusion) высказал идею, что даже победоносная воюющая держава в результате военных действий неизбежно страдает от чрезвычайных экономических и финансовых потерь. Его предупреждение, впервые опубликованное в 1909 г., было переведено на французский, немецкий, итальянский и русский языки, к 1913 г. выдержав более десяти только англоязычных переизданий. Энджелл подчеркнул, что великие индустриальные державы, Великобритания, США, Германия и Франция, «утрачивают психологическую склонность к войне, так же как мы утратили психологическое стремление убивать своих соседей из-за религиозных разногласий». «Неужели современная жизнь, в которой основное место отводится промышленной деятельности, а военному делу – бесконечно малое, способна разжигать воинственные инстинкты в противоположность тем, что выработаны мирным образом жизни?» Даже прусский юнкер «уже не такой оголтелый фанатик, в нем появились черты ученого».

Энджелл был далеко не одинок, когда указывал на то, что державы, чье соперничество сделало их в общественном мнении столь воинственными, на самом деле тесно связаны между собой узами свободной торговли и промышленной взаимозависимости. В июне 1914 г. существовала компания, принадлежавшая британским и немецким инвесторам и получившая эксклюзивные права на разведку нефти в Месопотамии. Корабли всех европейских стран перевозили в своих трюмах товары, произведенные на полях и фабриках от Атлантического океана до Берингова пролива. Немецкие, французские, британские и российские легковые и грузовые автомобили, которые в случае войны должны были бы перевозить войска и грузы, работали благодаря магнето фирмы Bosch, производившихся исключительно в Германии и импортируемых автопроизводителями всей Европы. В случае войны поставки магнето были бы прекращены, и эту небольшую, но важную часть двигателя пришлось бы изобретать заново и налаживать производство с нуля.

Ацетон – растворитель, используемый в производстве кордита, основного компонента артиллерийских снарядов, – еще один пример взаимозависимости европейских государств. В то время ацетон получали практически исключительно коксованием древесины. Основными поставщиками необходимого сырья были Германия и Австрия, двумя другими – Канада и США. Для производства одной тонны ацетона требовалось не менее восьмидесяти

тонн березы, бука или клена. Леса всей Британии не смогли бы обеспечить сто тонн, необходимые на каждый год ведения войны. Импортное дерево было важным компонентом военного производства. В первые полгода после начала военных действий нужда Великобритании в синтетическом ацетоне стала критической, и науке выпала честь решить этот вопрос, хотя производство было налажено только в феврале 1916 г. Одной из областей, в которой Германия являлась безоговорочным монополистом, было производство биноклей. В августе 1915 г. Великобритании пришлось через швейцарских посредников приобрести 32 000 пар немецких биноклей для Западного фронта.

Не только международная торговля и туристический бум начала нового века, но и то, что почти все европейские монархи в результате династических браков стали родственниками, казалось бы, гарантировало нерушимые связи между государствами. Германский кайзер и русский царь были связаны родственными узами и состояли в регулярной дружеской переписке, называя друг друга «Вилли» и «Ники». Письма, которыми они обменивались, вовсе не преисполнены ненависти. И тем не менее постоянное наращивание армии и флота, появление военной авиации и соперничество европейских держав стали причиной растущей напряженности, которая пересилила дружескую переписку, свободную торговлю и здравый смысл.

В начале 1914 г. кайзер привел русских в бешенство, направив в Турцию военного советника генерала Лимана фон Сандерса, представителя высшего командного состава. 12 мая 1914 г. в Карлсбаде начальник немецкого Генерального штаба граф Мольтке сказал своему австрийскому коллеге, барону Конраду, что любая задержка в войне с Россией «снизит наши шансы на победу, мы не в состоянии соперничать с людскими резервами русских». Через неделю, во время автомобильного переезда из Потсдама в Берлин, Мольтке поделился с министром иностранных дел Готлибом фон Яговом своими соображениями о том, что Россия в течение двух или трех лет достигнет максимальной военной мощи и у Германии не остается другого выхода, как «нанести превентивный удар, чтобы разгромить противника, пока это еще возможно». В дорожном разговоре Мольтке с фон Яговом прозвучал и прозрачный намек министру иностранных дел «направлять нашу политику таким образом, чтобы как можно раньше спровоцировать войну».

29 мая полковник Хаус, эмиссар президента Вильсона, писал ему из Берлина: «Ситуация выходит из-под контроля. Это милитаризм на грани помешательства. Если не заставить их взглянуть на вещи под другим углом, рано или поздно катастрофы не избежать». «Никто в Европе не способен это понять, – предупреждал Хаус. – Слишком много ненависти, слишком много зависти. Даже если успокоится Англия, на Германию и Австрию набросятся Франция и Россия. Англия не хочет полного разгрома Германии, потому что тогда ей придется в одиночку столкнуться со своим давним врагом, Россией; но если Германия будет продолжать наращивать флот, у Англии не останется выбора». Приехав в Лондон, Хаус заявил британскому министру иностранных дел, что в Берлине «слышно бряцание оружия, в воздухе ощущается готовность нанести удар».

Даже в тот момент, когда полковник Хаус устно и письменно делился своими предчувствиями, Великобритания и Германия вели переговоры о Багдадском железнодорожном соглашении, чтобы распределить экономические преимущества и избежать территориальных конфликтов в Малой Азии. Но экономические преимущества мирного сосуществования были не единственными выгодами, которые обсуждались тем летом. В начале июня канцлер Бетман-Гольвег сказал министру-президенту Баварии графу Гуго фон Лерхенфельду, что в Германии есть силы, которые ожидают войны, чтобы изменить внутреннюю ситуацию «в консервативном направлении». Но Бетман-Гольвег полагал, что «мировая война с ее непредсказуемыми последствиями лишь укрепит огромное влияние социал-демократии, проповедующей мир, и повергнет престолы во прах».

11 июня в Кенвуд-хаусе[6], в одном из самых зеленых районов Северного Лондона, специально привезенный из Вены оркестр играл для гостей на великолепном балу и званом ужине. Хозяином вечера был великий князь Михаил, праправнук Екатерины Великой и двоюродный дядя царя, а его гостями – аристократы и знатнейшие люди Европы во главе с королем Георгом V и королевой Марией. У гостей и развлекавших их музыкантов не было никаких причин для беспокойства, они чувствовали себя совершенно непринужденно. Но даже в эту минуту покоя и умиротворения над ними нависла угроза.

Славян под властью Австро-Венгрии, как и сербов в их независимом королевстве, влекла надежда на покровительство царской России, которой правил родственник великого князя. В мае 1914 г. доктор Карел Крамар, глава чешской фракции австрийского парламента, в письме поведал русскому другу о своих соображениях по поводу «славянской конфедерации, управляемой из Санкт-Петербурга», которая возникнет после войны между Россией и Австрией, когда рухнет империя Габсбургов.

Ощущение нестабильности витало над всей громоздкой структурой Австро-Венгерской монархии. Ее главе, императору Австрии и королю Венгрии Францу Иосифу, было восемьдесят три года. Поговаривали, что его племянник и наследник, эрцгерцог Франц Фердинанд, не желая мириться с преобладанием венгерской части в государстве, рассчитывал разделить империю таким образом, чтобы венгерская половина утратила свой особый статус, а сербы и хорваты получили бóльшую самостоятельность. Весной 1914 г. эрцгерцог планировал, по крайней мере на бумаге, будущий «народный парламент», чтобы обуздать мононациональное влияние за счет увеличения в Венгрии значимости невенгерских меньшинств, в том числе двух крупных славянских групп, словаков и хорватов.

12 июня 1914 г. кайзер отправился в Конопишт под Прагой, чтобы провести выходные с Францем Фердинандом. Они отдыхали и развлекались охотой. Главной темой серьезного разговора было благоволение кайзера венгерскому премьер-министру, графу Тисе, чья популярность претила Францу Фердинанду. Кайзер и наследник престола также обсудили визит русского царя к румынской королевской чете в Константе на Черном море. Эрцгерцог как будто бы также спросил кайзера, но очень вскользь, по-прежнему ли готова Германия, как и намекал кайзер во время Албанского кризиса восемь месяцев назад, поддержать Австро-Венгрию в уничтожении сербского «осиного гнезда», которое, в чем Австрия убеждена, способствует нагнетанию антиавстрийских настроений в Боснии и Герцеговине. Кайзер ответил, что Австрия должна что-то предпринять, прежде чем ситуация ухудшится. Он сомневался, что Австрии надо бояться российского вмешательства для защиты Сербии, так как русская армия еще не готова к войне. Из чего следует, что австрийские действия против Сербии получали полную поддержку Германии.

Кайзер покинул Конопишт и уехал в свой дворец в Потсдаме. Девять дней спустя он отправился в Киль на ежегодную Эльбскую регату, Кильскую неделю, время гонок, танцев и удовольствий. Хотя недавно открытый Кильский канал представлял для Великобритании немецкую военно-морскую угрозу, эскадра британских военных кораблей присутствовала в качестве почетных гостей, ее четыре линейных корабля и три крейсера были пришвартованы бок о бок с кораблями императорского флота открытого моря Германии. Матросы и офицеры обоих флотов обменивались восторженными комплиментами и поднимались на борт судов

[6] *Кенвуд-хаус* – архитектурно-парковый ансамбль в лондонском районе Хэмпстед, с 1754 г. резиденция Уильяма Мюррэя, 1-го графа Мэнсфилда. В 1925 г. Кенвуд-хаус приобрел лорд Айви из семейства пивоваров Гиннесов, который перевез в усадьбу собственное собрание картин, включая произведения Вермера и Рембрандта, а в 1927 г. передал ее в дар Великобритании. В 1909 г. усадьбу арендовал великий князь Михаил Михайлович с супругой Софией Николаевной (внучкой Пушкина).

другой державы, чтобы насладиться зрелищем. Вместе они с непокрытыми головами стояли на похоронах британского летчика, погибшего в авиакатастрофе во время торжеств.

На палубе своей гоночной яхты «Метеор V» кайзер находился в центре событий регаты. 26 июня, надев форму британского адмирала флота, он поднялся на борт линкора «Король Георг V». Технически он был старшим среди присутствующих офицером британского Королевского военно-морского флота. Во время его визита произошел забавный инцидент: консул британского посольства в Берлине, сэр Хорас Рамбольд, специально надел в тот день фрак и цилиндр. «Адмирал флота» решил, что дипломат одет неправильно. Указав на цилиндр, он сказал: «Если увижу снова, я его сплющу. Неприлично носить цилиндр на борту военного корабля».

Вечером 27 июня командующий британской эскадрой устроил на борту «Короля Георга V» прием для немецких офицеров. Несколько недель спустя Рамбольд вспоминал, как во время регаты его «невольно впечатлила необычайная сердечность, царившая между немцами и нашими матросами». На следующий день, 28 июня, состоялась яхтенная гонка, за которой с азартом следили немецкие и английские зрители. Сам кайзер участвовал в ней на своем «Метеоре». В то время как он находился в Кильской бухте, на его имя пришла телеграмма, которую положили в портсигар и перебросили на борт яхты. Кайзер прочитал ее: наследник империи Габсбургов, эрцгерцог Франц Фердинанд, принимавший его в Конопиште двумя неделями раньше, был убит в боснийской столице Сараеве вместе с женой. Гонку пришлось отменить, сама Кильская неделя подошла к концу, и кайзер поторопился вернуться во дворец в Потсдаме.

Глава 2
«Вне себя от радости»

28 июня – 4 августа 1914 г.

Убийство наследника Габсбургов произошло в годовщину унизительного для всех сербов события – победы турок в битве на Косовом поле в 1389 г. Официальный визит в Сараево 28 июня 1914 г., в день столь торжественных и скорбных воспоминаний, который, кроме того, был и национальным днем Сербии, выглядел особенно бестактным. Среди публики, собравшейся поглазеть на эрцгерцога и его супругу, проезжающих через город к резиденции губернатора, оказался вооруженный пистолетом 19-летний боснийский серб Гаврило Принцип. Он был одним из шести вышедших на улицы молодых заговорщиков, одержимых мечтой о дне, когда Босния освободится от австрийского ярма и станет неотъемлемой частью Сербии.

В то утро один из сообщников Принципа бросил бомбу в автомобиль эрцгерцога. Бомба отскочила и взорвалась рядом со следующим автомобилем, ранив двух офицеров свиты. Убедившись, что потерпевшие доставлены в больницу, а преступник пойман, эрцгерцог настоял на продолжении поездки в мэрию. Оказавшись на месте, он заметил с досадой: «У вас принято встречать гостей бомбами?» Затем его официально приветствовал мэр города. После церемонии эрцгерцог пожелал поехать в больницу, чтобы навестить раненных утром офицеров. Во время этой незапланированной части пути водитель, Франц Урбан, не знавший города, свернул на узкую улицу, где не было возможности развернуться. Поэтому он сбросил скорость, чтобы сдать назад.

Гаврило Принцип, раздосадованный тем, что его сообщники не справились с заданием (а возможно, и тем, что не ему выпал шанс его выполнить), случайно оказался на тротуаре всего в десяти метрах от места, где автомобиль замедлил ход. Внезапно он осознал, что «потерянная» цель сама движется навстречу. Шагнув вперед, он дважды выстрелил. Поначалу показалось, что никто не пострадал, и Урбан быстро двинулся в нужную сторону. Но оба его пассажира были смертельно ранены. Эрцгерцог, утром избежавший смерти и сердившийся на плохую охрану, умер от потери крови. Его жена скончалась вместе с ним.

Принципа и двух его сообщников подготовили в Сербии члены террористической националистической организации ультрарадикального толка «Черная рука», которую пыталось ликвидировать сербское правительство. Задание заговорщикам дал лидер «Черной руки», полковник Дмитриевич (известный также как Апис), заклятый враг Австрии. Получивших оружие в Белграде убийц тайно переправили через австрийскую границу обратно в Боснию. Целью террористов было нанести удар по австрийской правящей верхушке. В 1878 г. турок, несколько столетий господствовавших над этими землями, изгнали из Боснии, но последующая аннексия провинции Австрией серьезно ущемила национальные интересы Сербии. То, что Франц Фердинанд приехал в Боснию, чтобы командовать маневрами двух австрийских армейских корпусов, расквартированных в провинции, которые в случае необходимости могли возглавить австрийскую агрессию против Сербии, было явным подстрекательством и провокацией. Маневры проходили в течение двух дней перед визитом эрцгерцога в Сараево.

Заговорщики не знали, что их жертва была более чем благосклонна к национальным чаяниям всех народов, населявших империю, в том числе и сербов. В дворцовых и политических кругах Франц Фердинанд заслужил репутацию человека, желающего изменить двой-

ственную природу Австро-Венгрии на тройственную, включив в союз Австрии и Венгрии южных славян и предоставив им такую же автономность и права, какими с 1867 г. пользовались венгры. Симпатии к славянским национальным идеям и выбор супруги за пределами круга представительниц королевских семей и высшей аристократии уже значительно отдалили эрцгерцога от дяди, императора Франца Иосифа. Тот, узнав об убийстве племянника, по слухам, произнес: «Высшей силе было угодно восстановить порядок, который я не смог удержать». Ему, видимо, казалось, что не убийца, но само Провидение предотвратило возможные последствия брака его племянника с особой некоролевской крови.

Замечание Франца Иосифа о «высших силах» услышал граф Парр и передал их своему заместителю, полковнику Маргутти, который десять лет спустя описал этот эпизод в своих воспоминаниях. Один из биографов Франца Иосифа пишет: «Столь суровый комментарий, отражавший опасения императора, что морганатический брак посягает на предопределенную, как он полагал, свыше династическую линию, выглядит настолько искусственным и высокопарным, что, скорее всего, является апокрифом. С другой стороны, только что полученное известие о трагедии, возможно, смутило его разум, внушив мысли о непостижимых путях Провидения»[7].

Четырнадцать лет назад в этот же день Франц Фердинанд был вынужден принести своему дяде присягу, исключающую его детей из очереди престолонаследников. Император всегда боялся, что племянник откажется от этой клятвы, когда унаследует трон. Опасность наконец была предотвращена. Новым наследником престола, пятым за время его правления, стал его же внучатый племянник эрцгерцог Карл. «Это принесло мне большое облегчение», – признался император.

Широкая общественность и не догадывалась о том, что известие об убийстве в каком-то смысле успокоило императора, да это и не могло никак повлиять на последствия произошедшего. Всеобщее возмущение, страх перед более обширным сербским заговором привели к вспышке антисербских настроений и беспорядкам в Вене и Брюнне (Брно). Британский генеральный консул сообщал из Будапешта: «Волна слепой ненависти к Сербии и всему сербскому прокатилась по всей стране». Граф Бертольд, министр иностранных дел Австрии, и барон Конрад фон Гётцендорф, начальник австро-венгерского Генерального штаба, считали убийство эрцгерцога подходящим поводом, чтобы решить сербский вопрос. Неясно, что именно они собирались предпринять: аннексировать часть Сербии, подчинить ее полностью или нанести военное поражение, чтобы потребовать крупную компенсацию. Франц Иосиф не был сторонником активных действий, опасаясь, что австрийское нападение на Сербию вовлечет в конфликт другие державы, в частности Россию, которая будет вынуждена прийти на помощь Сербии, ссылаясь на принципы панславянского братства. Так же нерешительно вел себя премьер-министр Венгрии граф Тиса. 1 июля Конрад заметил: «Тиса был против войны с Сербией, он колебался, опасаясь, что Россия нанесет нам удар, а Германия не станет вмешиваться».

Кайзер вернулся из Киля в Берлин в воинственном настроении. «Сербы должны быть повержены в самое ближайшее время!» – написал он на полях телеграммы немецкого посла в Вене от 30 июня. На замечание консула о том, что Сербия заслуживает «мягкого наказания», кайзер ответил: «Надеюсь, что нет». Тем не менее они полагали, что единственный возможный вариант развития событий – стремительная победа Австрии над Сербией без какого-либо широкого резонанса. В этот же день британская эскадра покидала Киль, британский адмирал просигналил германскому флоту: «Друзья в прошлом, друзья навсегда». 30

---

[7] *Alan Palmer.* The Twilight of the Habsburgs: The Life and Times of Emperor Francis Joseph. Weidenfeld and Nicolson, 1994. Алан Палмер был моим учителем истории: его увлеченность, о которой в то время свидетельствовал только пример его удачливых учеников, стала широко известна, когда было опубликовано более пятнадцати его работ. *Авт.*

июня сэр Артур Николсон, один из высших чинов Министерства иностранных дел Великобритании, писал британскому послу в Санкт-Петербурге: «Сараевская трагедия не приведет, я надеюсь, к дальнейшим осложнениям».

3 июля Берлин заявил, что железная дорога Берлин – Багдад продолжится на юг, до Басры, предоставляя Германии выход на Персидский залив и сухопутный доступ к Индийскому океану. Этим же летом Англия собиралась в течение нескольких месяцев заключить с Германией соглашение, по которому железная дорога не станет причиной конфликта между двумя странами.

Позиция немцев по отношению к Австрии имела решающее значение. 4 июля посол Германии в Лондоне, князь фон Лихновски, только что вернувшийся из Берлина, сказал бывшему британскому военному министру, лорду Холдейну, что он «очень обеспокоен» отношением Германии к происходящему. «Настроения в Берлине таковы, – сообщал фон Лихновски, – что нельзя допускать, чтобы Сербия продолжала интриги и агитацию против Австрии, а Германия должна полностью поддержать Австрию вне зависимости от того, что она предпримет». В тот же день посол Германии в Вене, граф фон Чширски, сказал представителю австрийских властей, что Германия поддержит Австро-Венгрию «и словом и делом», и добавил: «Чем раньше Австрия атакует, тем лучше. Лучше напасть вчера, чем сегодня, а сегодня лучше, чем завтра».

5 июля кайзер дополнил этот совет важным замечанием, подтвердив активную поддержку со стороны Германии и сказав послу Австрии в Германии, графу Согени, что Россия «совершенно не готова к войне» и австрийцы пожалеют, если, признавая необходимость войны с Сербией, «мы упустим настоящий момент, вполне для нас благоприятный». Кайзер добавил: «В случае, если война между Австро-Венгрией и Россией окажется неизбежной», Германия будет на стороне Австрии.

В тот же день в Потсдаме кайзер сказал канцлеру Германии Бетману-Гольвегу и военному министру Пруссии генералу Фалькенхайну, что он «не верит в возможность крупных столкновений. Царь не встанет на сторону убийц эрцгерцога, а Россия и Франция не готовы к войне». Вот почему, объяснил кайзер, «нет никакой необходимости принимать какие-либо особые меры». Затем он вернулся в Киль и утром 6 июля отбыл на императорской яхте Гогенцоллернов в ежегодный трехнедельный летний круиз по норвежским водам.

После убийства эрцгерцога прошло больше недели. Гнев венцев, задержания в Белграде и невозмутимость Берлина были на повестке дня. С отбытием кайзера в круиз Европа стала оправляться от случившегося. В Вене, однако, продолжались тайные дебаты, касавшиеся дальнейшей судьбы Сербии. 7 июля восемь членов австро-венгерского кабинета встретились, чтобы обсудить предложение кайзера о помощи. Председательствовавший Бертольд считал, что следует немедленно напасть на Сербию без объявления войны.

Звучали в основном воинственные предложения, в частности – урезать территорию Сербии и сделать ее зависимой от Австрии. Только граф Иштван Тиса выразил императору протест, написав ему на следующий день, что австрийское нападение на Сербию, «учитывая человеческую природу, способно развязать мировую войну», которая, был уверен Тиса, приведет к конфликту не только с Россией, но и с соседней Румынией, поставив империю перед «очень неблагоприятной» перспективой.

Немцы проигнорировали опасения Тисы. Посол Германии в Вене, граф фон Чширски, при встрече с Берхтольдом подтвердил готовность немцев к военным действиям против Сербии. «Он сказал мне, – сообщил Берхтольд Тисе, – что получил телеграмму из Берлина, согласно которой его император поручил ему официально заявить, что Берлин ожидает действий против Сербии, и, если удар по ней нанесен не будет, в Германии это вызовет непони-

мание». У немцев по-прежнему вызывала опасения позиция России. 7 июля Бетман-Гольвег говорил: «Будущее связано с Россией, она усиливается день ото дня, обступает нас подобно кошмару». На следующий день он сообщил князю фон Лихновски, что «не только экстремисты» в Берлине, «но даже умеренные политики встревожены ростом российской мощи и неизбежностью нападения России».

8 июля, через десять дней после убийства эрцгерцога Франца Фердинанда, высокопоставленный британский генерал сэр Хорас Смит-Дорриен на торжественном ужине заявил своим старым, еще школьным друзьям, что всем им следует готовиться «к грядущей борьбе». Позже он вспоминал, как «по-доброму подшучивали надо мной приятели, спрашивая, что именно так омрачило мое настроение тем вечером». Три дня спустя на встрече в Аппингемской школе директор произнес речь, при которой присутствовали Вера Бриттен, ее брат Эдвард и друг Роланд Лейтон. Позднее она вспоминала, как «мертвую тишину медленно прорезал торжественный и полный почти религиозного пафоса голос директора: «Если человек не может быть полезным своей стране, лучше ему умереть».

9 июля, через одиннадцать дней после убийства, Эдвард Грей попросил немецкого посла в Лондоне, князя фон Лихновски, встретиться с ним в Министерстве иностранных дел. Он сказал послу, что Великобритания «пытается убедить российское правительство сохранять спокойствие по отношению к Австрии, даже если венский кабинет займет самую жесткую позицию из-за убийства в Сараеве». Тем не менее меры, на которые может пойти Австрия, предупредил Грей, «возможно, вызовут взрыв славянских чувств», который сделает «невмешательство русских» невозможным. О каких мерах идет речь, Грей не уточнял. В тот же день его главный дипломатический советник, сэр Артур Николсон, с определенной уверенностью писал британскому послу в Вене: «У меня есть сомнения относительно того, что Австрия предпримет какие-либо серьезные шаги, и я ожидаю, что буря пройдет мимо».

Николсон убедился бы в правомерности такого оптимистичного прогноза, узнай он о секретном докладе, 13 июля поступившем из Сараева в Вену, в котором сообщалось, что доказательств причастности сербского правительства к убийству не обнаружено. Желание Австрии наказать Сербию все еще было сильным, но подкреплялось лишь уверенностью в том, что Германия поддержит карательную акцию. Когда Берхтольд окончательно убедил Франца Иосифа, что Австрия сможет свершить возмездие без вмешательства каких-либо других держав, принявших сторону Сербии, старик неохотно согласился на ультиматум. Первый шаг к войне был сделан. Надежды Николсона не оправдались.

В Вене продолжались тайные и открытые дебаты: нужно ли принять меры против Сербии? Оптимистичный комментарий Николсона был написан в ответ на предупреждение одного из его подчиненных, что «явная глупость бездумной антисербской политики для Австрии совершенно не очевидна, и таково реальное положение дел в сильно накалившейся обстановке». Молодой чиновник был прав. Его звали Роберт Ванситарт. Двадцать лет спустя он сам стал министром иностранных дел и был жестким противником политики умиротворения Германии.

Никакого ультиматума из Австрии в Сербию отправлено не было, и ощущение кризиса стало спадать. 16 июля в Лондоне в беседе по поводу международной обстановки и опасности «большого костра войны» Норман Энджелл перед большой аудиторией, состоявшей в основном из социалистов, сказал: «Молодое поколение, я верю, решительно настроено против того, чтобы стать бессмысленной жертвой произвола властей».

Пока Норман Энджелл выражал уверенность в «молодом поколении», последние сомнения у представителей старшего поколения в Вене рассеялись. 14 июля австрийский совет министров решил предъявить ультиматум в течение недели. Два дня спустя немецкий посол в Лондоне, князь фон Лихновски, в письме канцлеру Германии не без язвительности

заметил, что австрийские власти должны винить себя в убийстве Франца Фердинанда, раз уж отправили его в Сараево, на «аллею бомбометателей». Даже министр иностранных дел Сербии написал австрийскому министру финансов, имевшему обязательства перед Боснией и Герцеговиной, что этот визит был неразумным шагом. Но теперь все это осталось в прошлом: в строжайшей секретности высшим властям в Берлине сообщили о дате предъявления австрийского ультиматума Сербии. Никаких возражений со стороны Германии не последовало. Руководство немецкой армии было готово к войне. 17 июля заместитель начальника Генерального штаба, генерал Вальдерзее, писал из Берлина министру иностранных дел фон Ягову: «Я буду здесь и готов к действию, весь Генеральный штаб к этому готов».

Ягов, как и кайзер, верил, что Россия не станет вмешиваться. 18 июля он сообщил Лихновски в Лондон: «Чем решительнее ведет себя Австрия и чем энергичнее мы ее поддерживаем, тем скорее прекратит возмущаться Россия. Чтобы не потерять лица, Санкт-Петербург конечно же поднимет шум, но все это никак не отменяет того факта, что Россия сейчас не готова к войне».

Условия австрийского ультиматума были сформулированы в Вене к 19 июля. Возлагавший на Белград ответственность за убийство Франца Фердинанда, он содержал пятнадцать требований, в том числе обязательное осуждение сербскими властями антиавстрийской пропаганды, создание совместной австро-сербской комиссии по расследованию убийства, арест пограничников, помогавших террористам пересечь границу, твердое обещание прекратить любые посягательства на Боснию. Сербам также вменялось в обязанность наказывать всех, причастных к распространению антиавстрийской пропаганды, везде, от школ до различных националистических обществ. Кроме того, австрийские офицеры и чиновники должны были участвовать в расследованиях, судебных разбирательствах, а также в определении наказаний и приведении их в исполнение.

19 июля на заседании австрийского Совета министров всем, в том числе и генералу Конраду фон Гётцендорфу, было ясно, что Сербия отвергнет эти требования и последуют карательные военные действия со стороны Австрии. Гётцендорф, ярый сторонник войны, определил, что ее цель – контроль Австрией боснийских границ.

21 июля Франц Иосиф согласился с условиями ультиматума под влиянием сведений о том, что в заговоре участвовали некоторые организации в Сербии, и из страха перед сербской экспансией. На следующий день министр иностранных дел России, Сергей Сазонов, призвал австрийцев воздержаться от радикальных мер. Предупреждение явно запоздало, к тому же его не подкрепляла какая-либо угроза военных действий со стороны России.

Но австрийский ультиматум еще не был предъявлен. 23 июля британский министр финансов, Дэвид Ллойд Джордж, заявил в палате общин, что благодаря «цивилизованному подходу» трудности в урегулировании споров между народами легко преодолеваются с помощью «здравого и взвешенного арбитража». «Отношения с Германией сейчас лучше, чем когда-либо за последние несколько лет», – отметил он. В бюджете на следующий год были серьезно урезаны расходы на военные нужды. Между тем вечером 23 июля австрийский ультиматум доставили в Белград. Ответ ожидался в течение следующих сорока восьми часов.

На следующий день, ознакомившись с австрийским ультиматумом Сербии, Грей назвал его «самым чудовищным документом, когда-либо направленным одним государством другому». В тот же день российский Совет министров в обстановке строжайшей секретности согласовал мобилизацию тринадцати армейских корпусов, которые «планировалось» в случае боевых действий использовать против Австрии, публично заявив, что Россия «не останется равнодушной». Следующий день, омраченный развитием австро-сербского кризиса, продемонстрировал и грядущие осложнения для Великобритании: первый немецкий военный корабль проследовал через недавно расширенный Кильский канал, на деле доказав

способность Германии быстро и безопасно перебрасывать корабли из Балтийского моря в Северное.

Стало ясно, что последствия австрийского ультиматума могут оказаться весьма серьезными для континентальной Европы. Однако кое-кто в Великобритании дистанцировался от европейских неурядиц. Премьер-министр, Г. Г. Асквит, сказал Георгу V, что Европа «находится в шаге от Армагеддона», но, как бы ни была обеспокоена Великобритания, «к счастью, нет, кажется, никаких причин, почему нам не остаться простыми наблюдателями происходящего». Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль писал жене, что Европу «лихорадит в преддверии всеобщей войны» и что австрийский ультиматум был «самым наглым из когда-либо написанных документов подобного рода». Британский атташе в Берлине, сэр Хорас Рамбольд, писал жене: «Через два часа истекает срок ультиматума, и австрийцы, вероятно, будут в Белграде в понедельник. Господь знает, что будет потом, и, между нами, нам крупно повезет, если удастся выйти из положения, не увязнув в долгой и страшной войне в Европе, и вообще если все не передерутся».

Сербия совершенно не хотела соглашаться на возмутительные требования Австрии, но еще сильнее она желала избежать нападения могущественного соседа. Стремление защитить свои права и инстинкт самосохранения едва ли можно было согласовать между собой. Император Франц Иосиф отдал приказ о частичной мобилизации, но она не начиналась еще три дня и оказалась так плохо организована, что затянулась более чем на две недели.

25 июля в 15:00 Сербия объявила мобилизацию. Три часа спустя она ответила на ультиматум, согласившись, как того требовала Австрия, с тем, что все лица, причастные к распространению антиавстрийской пропаганды, будут наказаны, а подрывные элементы задержаны. Все замешанные в убийстве эрцгерцога будут привлечены к ответственности. Наиболее вызывающий из десяти основных пунктов ультиматума – требование «согласиться с участием органов императорского и королевского правительства в преследовании на территории Сербии движения, направленного на подрыв целостности монархии» – предлагалось обсудить в Международном трибунале в Гааге.

Через полчаса после сербского ответа Австрии, оцененного внешними наблюдателями как примирительный и даже унизительный, посол Австрии, барон Гисль, покинул Белград. Правительство Сербии, опасаясь немедленного нападения на столицу, которую от Австрии отделял только Дунай, поспешно перебралось на юг, в провинциальный город Ниш. Неожиданной проблемой, привлекшей всеобщее внимание и даже насмешившей мировое сообщество, стало то, что начальник Генерального штаба сербской армии генерал Путник, возвращаясь на поезде с богемского бальнеологического курорта, в Будапеште был задержан полицией. Франц Иосиф, возмущенный тем, что генерал был арестован венграми, приказал принести ему извинения и предоставить специальный поезд для возвращения в Сербию.

Австрия и Сербия все еще не находились в состоянии войны. Обе страны оказались к ней не готовы: 26 июля Конрад объяснял Берхтольду, что полномасштабное австрийское вторжение в Сербию будет невозможно в течение нескольких недель. В России все обстояло еще плачевнее, и царь, подчеркивая, что Россия не может оставаться равнодушной к судьбе Сербии, 27 июля пожелал начать переговоры с Веной, чтобы обсудить ультиматум. Австрийцы ответили отказом. Предложение Британии созвать в тот же день конференцию четырех держав – Великобритании, Германии, Франции и Италии – «с целью изыскания возможности предотвратить осложнения» Германия отвергла на том основании, что такая конференция не принесет практической пользы. В тот же день британское Военное министерство поручило генералу Смит-Дорриену обеспечить охрану «всех уязвимых пунктов» на юге Великобритании.

Перспектива общеевропейской войны вынудила тех, кто до сих пор не определился или не высказал свое отношение к происходящему, сформулировать свою позицию по отношению к назревающему кризису. 27 июля член либерального правительства, выходец из рабочей среды Джон Бернс, записал в дневнике: «Почему четыре великие державы должны сражаться из-за Сербии, никто понять не в силах. Войну надо предотвратить любыми доступными средствами». Он считал «своим особым долгом отделить самого себя, свои принципы и свою ответственность перед рабочим классом от такого вселенского преступления, каким станет эта война».

В тот же день Бернс выразил свои чувства на заседании кабинета министров. Когда совещание закончилось, Ллойд Джордж сообщил ведущим либеральным журналистам, что «о нашем участии в войне на ведущих ролях не может быть и речи». Он не знал ни одного министра, который «поддержал бы подобную идею». Участники заседания, однако, согласились, что 1-й и 2-й флоты, по стечению обстоятельств сосредоточенные близ Портленда в Ла-Манше, по окончании назначенных полугодом ранее учений не следует распускать по портам приписки. Черчилль, сознававший, что Великобритания может оказаться втянутой в войну в силу своих союзнических обязательств перед другими странами, во второй половине дня получил одобрение Асквита на создание специальных вооруженных отрядов охраны и распределение их по складам боеприпасов и хранилищам топлива, а также известил всех командиров флотов: «Европейская политическая ситуация делает войну между Тройственным союзом и Антантой вполне вероятной. Это не предупреждение, но будьте готовы к возможному появлению вражеских кораблей».

Опасаясь, что кризис будет разрешен, прежде чем австрийские войска окажутся в Белграде, германское командование добивалось от Австрии активных действий против Сербии и требовало начать наступление в максимально короткие сроки, чтобы исключить возможность вмешательства других сторон. В Берлине все еще рассчитывали, что более масштабного конфликта удастся избежать. «Война пока не началась, – сказал кайзер другу 27 июля, – и если я смогу, то предотвращу ее». На следующий день австрийский посол в телеграмме из Берлина сообщил графу Берхтольду: «Нам настоятельно рекомендуют действовать быстро и поставить мир перед свершившимся фактом». Сербию следовало наказать до того, как война распространится на другие страны. Германскому Верховному командованию так не терпелось увидеть нападение прежде, чем остальной мир успеет среагировать, что оно призывало Австрию не ждать окончания мобилизации, для завершения которой требовалось еще около двух недель.

Через пять дней после австрийского ультиматума ведущую роль среди европейских государств, пытавшихся предотвратить агрессию против Сербии, взяла на себя Великобритания. Она также разработала проект по сближению Австрии и России. Но посол Австрии в Берлине, докладывая в Вене о предложениях Британии и ее посредничестве, подчеркнул, что правительство Германии «не берет на себя никаких обязательств, а, напротив, выступает решительно против рассмотрения этих предложений и обсуждает их лишь для удовлетворения просьбы Британии». 28 июля британский посол в Вене предупредил Лондон, что «австрийцы вне себя от радости при одной лишь мысли о войне, и попытка отсрочить или предотвратить войну с Сербией, несомненно, станет для них огромным разочарованием».

Затем произошел странный эпизод, который держался в тайне до конца войны. Кайзер, впервые читая утром того дня полный текст австрийского ультиматума и сербский ответ, вообще не увидел никаких причин для объявления войны и написал на полях: «Великая моральная победа для Вены, но с ней исчезают все основания для войны, и Гисль может спокойно оставаться в Белграде. На таком основании я никогда бы не отдал приказ о мобилизации». Он предложил, чтобы «для восстановления чести Австрии ее армия в качестве

залога временно оккупировала Белград». Тогда и могли бы начаться переговоры об окончании краткого военного конфликта. «Я уверен, – писал кайзер Ягову, – что в целом пожелания монархии на Дунае удовлетворены. Оговорки по отдельным пунктам, на которых настаивает Сербия, можно прояснить в процессе переговоров. Но ее ответ содержит фактическое признание orbi et urbi[8] капитуляции самого унизительного рода и устраняет повод к войне».

Но время для мирных переговоров уже истекло: в полдень того же дня, менее чем через час после того, как Вильгельм выразил свои столь миролюбивые помыслы, Австрия, уверенная в поддержке Германии при условии дальнейшей эскалации конфликта, объявила войну Сербии. Так начался первый военный конфликт Первой мировой. Всего две страны находились в состоянии войны – Австрия и Сербия. Россия и Германия, несмотря на приготовления, не торопились вступать в схватку. Охватит ли война всю Европу? Узнав об объявлении войны австрийцами, Уинстон Черчилль, отвечавший за военно-морской флот Великобритании, писал жене: «Неужели эти безголовые короли и императоры не могли собраться и спасти народы от ада? Но все впали, похоже, в какое-то тупое оцепенение. Словно все это не их дело».

То были не праздные полночные размышления, лишенные практического смысла: утром 29 июля Черчилль предложил британскому правительству созвать правителей Европы «ради сохранения мира». Но, несмотря на запоздало высказанное кайзером удовлетворение сербским ответом, европейским государям не хватало силы воли, чтобы попытаться остановить надвигающуюся бойню, а тем временем каждое военное и военно-морское ведомство стремилось как можно лучше подготовиться к войне. В тот день, когда немецкий флот начал мобилизацию, британский флот был направлен к его военным базам в Северном море, обозначив готовность Великобритании отразить германское нападение на море или прикрыть войска, которые будут переправляться во Францию через Ла-Манш.

29 июля у Берлина появилась надежда на невмешательство Великобритании в разгоравшийся конфликт. Несколькими днями раньше брат кайзера, принц Генрих Прусский, принимавший участие в Коузской регате в Великобритании, навестил в Букингемском дворце своего кузена Георга V, после чего сообщил, что король заверил его: «Мы постараемся сделать все возможное, чтобы держаться в стороне от происходящего и сохранить нейтралитет». Один из биографов кайзера в этой связи заметил, что «хотя, судя по прошлому опыту, принц Генрих, возможно, из-за непонимания языковых тонкостей, весьма неточно передавал высказывания своих английских родственников, кайзер уделял его сообщениям больше внимания, чем любым другим докладам из Лондона или донесениям военно-морской разведки»[9]. Когда адмирал Тирпиц усомнился в том, что Великобритания сохранит нейтралитет, кайзер ответил: «У меня есть слово короля, и этого для меня вполне достаточно».

Утром 29 июля, когда над приграничными фортами Сербии нависла неотвратимая угроза артиллерийского обстрела, Россия официально объявила о частичной мобилизации своего огромного населения. Хотя в тот день объявления войны Австрии не последовало, в армию были призваны почти шесть миллионов человек. Русские солдаты и артиллерия отправлялись в армейские лагеря и на укрепления вдоль австрийской границы. Военный министр России генерал Сухомлинов настаивал на всеобщей мобилизации, но царь отклонил его предложение. По крайней мере один из суверенов еще надеялся, что войны удастся избежать. Но теперь на первый план вышли армии и флоты, и власть повсеместно сосредоточилась в руках глав военных ведомств и генеральных штабов.

29 июля в Берлине сэр Хорас Рамбольд оказался возле дворца кронпринца в момент, когда тот подъезжал на машине к своей резиденции. «Толпа зашлась от восторга, воздух

[8] К городу и миру, то есть публичное (*лат.*).

[9] *Alan Palmer.* The Kaiser. Warlord of the Second Reich. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1978. P. 172. *Авт.*

был буквально наэлектризован. Все понимали, что вскоре должно произойти нечто очень важное. Повсюду сновали оливково-серые автомобили Генерального штаба».

И Россия, и Франция настаивали на том, чтобы Англия подтвердила свои союзнические обязательства, публично заявив, что в случае нападения Германии на Францию выступит на стороне последней. Но Грей отказывался от любых обязательств, хотя Сазонов, его российский коллега, считал, что это необходимо не для ведения боевых действий, а для сдерживания агрессора. Сазонов утверждал, что если Великобритания займет твердую позицию бок о бок с Францией и Россией, то никакой войны не случится. В противном случае прольется море крови, и Великобритания тоже будет втянута в конфликт. Итальянское правительство поддержало эти требования, но британское правительство не собиралось связывать себя обещаниями, и 29 июля Грей заявил французскому послу в Лондоне: «Если Германия и Франция готовы вступить в схватку, то нам еще предстоит решить, как следует поступить».

29 июля Германия в обмен на британский нейтралитет тайно обещала не посягать ни на какие французские территории, за исключением колоний. Грей отклонил это предложение, а когда позже предал его гласности, все увидели в нем проявление немецкого цинизма, и возмущению англичан не было предела.

В Санкт-Петербурге ходили слухи, что планы Австрии, возможно, распространяются «далеко за рамки» карательной оккупации сербской территории. Сама независимость Сербии была под угрозой. 29 июля частичная мобилизация в России совпала с первым обстрелом Белграда австро-венгерской артиллерией и мониторами[10] на Дунае. Русская общественность негодовала. Напуганный перспективой войны с Германией, царь обратился непосредственно к кайзеру, с которым более двадцати лет состоял в дружеской переписке. «Чтобы попытаться избежать такой беды, как европейская война, – телеграфировал царь по-английски, – прошу вас во имя нашей старой дружбы сделать все возможное, чтобы остановить ваших союзников, пока они не зашли слишком далеко». Эта телеграмма, подписанная «Ники», пересеклась с телеграммой от кайзера, также на английском и с подписью «Вилли»: «Я использую все свое влияние, чтобы побудить австрийцев достичь с вами соглашения».

Во второй половине того же дня, получив телеграмму кайзера, царь, в свою очередь, телеграммой отдал военному руководству приказ отменить всеобщую мобилизацию, ограничившись частичной. Затем он предложил кайзеру для разрешения австро-сербского конфликта обратиться в Гаагский суд. Позже в тот же вечер кайзер посоветовал царю не вмешиваться в австро-сербский конфликт и не вовлекать Европу в самую ужасную из возможных войн. Он также обещал свою помощь в укреплении взаимопонимания между Россией и Австрией. Взволнованный царь попытался отменить свой предыдущий приказ о частичной мобилизации, но министр иностранных дел Сазонов и начальник Генерального штаба Янушкевич убедили его, что это уже невозможно: мобилизация идет полным ходом по всей территории Российской империи. После полуночи царь вновь телеграфировал кайзеру: «Необходимо, чтобы вы оказали на Австрию сильное давление для достижения полного взаимопонимания между нами».

Между тем Австрия вовсе не намеревалась выносить конфликт с Сербией на рассмотрение Гаагского суда, равно как и кайзер не в силах был помешать своему Генеральному штабу принять меры в ответ на объявленную в России мобилизацию. Как только известие о мобилизации в Германии достигло Санкт-Петербурга, Сазонов и Янушкевич стали настаивать на подписании приказа о всеобщей мобилизации. В противном случае польские губернии оставались незащищенными.

---

[10] *Монитор* (от *англ.* monitor – наблюдатель) – класс броненосных кораблей, преимущественно прибрежного или речного действия, для подавления береговых батарей и разрушения береговых объектов.

30 июля в 4 часа царь подписал приказ о всеобщей мобилизации. Русская общественность приветствовала подобное выражение солидарности с братьями славянами. Но надежды России на то, что объявление мобилизации помешает началу войны, не оправдались. Австрия на Русском фронте могла противопоставить российским шести три миллиона человек. Утром 31 июля немецкий канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег отправил Берхтольду в Вену телеграмму, в которой просил Австрию не проводить мобилизацию для войны с Россией. Одновременно генерал Мольтке, начальник Генерального штаба, посоветовал своему австрийскому коллеге, генералу Конраду фон Гётцендорфу, безотлагательно начать всеобщую мобилизацию. Берхтольд заметил по этому поводу: «Кто же у них в Берлине главный? Мольтке или Бетман?» Уверенная в поддержке Германии в случае вступления России в войну, Австрия начала всеобщую мобилизацию. Во второй половине дня Германия направила России ультиматум с требованием в течение двенадцати часов «прекратить любые военные действия, направленные против Германии и Австро-Венгрии». Россия ответила отказом.

Не сомневаясь в быстрой победе над тяжеловесной, неуклюжей русской военной машиной, Германия была готова объявить войну России. Прежде всего она обратилась к Франции с настоятельной просьбой сохранять нейтралитет в конфликте между Россией и Германией. Франция отказалась: с 1894 г. французы были союзниками русских. Во Франции, не откладывая, приступили к мобилизации, и вот уже около трех миллионов солдат толпились на перронах и собирались в казармах. В этом подготовительном маневре было задействовано ровно 4278 железнодорожных составов. Но, несмотря на приказ о мобилизации, Франция медлила с объявлением войны Германии. «Всегда остается надежда, хотя тучи над головой сгущаются, – пишет Черчилль жене 31 июля, а затем излагает мнение кабинета министров о предполагаемом развитии событий: – Германия осознает, насколько велики противостоящие ей силы, и попытается, хотя бы с опозданием, сдержать своего неразумного союзника – Австро-Венгрию. Со своей стороны, Британия постарается унять Россию».

Но и дипломатия, и колебания отдельных лиц не в силах были сдержать стремительное движение к катастрофе. 31 июля Жюль Камбон, французский посол в Берлине, и барон Эжен Бейанс, бельгийский государственный министр, призвали своего американского коллегу, Джеймса У. Джерарда, предпринять какие-то шаги для предотвращения войны. Джерард не получил пока никаких инструкций из Вашингтона, но он немедленно написал Бетман-Гольвегу: «Ваше превосходительство, чем моя страна может помочь? Могу ли я как-то остановить эту ужасную войну? Я уверен, что президент США одобрит любые мои действия, направленные на сохранение мира». Ответа Джерард не получил.

Тем временем во Франции мобилизация вызвала волну энтузиазма. Десять лет Социалистическая партия призывала пролетариев всех стран к солидарности. Лидер социалистов Жан Жорес и главная газета партии Humanité стремились создать антивоенную коалицию французских и австрийских социалистов. Напрасно Жорес апеллировал к единству интересов рабочего класса Европы и от лица рабочих требовал остановить все приготовления к войне и отменить мобилизацию. 31 июля, когда патриотическая лихорадка охватила все общество, он был убит фанатиком-националистом.

Жорес был не единственным, кто видел опасность милитаризма. 31 июля в Берлине один из ведущих немецких промышленников, Вальтер Ратенау, выступил в газете Berliner Tageblatt с критикой безоглядной поддержки, которую Германия оказывала Австрии. «Без этой поддержки, – писал он, – Австрия, возможно, не решилась бы на этот шаг». По его мнению, вопрос об участии австрийских властей в расследовании заговора в Сербии не должен был стать «причиной международной войны». Ратенау был убит семь лет спустя, но после

окончания войны эта статья навлекла на него обвинения в предательстве, хотя Ратенау, когда война все же началась, отдал ей весь свой опыт промышленника и всю свою энергию.

Те немцы, которые считали, что победоносная война с Россией откроет для страны новые перспективы, столкнулись с серьезной проблемой. Если Франция соберет все силы и объявит Германии войну, пока немецкая армия будет наступать на Востоке, на Западе Германию может ждать сокрушительный удар, а возможно, и поражение. Чтобы предотвратить такое развитие событий, уже давно был разработан план, подробности которого знал каждый немецкий генерал, – сначала стремительно разгромить Францию, а затем всей мощью обрушиться на Россию. Этот план был детищем Альфреда фон Шлиффена, с 1891 по 1905 г. начальника немецкого Генерального штаба: двенадцать лет, потраченные на его усовершенствование, должны были гарантировать успех.

План Шлиффена, завершенный в 1905 г., предполагал немецкое наступление через Бельгию и Голландию на север Франции в обход укрепленной французской границы и удар по Парижу в результате стремительного броска с севера. Даже после отставки Шлиффен продолжал дорабатывать свой план: последние изменения он внес в декабре 1912 г., незадолго до смерти. Его преемник на посту начальника Генерального штаба, генерал Мольтке, сократил маршрут наступления, исключив Голландию (в 1940 г. Гитлер восстановил этот этап), но по мере того как война с Россией становилась неотвратимой, появился модифицированный план Шлиффена, позволявший избежать войны на два фронта и одержать двойную победу.

На захват Парижа и разгром Франции отводилось шесть недель. Затем Германия могла начать войну против России. Это были скрупулезные, точные и успокаивающие расчеты. 31 июля Британия потребовала от Франции и Германии ответа на вопрос, намерены ли они уважать нейтралитет Бельгии, гарантом которого выступала Британия. Франция пообещала, Германия ничего не ответила.

Лихорадочная деятельность охватила все европейские столицы. «Весь австрийский персонал, годный к военной службе, сразу же уехал, – вспоминала события 1 августа в Константинополе Бетти Канлифф-Оуэн, муж которой был там британским военным атташе. – Я особенно жалела маркизу Паллавичини (супругу посла). Она была англичанкой, и ее сердце, наверное, разрывалось. Оба ее сына служили в австрийской армии. Она немедленно отправилась в Вену, желая увидеться с ними, пока они не уехали на фронт». В тот день первый секретарь немецкого посольства граф Краниц заметил в разговоре с мужем Бетти Канлифф-Оуэн: «Друг мой, долгие годы главными проблемами Британии были ирландский вопрос и женское равноправие – какой смысл переживать из-за ссор других народов? Сначала нужно навести порядок в собственном доме».

В Мюнхене на многолюдном митинге, состоявшемся 1 августа на Одеонплац, восторженная толпа приветствовала новости о надвигающейся войне громкими криками. Среди фотографий участников митинга, запечатленных в момент всеобщего ликования, есть снимок австрийца Адольфа Гитлера, который в то время едва сводил концы с концами, продавая свои акварели. Французский художник Поль Маз в тот же день в Париже слышал доносившиеся отовсюду крики: «На Берлин!» На площади Конкорд он наблюдал, как французская кавалерия «очень красиво» проезжала по площади – офицеры были в белых перчатках, а «стук копыт смешивался с криками толпы, бросавшей военным цветы». Весь день солдаты маршировали через Париж к железнодорожным вокзалам. «Когда проезжала артиллерия, пушки украшали цветами, и женщины вскакивали на передки орудий, чтобы поцеловать солдат». В тот день глава русской военной миссии в Париже граф Игнатьев телеграфировал в Санкт-Петербург, что французское Военное министерство «всерьез предлагает, чтобы Россия вторглась в Германию и начала наступление на Берлин». Подобная просьба, заметил

генерал Головин, «была равносильна предложению России совершить самоубийство в полном смысле этого слова».

В тот день царь отправил кайзеру еще один призыв, пытаясь не допустить войны между Россией и Германией. «Наша давняя крепкая дружба должна, с Божьею помощью, предотвратить кровавую бойню», – телеграфировал он. Однако кайзер, который поощрял Австрию, тем самым способствуя развитию кризиса, теперь был намерен выполнить данное австрийцам обещание, если они подвергнутся нападению со стороны России. В пять часов пополудни он отдал приказ о мобилизации. Затем, через несколько минут, в надежде избежать широкомасштабной войны кайзер ухватился за соломинку – телеграмму из Лондона от Лихновски, в которой тот предполагал, что Британия, возможно, предпочтет сохранить нейтралитет и гарантирует невмешательство Франции в русско-немецкую войну, если Германия не атакует Францию. «Теперь мы можем начать войну только с Россией. Мы просто отправим всю нашу армию на Восток!» – с торжеством заявил кайзер начальнику Генерального штаба Гельмуту фон Мольтке.

Мольтке тут же возразил, что в план нападения на Францию невозможно внести какие-либо изменения – он уже приведен в действие. Немецкая дивизия, двигавшаяся на запад от Трира, вот-вот должна была захватить железные дороги Люксембурга – это была часть плана Шлиффена и важный этап в подготовке к войне на Востоке, чтобы избежать действий на два фронта. Ему не удалось убедить кайзера, и тот отправил в Трир телеграмму, чтобы остановить войска. Но к одиннадцати часам он передумал и сказал Мольтке, что гарантии нейтралитета Британии и Франции, на которые он надеялся, иллюзорны, и операцию на Западе необходимо довести до конца. Войскам в Трире было приказано двигаться дальше.

«Триста миллионов человек сегодня оказались во власти страха и слепой судьбы, – писала 1 августа лондонская вечерняя газета и далее вопрошала: – Неужели никто не сможет снять это заклятие, неужели ни один луч света не упадет на эту холодную и мрачную сцену?» Не читавший газету король Георг V, кузен и русского царя, и немецкого кайзера, в тот же день телеграфировал Николаю II: «Мне остается только предположить, что это безвыходное положение возникло в результате недоразумения. Я всеми силами стараюсь не упустить ни одной возможности предотвратить страшное бедствие, угрожающее ныне всему миру».

Георг V просил царя, чтобы тот «оставил открытым путь для переговоров и сохранения мира». Сэр Эдвард Грей надеялся, что королевская инициатива способна оказать определенное воздействие. «Если удастся выиграть время, прежде чем великие державы развяжут войну, – телеграфировал он британскому послу в Берлине, – возможно, удастся сохранить мир». Телеграмма Грея в Берлин и телеграмма Георга V в Санкт-Петербург достигли адресатов вечером 1 августа. Но они, как и телеграмма царя кайзеру, пришли слишком поздно. В тот вечер посол Германии в России граф Пурталес явился к русскому министру иностранных дел Сазонову и вручил ноту с объявлением войны.

«Вы совершаете преступное дело, – сказал Сазонов послу. – Проклятие народов падет на вас». – «Мы защищаем нашу честь!» – ответил посол. «Ваша честь не была затронута, – возразил Сазонов. – Вы могли одним словом предотвратить войну, но вы не желаете этого». Немецкий посол заплакал, и министр иностранных дел проводил его до дверей кабинета.

Германия объявила войну России. «Жены и матери с детьми сопровождали резервистов на сборные пункты, оттягивая момент расставания, и повсюду разыгрывались душераздирающие сцены, – вспоминал впоследствии полковник Нокс, британский военный атташе в Санкт-Петербурге, – но женщины плакали молча, без истерик. Мужчины были мрачными и притихшими, но отряды новобранцев, встречаясь на улицах, приветствовали друг друга».

Бросая вызов Германии и всему немецкому, Санкт-Петербург, названный в честь святого покровителя основавшего его Петра Великого, переименовали в Петроград[11].

Вечером 1 августа русский министр иностранных дел ужинал с британским послом, сэром Джорджем Бьюкененом, дочь которого Мэриел впоследствии вспоминала: «Четыре раза за вечер господина Сазонова вызывали, телефон звонил непрерывно, а площадь на улице была заполнена народом, распевавшим национальный гимн. До позднего вечера толпа осаждала двери посольства, выкрикивая здравицы британскому флоту и задавая один и тот же вопрос: поможет ли Англия, встанет ли на их сторону?»

В тот же вечер немецкие войска вошли в Люксембург – это был давно подготовленный стратегический удар по Франции. Военная операция больше походила на небольшую стычку. Ее целью был захват железнодорожного и телеграфного узла.

Началась борьба из-за военных поставок. Во Франции власти конфисковали пятьдесят монопланов, построенных по заказу турецкого правительства. Британия оставила себе два линкора, также построенные для Турции: один из них должен был присоединиться к немецкому океанскому флоту, как только будет спущен на воду. В Данциге немецкие власти намеревались реквизировать два легких крейсера, строившиеся по заказу России. «Все это было и остается весьма захватывающим, – писал утром 2 августа Хорас Рамбольд из британского посольства в Берлине, – но страшно представить, что готовят нам следующие несколько месяцев».

2 августа немецкие военные патрули впервые с 1871 г. пересекли французскую границу. В Жоншере, близ немецко-швейцарской границы, был убит французский капрал Жюль Андре Пежо – он стал первой жертвой войны, стоившей жизни более чем миллиону французов. В тот же день была объявлена всеобщая мобилизация британского флота, который получил приказ преследовать два немецких военных корабля, следовавшие через Средиземное море в Турцию. Британия также дала секретное обещание Франции, что, если немецкий флот войдет в Северное море или Ла-Манш, угрожая французскому судоходству, британский флот окажет французским судам «всевозможное содействие».

Однако немецкий план ведения войны был основан не на морской победе над Францией в Северном море или Ла-Манше, а на стремительном сухопутном броске через Бельгию. Для достижения этой цели в семь часов вечера 2 августа Германия предъявила властям Бельгии ультиматум, срок которого истекал через двенадцать часов: Бельгия должна была предоставить немецким войскам свободный проход через свою территорию. Бельгийцы отказались. Согласно Лондонскому договору 1839 г. Британия, Австрия, Пруссия, Франция и Россия признавали Бельгию независимым государством с постоянным нейтралитетом. Этот договор еще действовал. «Если бельгийское правительство примет переданные ему предложения, – сообщил Брюссель Берлину, – оно пожертвует честью нации и предаст свои обязательства перед Европой».

3 августа Германия объявила войну Франции. В качестве первого шага к победе ее войскам предстояло вторгнуться в Бельгию. В тот же день Бетман-Гольвег сказал, выступая в рейхстаге: «Зло – я говорю откровенно, – которое мы совершаем, обернется добром, как только наши военные цели будут достигнуты». Предполагалось, что после завоевания Франции Бельгия снова станет свободной. Во Франции патриотическая горячка охватила все классы общества: Эльзас и Лотарингия должны быть возвращены, за унижения 1870 и 1871 гг. следует отомстить. В тот день в Мюнхене австрийский подданный Адольф Гитлер

[11] В честь основателя Советского Союза большевики переименовали Петроград в Ленинград. В 1991 г. городу вернули его первоначальное название – Санкт-Петербург. *Авт.*

обратился к королю Баварии, испрашивая позволения записаться в Баварский полк. На следующий день прошение было удовлетворено.

Британия пока оставалась в стороне. В кабинете министров сторонники войны с Германией не имели явного большинства – даже в случае нападения Германии на Францию. У Британии не было официального договора с Францией – только «Сердечное согласие», подписанное в 1904 г., чтобы разрешить давние споры в Египте и Марокко. Камнем преткновения стал бельгийский вопрос. По договору 1839 г. Британия выступала гарантом нейтралитета Бельгии. Из Лондона в Берлин был направлен ультиматум: никаких враждебных действий против Бельгии.

Вероятность, что Германия подчинится этому требованию, была невелика: план войны на два фронта уже приводился в исполнение. 3 августа на заседании прусского кабинета министров в Берлине Бетман-Гольвег сказал коллегам, что вмешательство Британии теперь неизбежно. «Тогда все пропало!» – воскликнул адмирал Тирпиц, чем встревожил присутствующих.

В Британии тоже были люди, предчувствовавшие те ужасы, которые им предстояло пережить. В деревне Радстон 16-летняя школьница Уинифред Холтби[12] стала свидетельницей эпизода, который навсегда запечатлелся в ее памяти. «Над прилавком крошечного газетного киоска вокруг подвешенной к потолку керосиновой лампы неуклюже порхали большие мотыльки. Под лампой на стуле устроилась пьяная старуха. «Война – это мерзость, – довольно дружелюбно заметила она. – Богом клянусь. Двое моих парней были в Южной Африке. Мерзость. Вот что это такое».

Высшее командование Германии было настолько уверено в военной мощи страны, что 3 августа, еще до начала марша через Бельгию, немецкие войска перешли российскую границу и заняли три города в русской Польше: Бендзин, Калиш и Ченстохов[13].

Британское правительство потребовало, чтобы немецкая армия не вторгалась в Бельгию. Это не было блефом. Срок ультиматума, отправленного из Лондона в Берлин, истекал 4 августа в одиннадцать часов вечера. В Ла-Манше началась установка мин, чтобы предотвратить внезапное вторжение немецких военных кораблей. В числе пассажиров судна из Южной Африки, задержанного из-за минирования, был 44-летний адвокат М. К. Ганди, который вопреки мнению многих индийских националистов, считавших, что граждане Индии не должны вмешиваться в конфликт колонизаторов, призывал живущих в Британии индийцев внести «свой вклад в войну».

За семь часов до истечения британского ультиматума немецкие войска вторглись на территорию Бельгии. В одиннадцать часов вечера Британия объявила войну Германии. В Берлине у британского посольства быстро собралась толпа, швырявшая в окна камнями и выкрикивавшая оскорбления. Утром посланник кайзера, извиняясь за нападение, тем не менее заметил, что это должно продемонстрировать британскому послу, «как глубоко немцы оскорблены действиями Британии, выступившей против Германии и забывшей, как они плечом к плечу сражались при Ватерлоо». Посланник добавил, что кайзер раньше гордился званием британского фельдмаршала и адмирала флота, но теперь «слагает с себя эти почетные титулы». Посол и его сотрудники приготовились покинуть Берлин. Хорас Рамбольд впоследствии вспоминал, как трое немецких слуг из посольства, которым было выплачено жалова-

---

[12] *Холтби Уинифред* (1898–1935) – британская журналистка и романистка, автор романа «Южный округ» (South Riding).

[13] Это довоенное, русское название. После 1919 г. город известен под своим польским названием «Ченстохова». В этом городе, католическом центре паломничества, мой прадед Дов (Давид) Фихтенцвейг был свидетелем немецкого вторжения. Двадцать пять лет спустя он, еврей, живший в независимой Польше, пал жертвой второго, более страшного вторжения немцев. Ему было тогда за восемьдесят. *Авт.*

нье за месяц вперед, при расставании выразили свое презрение – они «сняли ливреи, плевали на них, топтали ногами и отказались помочь отнести чемоданы к кебам». Век дипломатического этикета, уважения и соблюдения приличий подошел к концу.

Британия и Германия вложили в войну больше энергии, чем прежде вкладывали в торговлю и промышленность, расширение империи, культуру и построение более справедливого общества. Сэр Эдвард Грей, который старался удержать Австрию от нападения на Сербию и чье правительство отказалось дать Франции официальные гарантии, теперь защищал идею войны с Германией, приводя в качестве аргумента не только нарушение суверенитета Бельгии. Он говорил американскому послу в Лондоне: «Для нас вопрос в том, что, если Германия победит, она подчинит себе Францию. Независимость Бельгии, Голландии, Дании и, возможно, Норвегии и Швеции будет просто видимостью, а их статус независимых государств – фикцией; все их порты окажутся в распоряжении Германии, которая будет доминировать во всей Западной Европе, и это сделает наше положение неприемлемым. В таких условиях мы не сможем существовать как государство первого ряда».

В августе Италия, Португалия, Греция, Румыния и Турция не вмешивались в конфликт, наблюдая за происходящим со стороны, но планируя будущее участие в войне, если это будет сулить им выгоду. Другие европейские страны твердо придерживались нейтралитета. Голландия, Швейцария, Испания, Дания, Норвегия и Швеция не принимали участия в возникновении и развитии кризиса и не были втянуты в него в качестве противоборствующих сторон, хотя для некоторых война стала источником доходов и способствовала подъему торговли. Первые выстрелы из винтовок, пулеметов и пушек ознаменовали новую эру в торговле оружием, а также изменили представления о товариществе, храбрости, страданиях и муках.

К полуночи 4 августа 1914 г. в войне участвовали пять империй: Австро-Венгерская империя против Сербии, Германская империя против Франции, Британии и России, Российская империя против Германии и Австро-Венгрии, Британская и Французская империи против Германии. Если война закончится к Рождеству, во что верили очень многие, или в худшем случае к Пасхе 1915 г., то прежде, чем смолкнут пушки, на поле боя сложат головы десятки тысяч солдат. Каждая из сторон не сомневалась, что может сокрушить противника за несколько месяцев. Немцы планировали пройти маршем по Елисейским Полям в Париже, а французы – по Унтер-ден-Линден в Берлине. Бетти Канлифф-Оуэн вспоминала утро 5 августа в Константинополе: «У немцев, уезжавших домой, глаза уже светились предвкушением победы, а агрессивнее всех был сам граф Краниц, который обещал через несколько недель прислать открытку из Парижа, но, когда эти несколько недель истекли, он оказался пленником на Мальте!»

Немецкие дипломаты покидали Константинополь, ожидая скорой победы, а тем временем немецкие пацифисты собрались вместе со своими европейскими единомышленниками в тихом южногерманском городке Констанце на учредительную конференцию Всемирного альянса международной дружбы через посредство церквей. 4 августа делегатам, среди которых были священнослужители из Британии, Франции и Германии, питавшие отвращение к войне, пришлось в срочном порядке завершить дискуссии и разъехаться по домам.

Глава 3
Борьба начинается

Август – сентябрь 1914 г.

Утром 4 августа 1914 г. миллионы солдат, составлявшие авангарды нескольких армий, собирались в казармах или готовились к переброске. Согласно плану боевых действий, русская армия на границе с Восточной Пруссией должна была двигаться прямо на Берлин. На границе Эльзаса и Лотарингии французские войска вторглись на территорию Германии, уверенные, что им удастся отвоевать отобранные у Франции провинции и отомстить за прежние унизительные поражения, дойдя до Рейна. Севернее, на границе Бельгии и Германии, немецкие войска рвались вперед, чтобы в кратчайшие сроки достичь Северной Франции, стремительно пройдя через Бельгию. В 1870 г. прусская армия, в которую входили баварские, саксонские и вюртембергские полки, с боями пробилась к Парижу. В 1914 г., впервые с момента объединения Германии, немецкая армия вознамерилась последовать ее примеру.

Британия, 4 августа объявившая войну Германии, не располагала войсками на территории континентальной Европы, и ей еще только предстояло сформировать, вооружить и переправить через Ла-Манш британские экспедиционные войска под командованием сэра Джона Френча, но решение об их отправке пока не было принято. В тот день, зная о нежелании британцев вмешиваться в конфликт на территории Европы, сэр Эдвард Грей заверил парламент, что у страны нет никаких обязательств, вынуждающих ее куда-либо посылать войска. В Адмиралтействе Германии были уверены, что британские войска не появятся ни в портах на севере Франции, ни в бельгийских портах на Северном море. Но когда немецкие адмиралы сообщили начальнику Генерального штаба генералу Мольтке, что сумеют быстро подготовиться к сражению, когда британские войска будут пересекать море, Мольтке ответил: «В этом нет необходимости, нам даже будет на руку, если наши армии на Западном фронте расправятся с французами, бельгийцами, а заодно и с 160 000 англичан».

4 августа в Ахене уверенность немцев в непобедимости своей военной машины выразилась в отданном кайзером «приказе дня», когда он призвал 1-ю армию Германии «уничтожить вероломную Британию и раздавить презренную маленькую армию генерала Френча»[14].

С первой же ночи после вторжения Германии бельгийские франтиреры, или вольные стрелки, вели из окопов и хозяйственных построек снайперский огонь по немецким солдатам, которые с самоуверенностью и видимой легкостью захватывали деревни в Восточной Бельгии. Этот непрерывный обстрел приводил в ярость немцев, считавших, что подло было стрелять в них после того, как они заставили бельгийцев отступить в открытом бою. Обер-квартирмейстер 2-й армии Эрих Людендорф позже вспоминал, как в самую первую ночь войны его разбудила «интенсивная стрельба, причем часть выстрелов пришлась по нашему расположению». Инцидент произошел в небольшом бельгийском городе Эрве. Британский историк Джон Террейн писал: «До 4 августа Эрв оставался целым и невредимым». Немецкий журналист, оказавшийся в городе через пару дней, обнаружил, что город «сровняли с

[14] В дальнейшем пережившие войну солдаты из армии Френча будут называть себя «старые презренные вояки». Их не раз видели в городах и деревнях Англии шагающими во главе парада в честь дня перемирия. Призыв кайзера «раздавить презренную маленькую армию генерала Френча» часто переводят более уничижительно: «презренную карликовую армию». *Авт.*

землей». По его словам, из 500 домов в Эрве «уцелело только девятнадцать. Повсюду лежат трупы, везде пахнет гарью. От церкви остались одни развалины».

На Эрв возложили коллективную ответственность за ночные снайперские обстрелы. Немцы утверждали, что бельгийцы использовали гражданское население в военных целях, чтобы вызвать беспорядки за линией фронта. Бельгийцы ответили, что в ночных нападениях участвовали армейские подразделения, отставшие солдаты или ополченцы. По их словам, это были правомерные действия против захватчика. Международный закон был на стороне франтиреров. 5-я Гаагская конвенции 1907 г. запрещала воюющим сторонам проводить войска по территории нейтральных стран, а немцы именно это и делали на территории Бельгии. К тому же, согласно конвенции, сопротивление подобным действиям не расценивалось как акт агрессии.

После карательных акций со стороны Германии бельгийское правительство запретило населенным пунктам оказывать сопротивление захватчику. Поскольку правительство Бельгии не могло защитить своих граждан с помощью международного законодательства, оно приняло решение хотя бы не ставить их под угрозу физического уничтожения. Немцы, обозленные упорным вооруженным сопротивлением Бельгии, решили, что карательные меры против мирных граждан – единственный способ подавить беспорядки за линией фронта. 5 августа из замечания первого секретаря немецкого посольства в Брюсселе, барона фон Штумма, стало ясно, что Германия расценивает сопротивление Бельгии как досадную и бессмысленную помеху. Фон Штумм сказал своему американскому коллеге Хью Гибсону: «Жалкие глупцы! Ну зачем им лезть прямо под паровой каток? Мы не намерены причинять им вред, но, если они будут нам мешать, мы их раздавим».

5 августа немцы начали штурм первого серьезного препятствия, крепости города Льеж, гарнизон которой составлял 35 000 солдат. В ходе атаки немцам не удалось захватить ни один из двенадцати фортов. Солдаты запаниковали, но на следующий день Людендорф своим эффективным командованием сумел подавить панику. Он повел в бой 1500 человек, прорвал линию обороны между фортами и вошел в город. 7 августа бельгийцы сдали цитадель, но форты продолжали сопротивление. Немцам предстояло либо взять их один за другим, либо отступиться и продолжить запланированное наступление.

В то время как многочисленные армии других стран состояли из призывников и пополнялись благодаря воинской повинности, Британия обладала хоть и небольшой, но профессиональной и хорошо подготовленной армией, которая по числу солдат все же не могла равняться с армиями Европы. 6 августа британское правительство обсуждало, стоит ли отправить во Францию все шесть дивизий. Премьер-министра Асквита и министра иностранных дел Грея тревожило то, что Великобритания, отправив все войска, сама останется беззащитной. Грей предлагал оставить экспедиционные силы в Британии. Вечером на заседании военного совета лорд Китченер шокировал всех предположением, что война может затянуться надолго. Он настаивал на отправке во Францию четырех дивизий, оставив две для обороны Британии. Его предложение было принято. Вклад Британии в войну на территории Европы, хотя туда было отправлено больше половины всех войск, все равно оказался незначительным: 50 000 солдат в начале войны, в то время как Австро-Венгрия поставила под ружье более трех миллионов человек, Франция – четыре миллиона, Германия – четыре с половиной и Россия около шести миллионов.

В начале войны лидер движения за независимость Ирландии Джон Редмонд предложил создать ирландскую армию, чтобы сражаться бок о бок с англичанами, уэльсцами и шотландцами. Не желая менять уже существующий план действий, Китченер отверг предложение Редмонда, проигнорировав патриотический подъем в Ирландии. Направив этот порыв в нужное русло, можно было бы существенно укрепить британскую армию за счет ирландцев

и, по мнению некоторых из них, отвлечь их от восстаний и террора. В итоге 160 000 ирландцев стали добровольцами и 49 000 из них погибло в рядах британской армии. Некоторых ирландских патриотов отказ от предложения Редмонда привел в ярость: Хьюберт Гоф, один из старших генералов британских экспедиционных сил, спустя сорок лет говорил: «Отказ Китченера открыл еще одну кровавую страницу в истории Ирландии».

7 августа Китченер, стремясь увеличить численность британской армии, обратился к британцам с призывом набрать 100 000 добровольцев. В тот день в Times так описывали один из призывных пунктов: «Желающих оказалось так много, что конной полиции пришлось сдерживать их натиск. Ворота быстро открывали и закрывали, пропуская каждый раз не больше шести человек». По словам Times, люди не выражали радости и восторга, «но ощущался какой-то затаенный подъем: те, кто не прошел отбор, открыто выражали досаду». В мирное время в армию вступало в среднем меньше ста человек в день, теперь это число превысило 1500 человек. Через четыре дня после начала военных действий в Лондоне к присяге приводили по сто добровольцев в час, и на Плац-параде конной гвардии пришлось выставить заграждения, чтобы сдержать людской поток.

До начала войны в Либеральной партии, Лейбористской партии и профсоюзах были сильны антивоенные настроения, но в августе они пошли на спад. 6 августа, за день до обращения Китченера к народу, Labour Leader, орган Лейбористской партии, пытаясь поднять антивоенные настроения, опубликовала призыв: «Рабочие Великобритании, долой войну! Вам нечего делить с рабочими Европы. Им нечего делить с вами. Дележом занимаются правящие классы Европы. Вам ни к чему их ссоры». Тем не менее 7 августа главный редактор Manchester Guardian, влиятельный либерал Чарльз Скотт, прежде выступавший против войны, так объяснил, почему он не намерен присутствовать на общем собрании против участия Британии в войне: «Я твердо придерживаюсь мнения, что этой войны не должно было быть и нам не следовало в нее вступать. Но теперь, когда под угрозой оказалось наше будущее, нам остается только сделать все возможное, чтобы его сберечь».

То же желание – сделать все возможное – овладело всеми воюющими сторонами. 7 августа в Вене 25-летний австрийский философ Людвиг Витгенштейн, едва вернувшись из Кембриджа, где он преподавал, вступил в армию добровольцем, чтобы стать пулеметчиком, несмотря на двойную грыжу, из-за которой он не подлежал призыву. «Поначалу ему удалось добиться лишь перевода в Галицию в ремонтную мастерскую военной техники, – вспоминала позже его сестра Гермиона, – но он не прекращал попыток пробиться ближе к фронту». По ее словам, он то и дело попадал в комичные ситуации: военное командование, к которому он обращался, неизменно предполагало, что он стремится оказаться подальше от фронта, хотя все обстояло как раз наоборот.

Во всех воюющих странах арестовывали и сажали в тюрьму тех, кого считали «опасными иностранцами». 8 августа в Ноймаркте[15] в Западной Галиции, в 65 километрах от российской границы, австрийская полиция задержала русского эмигранта Владимира Ленина. Он жил в городе уже несколько лет, и австрийская полиция заподозрила в нем русского шпиона. Лидер австрийских социал-демократов Виктор Адлер был в хороших отношениях с властями, поскольку его партия выступила за войну: он поспешил убедить влиятельных людей в Вене, что Ленин будет вести активную пропаганду против царя и Антанты. Ленина освободили и выдали разрешение на въезд в нейтральную Швейцарию.

8 августа в Германии промышленник Вальтер Ратенау, еще недавно подавленный перспективой войны, пришел к начальнику центрального военного департамента в Берлине полковнику Шёйху с предложением внести свой вклад в военную экономику. Отметив, что

[15] С 1919 г. Новый Торг (в Южной Польше). *Авт.*

страна располагает лишь «ограниченным количеством» сырья, необходимого для военной промышленности, Ратенау хотел «спасти Германию от жесткой экономии». Через пару дней он был назначен главой специально созданного военно-сырьевого отдела, наделенного полномочиями реквизировать металлы, химикаты, джут, шерсть, резину и хлопок на территории Германии, как и на оккупированных территориях, а также покупать сырье у других стран или производить самостоятельно или при необходимости добывать его из имеющихся ресурсов. В задачи Ратенау входило обеспечить Германии возможность вести войну, но, как гражданское лицо, к тому же еврей, он постоянно сталкивался с враждебным отношением со стороны военного начальства.

Ратенау сознавал, что удовлетворять потребности Германии в сырье в случае затяжной войны окажется невозможным. То, что война может затянуться, беспокоило даже кайзера. 10 августа он вызвал к себе американского посла Джерарда, который позже вспоминал: «Кайзер говорил о войне в довольно мрачном тоне. Я попытался подбодрить его, сказав, что германские солдаты скоро войдут в Париж, но он ответил: «Участие англичан все меняет. Своенравная нация. Они будут подливать масла в огонь и не дадут нам быстро завершить войну».

С грохотом пушечных выстрелов пацифистские настроения никуда не делись. Социалисты выступали против войны в июле и в августе не изменили свою позицию. В России против войны особенно рьяно боролись и меньшевики и большевики из Социал-демократической партии. Дума проголосовала против выделения средств на войну. 10 августа Морис Палеолог, французский посол в Санкт-Петербурге, уверял Антанту, что «народ святой Руси не сплачивался так крепко с 1812 года», что, впрочем, не умерило беспокойства союзников по поводу антивоенных настроений в России. 11 августа правительство Бельгии убедило нового государственного министра, социалиста Эмиля Вандервельде, отправить социал-демократам телеграмму с призывом поддержать военные действия. Эмиля Вандервельде, председателя Международного социалистического бюро, в России уважали. В июне он был в Санкт-Петербурге и пытался примирить партийные фракции русских социалистов. Его телеграмма в поддержку войны была опубликовала в российской прессе, перепечатанные экземпляры распространялись на фабриках.

Телеграмма Вандервельде, которой он хотел разжечь патриотический пыл, на деле еще больше разобщила социалистов. К тому же она подтолкнула Ленина после прибытия в Швейцарию напечатать «Апрельские тезисы» и распространить их в России, призывая рабочих выступать против войны. Ленин был возмущен, прочитав в швейцарской газете, что депутаты-социалисты в рейхстаге поддержали войну. Сначала он не поверил этим новостям, решив, что их сфабриковал Генеральный штаб, чтобы обманом заставить рабочий класс Германии не выступать против войны. Смирившись с непоколебимым патриотизмом немцев, он направил все свои усилия на русский пролетариат.

С началом войны Австрия призвала австрийских поляков поддержать военные усилия империи во имя защиты собственных национальных интересов. 6 августа небольшой отряд польских стрелков из австрийской Галиции пересек русскую границу и направился к городу Кельце. Кавалеристы несли седла на голове, рассчитывая раздобыть лошадей у русских. В Кельце «освободительную армию» с цветами встречали польские женщины. Прочие горожане, опасаясь карательных мер русских, сидели по домам. После скоротечной стычки с русским патрулем, остудившей пыл этой «армии», она вернулась в Галицию.

Антивоенные настроения в России, которые Ленин разжигал во имя революции, всячески поддерживали Австрия и Германия: любые беспорядки внутри страны были им на руку. 6 августа правительство Австрии приняло решение выделить средства для антирусской и сепаратистской пропаганды Союзу освобождения Украины. Армянских и грузинских

социалистов убеждали в том, что для них путь к независимости лежал через поражение российского царя.

С первых же недель войны обострились расовые и политические противоречия. 11 августа на митинге перед берлинской ратушей профессор фон Гарнак, директор Королевской библиотеки, говорил о том, что цивилизации Запада угрожает «цивилизация орды, собранная и управляемая деспотами, монгольская цивилизация московитов». По его словам, «этой опасной цивилизации не коснулся прогресс ни XVIII, ни XIX столетия, а теперь, в XX веке, она остервенела и готова нас уничтожить. Беспорядочная, словно песок в пустыне, азиатская орда мечтает захватить наши плодородные поля».

Недавно назначенный директором Института физики имени кайзера Вильгельма Альберт Эйнштейн жил тогда в Берлине. «Европа в порыве безумия положила начало чему-то немыслимому, – писал он другу 19 августа. – В такое время человек сознает, что он всего лишь неразумное животное. Я тихо и мирно занимаюсь своими исследованиями и наблюдениями, и все происходящее вызывает у меня лишь жалость и отвращение».

10 августа германский подполковник Кресс, находившийся вдали от разгоравшейся в Европе войны, но неразрывно с ней связанный, был на аудиенции у турецкого военного министра Энвер-паши. Кресс рассказал Энвер-паше о двух германских боевых кораблях, линейном крейсере «Гебен» и легком крейсере «Бреслау», которые британскому флоту, несмотря на все усилия, так и не удалось перехватить. Крейсеры находились у Дарданелл и запрашивали разрешение на проход через пролив. Понимая, что Британия расценит это как акт агрессии и Турция окажется вовлеченной в военные действия Германии, Энвер-паша дал разрешение. Кресс спросил, подверглись бы британские корабли обстрелу, если бы стали преследовать германские корабли? Энвер-паша ответил утвердительно. Германский офицер Ганс Канненгиссер, присутствовавший на аудиенции, позже вспоминал: «Мы слышали лязг опускных решеток… никто из нас не шевельнулся. Кресс ушел, а я как ни в чем не бывало продолжил составлять рапорт».

Для сохранения турецкого нейтралитета было заявлено, что корабли проданы Турции. Их переименовали в «Явуз Султан Селим» и «Мидилли», а командующий адмирал Сушон поднял на кораблях турецкий флаг. Британия на все требования прекратить выполнение германской военной миссии в Турции получила отказ и от немцев, и от турок. Тем не менее сражений не последовало, все ограничилось попыткой спровоцировать два германских боевых корабля, вставшие на якорь в Константинополе.

На вторую неделю августа немцы потерпели военную неудачу в Северном море. Их подводную лодку U-15 протаранил британский корабль, и она затонула. Для Германии потеря этой подлодки стала первой за время войны: в дальнейшем та же участь постигла 180 немецких подводных судов. На той же неделе на озере Ньяса в Центральной Африке капитан Э. Л. Родс вышел на своей канонерке «Гвендолин» с одним трехфунтовым орудием из английского порта Нхата-бей и достиг небольшого немецкого порта Сфинксхафен в 50 километрах от него. Он открыл огонь по германскому пароходу «Герман фон Висман» и захватил его. Командующий «Висманом» капитан Бернд еще не знал, что между Англией и Германией началась война. В Times вскоре появился заголовок «Победа на озере Ньяса».

Бои в Европе принимали все более затяжной и ожесточенный характер. 13 августа у Динана французы попали под интенсивный артиллерийский огонь немцев. Передвижения противника немцы отследили с помощью самолета-разведчика. Командир французского взвода получил приказ не допустить захвата моста немецкой пехотой и выдвинулся с солдатами под огнем неприятеля. На подходе к мосту он был ранен в колено и упал. Спустя секунду на него рухнул сержант. Лейтенант позже вспоминал «глухие удары пуль, впивавшихся в тела погибших, и стоны раненых, лежавших рядом с трупами». Он с трудом отполз

в сторону. Для Шарля де Голля это стало боевым крещением. Он выбыл из строя и был отправлен в госпиталь в Париже, но рвался на фронт.

12 августа австрийская армия вторглась в Сербию. На сербском берегу Савы у города Шабац открывалась чудовищная картина: мужчин, как скот, сгоняли в одно место и расстреливали, детей убивали, а женщин насиловали. Продвижение германских войск по территории Бельгии также сопровождалось проявлениями варварства, которое шокировало англичан и французов и еще сильнее ожесточало их против врага. 10 августа в деревне Ленмо одиннадцать мужчин были согнаны в одно место и расстреляны. Через десять дней пострадала деревня Анденн близ Намюра. Заявление генерала фон Бюлова, отпечатанное 22 августа и развешанное на стенах домов в Льеже, гласило: «Жители деревни Анденн, поначалу продемонстрировав мирные намерения, коварно напали на наших солдат. С моего разрешения генерал, который командовал этими солдатами, сжег деревню дотла и расстрелял 110 человек».

В деревне Сей были расстреляны пятьдесят жителей. 22 августа немцы, взбешенные упорным сопротивлением французских войск у шахтерского городка Тамин, собрали у городской церкви 384 человека, выстроили их в ряд и расстреляли из винтовок и пулеметов. Младшему из убитых было тринадцать лет, старшему – восемьдесят четыре. На следующий день в Динане произошла еще более масштабная расправа. Заявив, что бельгийские гражданские лица открыли огонь по германским солдатам, ремонтировавшим мост, немцы в качестве карательной меры расстреляли 612 человек – мужчин, женщин и детей. Среди убитых был трехлетний ребенок, которого мать держала на руках.

Два дня спустя, утром 25 августа, немецкий дирижабль сбросил бомбы на Антверпен. Всего за час шесть горожан погибли в своих постелях. Эти медлительные громоздкие летательные аппараты появились в небе над Европой еще до войны. Тогда людям, привыкшим передвигаться на наземном транспорте, они казались едва ли не более удивительным изобретением, чем аэроплан, а после начала войны мирные жители боялись, что во время воздушного налета один такой дирижабль без труда уничтожит целый город. По словам одного из специалистов по истории авиации, «в то время дирижабль был таким же чудом науки и техники, как в наши дни водородная бомба. Устрашающий дамоклов меч, занесенный над склоненными головами врагов Германии»[16]. В первые месяцы войны французский карикатурист Р. Дельвиль изобразил кайзера верхом на дирижабле. Его сопровождал ангел смерти в немецком шлеме, несущий подушку, на которой лежал Железный крест – награда за роль «мрачного воздушного жнеца».

Американский корреспондент Э. Александер Пауэлл во время первого налета дирижабля находился в Антверпене. В записях, опубликованных спустя три месяца в Англии, он рассказывал о «слабости и тошноте», которые испытал, когда вошел в один из домов и осмотрел комнату, где спала женщина. «Взрывом ее буквально разнесло на куски. Пол, стены, потолок – все в пятнах и брызгах. В общем, достаточно сказать, что останки несчастной женщины можно было собрать только с помощью лопаты». Неподалеку на площади один полицейский был убит наповал, а другому оторвало ноги». Женщине, которая проснулась от взрыва первой бомбы и «высунулась из окна посмотреть, что происходит, оторвало голову». В конечном счете погибли десять человек, еще двое вскоре скончались от полученных ран.

В тот же день после успешной контратаки бельгийцев в направлении от Антверпена к Лёвену в германских оккупационных войсках в Лёвене вспыхнула паника. Все началось с того, что одна из лошадей вырвалась и понеслась прочь. Немецкие часовые, не поняв

[16] *Raymond Laurence Rimell*. Zeppelin! A Battle for Air Supremacy in World War I. L.: Conway Maritime Press, 1984. P. 31. *Авт.*

причину суматохи, открыли огонь. Раздались крики «Французы атакуют!», «Англичане атакуют!» и полные угрозы для горожан вопли «Франтиреры атакуют!». После чего пять дней подряд немцы жгли в Лёвене дома и расстреливали мирных жителей. Когда 28 августа в Лёвен приехал американский дипломат Хью Гибсон, немецкий офицер сказал ему: «Мы сровняем город с землей! От него камня на камне не останется! Слышите? Ни единого камня! Мы научим их уважать Германию. Веками сюда будут приезжать люди, чтобы посмотреть, что мы сделали!»

Каждое пятое здание в Лёвене было разрушено, а церковь Святого Петра сильно повреждена огнем. «Тевтонское варварство» потрясло англичан и французов, его широко использовали в пропагандистских целях. В рассказах о чудовищной жестокости, преувеличенных и приукрашенных, звучали слова о «зверствах, не поддающихся описанию», «реках крови» и «горах трупов невинных людей», их сопровождали возгласы и призывы к мести. Намеренное разрушение бельгийских церквей дало повод для новых обвинений в адрес германских правителей. На старых французских почтовых открытках изображен Иисус, который с презрением отталкивает кайзера и уходит от него прочь. Кайзер, стоя на коленях, тщетно пытается удержать Спасителя за руку. На заднем плане виден изуродованный собор.

12 августа, когда германские войска пытались подавить последние очаги сопротивления в Льеже, первые отряды экспедиционных сил Англии пересекли Ла-Манш, пробившись сквозь оборонную линию из 19 кораблей. За десять дней 120 000 человек были переброшены без единой потери. Операция проводилась настолько секретно, что даже через десять дней непрерывной переброски немецкое высшее командование не знало наверняка, что немало британских солдат уже во Франции, а германский флот так и не обнаружил достигшие цели британские транспортные суда. Желание Мольтке столкнуться с англичанами на поле боя исполнилось.

В те дни, когда первые британские солдаты достигли Франции, англичанка Эдит Кэвелл возглавляла школу медсестер в Бельгии. Она обратилась в Times с просьбой направлять в медицинский институт, где она работала, «пожертвования британской общественности», поскольку «раненых придется лечить на континенте, а точнее в Брюсселе. Наш институт, располагающий многочисленным штатом медсестер, готов оказывать помощь сотням раненых, и наши возможности постоянно растут». Эдит Кэвелл обращалась к соотечественникам с призывом «делать пожертвования». Ее письмо было опубликовано 15 августа под заголовком «Английская медсестра в Брюсселе».

Между Францией и Великобританией, с одной стороны, и Австро-Венгрией – с другой никаких разногласий не существовало. Сын одного из богатейших австрийцев являлся членом английского парламента. Генеральный инспектор британских войск в Судане, сэр Рудольф фон Слатин, был австрийцем. Австрийский посол в Лондоне, граф Менсдорф, приходился кузеном и близким другом королю Георгу. Но 12 августа, через восемь дней после того, как Британия объявила войну Германии, и в тот самый день, когда британские экспедиционные силы приступили к переброске через Ла-Манш, Британия и Франция объявили войну Австро-Венгрии, заявив, что ограниченный контингент австрийских войск, находившийся в тот момент на франко-германской границе, представляет «прямую угрозу для Франции».

Английский посол в Вене, обеспокоенный тем, что две страны без объективных причин вступили в войну, попросил графа Берхтольда выразить императору свое «глубокое сожаление», а также пожелать ему «пережить эти тяжелые времена, сохранив силы и крепкое здоровье». Австрийский посол в Лондоне, сильно расстроенный, в присутствии своего американского коллеги во всем винил Германию и кайзера и «расхаживал по комнате заламывая

руки». В Брюсселе Хью Гибсон 15 августа записал в своем дневнике: «Вчера газеты сообщили, что Франция объявила войну Австрии. Этим утром пишут, что Черногория заявила о намерении стереть Австрию с лица земли. Вопрос на повестке дня: «Кто еще и кому объявил сегодня войну?»

Объявления войны способствовали разрастанию конфликта, но объявить войну ничего не стоило, а вот действительно воевать оказалось довольно накладно, куда более накладно, чем могли представить противники. Следуя правилам этикета, послы воюющих сторон собрали чемоданы и вернулись на родину. Британские политические и дипломатические круги сожалели об отъезде австрийского посла, который прекрасно справлялся со своими обязанностями и многих устраивал, зато народ негодовал: послу не только предоставили эсминец для переправы через Ла-Манш, но и отправили с ним двести австрийцев, вместо того чтобы их интернировать. В то время еще придерживались правил приличия, но очень скоро они устарели.

Сперва вяло, затем с растущим энтузиазмом Британия примеривала на себя роль поборницы прав славянских меньшинств в Австро-Венгрии, кроме того, она выступала в защиту чехов. 19 августа в Санкт-Петербурге вышли два манифеста. В одном из них русские обещали после войны возродить в Польше «свободу вероисповедания, использования родного языка и самоуправление», во втором призывали народы Австро-Венгрии к борьбе за национальную независимость. 20 августа русский царь на аудиенции с чешским лидером Карелом Крамаржем сказал, что Россия благосклонно относится к идее «свободной и независимой короны Вацлава», которая после поражения Австрии будет сиять «в лучах, исходящих от короны Романовых».

20 августа Times, явно извращая факты, объявила, что в Праге вспыхнула революция и вода во Влтаве «стала красной от чешской крови». Газета также опубликовала не содержащее ни слова правды известие о том, что несколько чешских политиков, включая лидера движения за независимость Томаша Масарика, были казнены в Пражском Граде. На самом деле Масарик находился на свободе, более того, не прошло и пяти месяцев, как он перебрался в Швейцарию. Через два месяца после начала войны ведущая газета британских консерваторов высказала предположение, что «пестрая многонациональная мозаика Австро-Венгерской монархии рассыплется, и на карте Европы возникнут новые и, как мы надеемся, более стабильные и удачные государственные образования». Тем временем в Вене возможная победа Австрии над Россией вдохновила сторонников имперской экспансии. 12 августа, когда Британия объявила войну Австрии, австрийские дипломаты заговорили о присоединении к владениям Габсбургов польских губерний, входивших в Российскую империю, включая Варшаву.

В конфликт оказались вовлечены не только войска, но и сами имперские системы. Не прошло и недели, как Российская империя стала поддерживать идею послевоенного польского самоуправления, а Габсбургская империя – возможность своего рода политического управления Польшей. Чтобы укрепить свои позиции, 16 августа австрийские власти позволили польскому лидеру Юзефу Пилсудскому создать в Кракове, на территории Австрии, Высший национальный комитет. Его задачей была подготовка к тому дню, когда поляки и австрийцы вместе войдут в Варшаву. Польский легион стал первым результатом, который Пилсудский продемонстрировал своим соотечественникам и австрийским покровителям. Он лично вел в бой против русских 1-ю бригаду численностью 10 000 человек.

В России все еще верили в скорую победу, по крайней мере, верил Верховный главнокомандующий великий князь Николай. 21 августа Морис Палеолог сообщал из Петрограда в Париж: «Великий князь твердо намерен наступать на Берлин и Вену, и наступать быстро, проведя войска между Торном, Позеном и Бреслау. Берлин для него приоритетнее Вены».

23 августа по приказу генерала Конрада австрийские войска пересекли границу и 280-километровым фронтом вторглись в польские губернии на территории России. Среди них был философ Витгенштейн, которому пришлось управлять прожектором на захваченной русской канонерке. Его внезапно разбудили и приказали направлять прожектор. «Я кинулся к мостику почти голый, – писал он в своем дневнике, – в полной уверенности, что меня вот-вот убьют». Но тревога оказалась ложной. «От страха меня трясло, я не мог удержаться от стона. Я на себе ощутил весь ужас войны».

В то утро в Москве царь присутствовал на торжественном богослужении в Успенском соборе, где возносились молитвы о победе. Более чем за тысячу километров к юго-западу, рядом с русско-польским городом Красник, шли бои: стремительное наступление австрийской кавалерии было внезапно подавлено русской пехотой и пулеметами. Австрийский солдат Фридрих Фохтингер вспоминал, как это произошло. Его резервный полк, выдвинувшийся вперед через три дня после начала наступления, в тот самый момент, когда был отдан приказ атаковать, подвергся артобстрелу со стороны русских. «Справа от меня был молодой барабанщик, глаза у него покраснели и лихорадочно бегали, дрожащие губы побелели, он едва не срывался на крик. Это был уже не тот парень, чья барабанная дробь так часто придавала сил нашим усталым ногам. Я снова взглянул на него и увидел выпученные глаза и распяленный рот, из которого текла кровь. Захлебываясь, он произнес «мама» и упал замертво. И вот мы мчимся задыхаясь – вокруг валяются убитые и раненые, а мы их даже не замечаем».

Полк Фохтингера достиг окопов, в которых засели русские солдаты. Увидев австрияков, русские побежали. Одного из них почти настигли, а он, видимо, был безоружен. Вдруг он остановился, развернулся, вытянул правую руку вверх, а левую сунул в карман. Фохтингер тут же вонзил в него штык. «Я видел, как его одежда краснеет от крови, как он корчится, видел торчащий из него штык и слышал его стоны. Меня парализовало от ужаса. Я спрыгнул с лошади и подполз к нему, желая помочь, но он уже был мертв. Я вытащил из тела окровавленный штык. Хотел сложить ему руки и увидел, что в левой он держит смятую фотографию жены и ребенка».

Австрийские солдаты сражались у Лемберга, где русские отбросили их обратно в крепость. В отступлении участвовал скрипач Фриц Крейслер. «Двадцать один день подряд, – вспоминал он позже, – я не раздевался, спал на мокрой траве, в грязи или у болота». Както раз на двадцать минут установилось перемирие. После обмена криками через ничейную землю безоружный русский вышел на середину и взял у подошедшего к нему безоружного австрийца сигару, дав взамен пачку табака.

Перспектива попасть на фронт действовала на призывников удручающе. 30 августа художник Оскар Кокошка писал из Вены другу: «Эти простые мужчины и парни, изголодавшиеся, сбитые с толку, в жизни не знали ничего, кроме страданий. И теперь их посылают туда, где их ждет смерть или увечье, а потом никому до них не будет дела. Улицы полны жалких женщин, больных и бледных, но при этом стойких и не показывающих вида, до чего им плохо. Сегодня на моей улице одна женщина, словно у нее помутился разум, повисла на шее у мужа, которому приходилось покидать ее с какими-то пожитками, завязанными в кусок дерюги. Тем не менее новобранцы ведут себя смирно и благодарны за дружеский взгляд».

23 августа военный конфликт расширился – Япония объявила Германии войну. В Берлине рестораны отказывались обслуживать японцев, а через несколько дней многих японских граждан вывезли в Рулебен, ипподром в окрестностях Берлина, который превратили в лагерь для интернированных; остальным удалось добраться до безопасной Швейцарии. После того как Япония вступила в войну, группа островов в Тихом океане, вдали от Германии и ее военной мощи, стала добычей японцев. Когда сэр Эдвард Грей попытался ограничить зону японской активности, Черчилль написал ему: «Вы легко можете нанести смертельное

оскорбление… которое не забудется… нам предстоит пережить нелегкие времена. Буря еще разразится».

С первых дней войны происходили многочисленные столкновения на море. 6 августа британский крейсер «Амфион» наткнулся на немецкую мину и сразу же затонул. Погиб и английский экипаж, и немецкие пленные, захваченные на минном заградителе, который и поставил роковую мину. Всего утонуло 150 человек. 12 августа были установлены две морские блокады: британцы блокировали немецкие порты на Северном море, не допуская туда грузовые суда, а французы отрезали австрийские порты на Адриатическом море.

Война началась и в воздухе: каждая из противоборствующих сторон стремилась использовать свою немногочисленную авиацию для разведки и бомбардировок. 12 августа первые потери понесли британские, французские и немецкие летчики, хотя никто из них не погиб в бою. Старший лейтенант немецкой армии Яхнов, во время Первой балканской войны 1912 г. служивший летчиком у турок, погиб в авиакатастрофе на севере Франции. Французский сержант Бриду разбился при возвращении на базу. Два английских пилота, лейтенант Скин и механик Барлоу, по пути во Францию погибли в результате крушения их двухместного аэроплана в окрестностях Дувра.

На Восточном фронте 14 августа немецкие войска теснили русских и были уже в 80 километрах от Варшавы. На следующий день на Западном фронте Льеж наконец капитулировал перед Людендорфом. Газетные заголовки «Льеж пал!» вызвали радость в Германии и страх в Британии и Франции. И, хотя на следующий день французские войска, в полном соответствии с довоенным Планом-17, разработанным на случай войны с Германией, вошли в Эльзас, это не могло компенсировать потерю Льежа. Французам удалось захватить приграничные города Тан и Альткирш, но через несколько дней их попытка развить наступление на Мюлуз была пресечена[17]. Немцы выполнили искусный маневр и заманили противника на позиции, где он оказался беззащитным перед плотным огнем артиллерии и пулеметов. «Поразительные изменения в военном деле», – заметил генерал Фош, когда безжалостный огонь посеял панику в рядах наступающих французов. «Растерянные, потрясенные многочисленными потерями, они откатились назад, и это отступление удалось остановить только через десять дней».

В боях участвовали все регулярные армии. Кроме того, в каждой из воюющих стран в армию вступали добровольцы. «Вы нужны вашему королю!» – этот призыв, впервые опубликованный в Британии 7 августа, был затем повторен и приукрашен в тысячах публичных выступлений. В Германии уроженец Австрии Адольф Гитлер, которого годом раньше по медицинским причинам отвергла австрийская армия, 16 августа вступил добровольцем в Баварский пехотный полк. На Западном фронте немецкий офицер-резервист Вальтер Блюм с восторгом рассказывал о своем первом бое: «Это было изумительно, прямо как сон. Может, война – это просто игра, что-то вроде спорта? Может, бельгийская армия – стая зайцев?»

Во французских штабах высмеивали приказ Китченера британским войскам, направлявшимся во Францию. Военный министр рекомендовал британцам, которые ступят на землю союзника, «быть неизменно вежливыми, деликатными и доброжелательными, не предпринимать действий, способных повредить или уничтожить собственность, и всегда рассматривать грабеж как постыдный поступок». Солдатам следовало постоянно помнить «о таких искушениях, как вино и женщины, решительно противиться этим искушениям и, обращаясь со всеми женщинами с величайшей вежливостью, избегать близости». Памятка

[17] Тан до окончания войны оставался в руках французов. Живописная горная дорога, уходящая на юго-запад от Тана, в 1918 г. получила название «дороги Жоффра» по имени начальника французского Генерального штаба (впоследствии главнокомандующего). *Авт.*

была вручена каждому солдату, чтобы он хранил ее в армейской расчетной книжке. 17 августа капитану Эдварду Спирсу, британскому офицеру связи при французском Генеральном штабе, рассказали самую «популярную шутку»: «Мы везем не армию, а школу для девочек».

Немецким войскам везде сопутствовал успех. 17 августа две русские армии, одна под командованием генерала Ренненкампфа, а другая – генерала Самсонова, начали наступление в Восточной Пруссии. На 56-километровом фронте Самсонову противостоял командир 1-го германского корпуса, генерал с необычной для немца фамилией Франсуа[18], который вопреки приказу командования вынудил Самсонова принять бой. В сражении у Шталлупёнена Франсуа взял в плен 3000 русских, а затем отступил на более выгодные позиции.

Несмотря на победу немцев на своей территории, Генеральный штаб осознавал, что Восточной Пруссии, откуда еще до вторжения в Россию войска были переброшены на запад ради обеспечения победы над Францией, угрожает серьезная опасность. 19 августа Ренненкампф подошел к Гумбиннену. Генерал Притвиц, главнокомандующий немецкой группировкой в Восточной Пруссии, запаниковал. «Я вынужден отойти за Вислу», – сообщил он по телефону генералу Франсуа. Такое отступление означало сдачу противнику всей Восточной Пруссии. В истеричном телефонном разговоре со штаб-квартирой кайзера Притвиц даже выражал сомнение, что ему удастся удержать позиции на Висле «вследствие низкого уровня воды в реке» в это время года.

Один из высших офицеров штаба Притвица, полковник Макс Хоффман, отметил, что лишь решительное и успешное наступление на русские войска позволит немецким армиям отойти, не испытывая постоянного давления превосходящих сил противника. Чтобы избежать ожесточенных боев на каждом участке, Хоффман предложил Притвицу перебросить войска на позиции, с которых они смогут нанести удар по любой из двух русских армий. Но Притвиц утратил волю к победе, и 22 августа его сместили вместе с его начальником штаба. В командовании произошла решительная перемена. Для руководства Восточным фронтом Мольтке привлек отставного 67-летнего генерала Гинденбурга. Начальником штаба к Гинденбургу был назначен покоритель Льежа генерал Людендорф. Именно на Людендорфа высшее командование Германии возлагало основные надежды. Тем не менее само его назначение указывало на важную ошибку в немецких расчетах: война на Востоке принимала серьезный оборот еще до решительной победы Германии на Западе.

Прибыв в Восточную Пруссию, Людендорф обнаружил, что умелые действия полковника Хоффмана уже заложили основу успеха, но две русские армии по-прежнему наступали, угрожая столице региона, Кёнигсбергу. Как и на Западном фронте, война здесь не ограничивалась кавалерийскими атаками, за которыми следовало наступление пехоты. «Подобной войны и животной ярости никогда не было и, вне всякого сомнения, никогда не будет, – писал Хоффман в дневнике 23 августа. – Русские сжигают все дотла». Среди городов, занятых русскими 26 августа, был Растенбург, расположенный в самом центре Восточной Пруссии[19].

27 августа на Мазурских озерах вблизи деревень Фрогенау (Фрыгново) и Танненберг началась битва. В решающий момент у Людендорфа сдали нервы: он даже предложил отозвать генерала Франсуа и отказаться от планов окружения армии Самсонова, разработанных Хоффманом. Гинденбург хладнокровно пошел на риск и поддержал план Хоффмана. Сражение продолжилось. Утром 28 августа Людендорф приказал генералу Франсуа направить наступавшие войска на слабый участок фронта, но Франсуа не подчинился приказу и про-

[18] Фамилия немецкого генерала – Франсуа – может показаться странной, но не менее странным было французское название высшей немецкой награды за храбрость, ордена Pour le Mérite («За заслуги»). Орден учредил прусский король Фридрих Великий (1740–1786), который отдавал предпочтение французскому языку перед немецким (и переписывался по-французски с Вольтером). Он был племянником английского короля Георга I, который изъяснялся на родном немецком языке. *Авт.*

[19] В 1944 г. в Растенбурге располагалась ставка Гитлера, где в июле на него было совершено покушение. *Авт.*

должил теснить русских. «Он даже не попытался сообщить Людендорфу о своих действиях, противоречивших четкому приказу, – писал британский военный историк генерал Айронсайд. – Вне всякого сомнения, именно неповиновение фон Франсуа привело к столь впечатляющей победе, одержанной Людендорфом в следующие дни».

30 августа армия Самсонова была разгромлена. «Император верил мне, – сказал генерал своему начальнику штаба, когда они пытались укрыться в лесу, не зная, что он уже занят немцами. – Как же я смогу посмотреть ему в лицо после такого несчастья?» Десятки тысяч русских беспорядочно отступали. Солдаты бросали оружие, чтобы бежать быстрее, но большинство вскоре натыкалось на вездесущего врага. После двадцати восьми тревожных дней Восточная Пруссия была полностью возвращена Германии. Торжествующие немцы объявили, что захватили в плен 95 тысяч русских солдат, 30 тысяч раненых, а также пять сотен пушек. Количество захваченных лошадей исчислялось тысячами. Понадобилось шестьдесят железнодорожных составов, чтобы перевести военные трофеи в Германию.

Людендорф, снова обретший хладнокровие, отправил кайзеру триумфальную депешу, указав местом отправления Фрогенау. Хоффман предложил изменить его на Танненберг – в этом месте пятьсот лет назад тевтонские рыцари, среди которых были и предки Гинденбурга, были наголову разбиты многочисленным войском славян и литовцев. Битву при Танненберге – под таким названием она осталась в истории – генерал Айронсайд характеризует как «величайшее поражение той войны». Более 30 тысяч русских солдат пали в бою. В куче трупов немецкая поисковая команда обнаружила тело седого генерала с простреленной головой и револьвером в руке. Это был командующий 1-й армией генерал Александр Самсонов.

На других участках Восточного фронта австрийцам, в отличие от немцев, не удалось добиться такого успеха в отражении русского наступления – не в последнюю очередь из-за численного превосходства противника. Когда 18 августа русский генерал Алексей Брусилов начал наступление в австрийской Галиции, под его командованием находились тридцать пять пехотных дивизий. Австрийцы также испытывали трудности в Сербии, где после захвата города Шабац на сербском берегу реки Сава и наступления в долине Ядара они столкнулись со стойкими сербскими воинами, полными решимости изгнать захватчиков. В ярости и отчаянии австрийцы расстреляли в Лешнице 150 сербских крестьян. Война принимала все более ожесточенный характер.

Сербское контрнаступление спланировал генерал Путник, которого тремя неделями ранее задержали в Будапеште. Трехдневное сражение у реки Ядар, закончившееся 19 августа отступлением австрийцев, стало первой победой государств Антанты. «Эта война для нас – невеселое дело, – заметил один из сербских офицеров, – но я трясусь от хохота, глядя, как удирают эти парни». Через неделю австрийцы оставили Шабац и отступили за Саву на австрийскую территорию. Пресс-служба в Вене объявила, что силы следует сосредоточить для войны с Россией, а вторжение в Сербию – всего лишь «карательная экспедиция», поэтому наступление будет предпринято при «более благоприятных обстоятельствах».

Для карательной экспедиции операция обошлась слишком дорого – австрийская армия потеряла не менее 6000 убитыми, 30 000 ранеными и 4000 пленными. Но и сербские потери были велики: 3000 убитых и 15 000 раненых. Всего в боях погибло 9000 человек, но сухая статистика, как обычно, ничего не говорит о боли и ужасе людей перед лицом смерти, о страданиях тысяч отцов и матерей, братьев и сестер, вдов и сирот. Корреспондент Times сообщал с поля боя: «Подсчитать потери австрийцев довольно трудно, поскольку многих убитых обнаруживали лишь после того, как смрад разлагающейся плоти выдавал наличие трупов в лесу или на невспаханном поле».

Неудача австрийцев резко контрастировала с успехом немцев в Бельгии. После захвата Льежа немецкая армия быстро продвигалась по Бельгии, вынудив правительство страны переехать из Брюсселя в Антверпен. 17 августа при безуспешной попытке остановить немецкое наступление у Тинена бельгийская армия понесла тяжелые потери: 1630 убитых и раненых. Спустя два дня началась осада бельгийской крепости Намюр, второй по величине после Льежа. Гарнизон численностью 27 000 человек противостоял пяти немецким дивизиям. «Этот штурм вызвал некоторое беспокойство в штабе 5-й армии, – вспоминал впоследствии британский офицер связи при штабе капитан Спирс, – но никому и в голову не приходило, что окруженный девятью фортами город не сможет продержаться хотя бы несколько дней, пока генерал Ланрезак не пересечет Самбру и, прикрывая правый фланг за счет крепости, не нанесет решающий удар по атакующему противнику».

Стратегические планы были перечеркнуты суровой реальностью войны. 19 августа в Брюсселе американский дипломат Хью Гибсон записал в дневнике: «Толпы людей, охваченные паникой, прибывают с востока. Небольшие отряды кавалерии также отступили в город: бойцы выглядят усталыми и подавленными. Это был явный разгром». В тот же день на самом южном участке Западного фронта, где французские войска вошли в Эльзас и приближались к городу Мюлуз, в деревнях Зиллисайм и Флаксланден погибло 600 французских солдат. Французы остановились в 16 километрах от Рейна, но дальше продвинуться не смогли. Среди убитых оказался Плесье, первый французский генерал, павший на поле боя в 1914 г.

На следующий день, 20 августа, когда на форты Намюра обрушился огонь превосходящих сил противника, немецкие войска вошли в Брюссель, первую европейскую столицу, захваченную вражеской армией после падения Парижа в 1870 г. Сам Брюссель в последний раз покорялся Наполеону. В тот день немцы отпраздновали победу военным парадом. Среди участников парада ехала сотня автомобилей с установленными на них пулеметами, а также кавалерийские части и артиллерийские батареи с военными оркестрами. Перед колоннами пехоты маршировали музыканты с барабанами и флейтами. «Некоторые полки выглядели очень красиво, – сообщала британская газета. – Войска были в хорошей форме и произвели огромное впечатление на горожан».

В угаре победы или на отдыхе солдаты могли забыть о реальности сражений, но те, кто побывал на фронте или даже вблизи быстро перемещавшейся вперед линии фронта, ощущали неотвратимое наступление нового жестокого мира, разрушающего привычные представления о войне. Для капитана Спирса, который две предыдущие недели провел в штабе 5-й армии, прозрение наступило 20 августа, когда он вместе с французским офицером сидел на холме, с которого открывался вид на поля, города и деревни в долине Самбры к югу от Шарлеруа. «Вдали собака лаяла на овец. Сзади по тропинке шла девушка и что-то напевала. С маленькой фермы справа доносились голоса и смех солдат, готовивших ужин. День заканчивался, и вдали сгущалась тьма. Затем, без предупреждения, с внезапностью, которая заставила нас вздрогнуть и напрячь зрение в попытке разглядеть то, что отказывался признавать разум, весь горизонт зарделся пламенем».

Немецкая артиллерия начала обстрел по всей линии фронта. Бесчисленные вспышки одновременно озарили северную часть неба. «Нас сковал ужас, словно война вдруг повернулась к нам своей жестокой, беспощадной стороной, которую мы пока не осознавали. До сих пор это была та война, которую мы планировали, с решительными атаками и открытыми столкновениями, но теперь мы впервые почувствовали, как на нас надвигается ужасное, безжалостное Нечто». Два офицера, британский и французский, следили за тем, как продолжался и усиливался артиллерийский огонь, все яснее понимая, «что для выживания придется отдать все имеющиеся силы и даже больше – идти, когда тело требует, чтобы ему дали упасть и умереть, стрелять, когда усталые глаза уже не видят, и бодрствовать, когда сон

кажется единственным спасением. А еще мы поняли, что только сила отчаяния способна преодолеть границы физических возможностей и заставить мозг работать после того, как он давно уже утратил способность мыслить».

И это стало реальностью для всех армий на всех фронтах, и в гораздо более ужасных условиях, каких Спирс в момент своего страшного откровения даже представить себе не мог. Характерной особенностью третьей недели августа, когда армии совершали стремительные марш-броски, стало бегство гражданского населения. Когда армия фон Бюлова подошла к Шарлеруа, несколько тысяч бельгийцев бежали из города и окрестных деревень. Спирс, наблюдавший за этим исходом в Шиме, куда был переведен штаб французской 5-й армии, впоследствии вспоминал: «Мы впервые столкнулись с Великой паникой. Это был авангард напуганных, снявшихся с насиженных мест людей, бегущих от страшной силы, которая убивала, разрушала и сжигала все, что попадалось у нее на пути».

В тот день, 20 августа, французские бойцы, товарищи которых шесть дней назад с такой уверенностью вошли в Лотарингию, потерпели поражение при Моранже; эта резня стала одной из первых в войне. 2-я армия отступала, и многие подразделения были на пределе сил. 20-м корпусом командовал генерал Фош, который впоследствии вспоминал: «Дороги были забиты обозами и роскошными автомобилями из Ниццы. 21 августа нам пришлось продолжить отступление… Я отправился в Нанси. Город готовился к эвакуации. Я сказал: «Враг в двух днях пути от Нанси, а 20-й корпус уже здесь. Мы не пропустим их без сопротивления!» Фош не ошибся: через три дня после начала отступления его корпус перешел в атаку. Немецкие войска, продвинувшиеся почти до Домбаля, в 13 километрах к юго-востоку от города были встречены ураганным огнем 75-миллиметровых пушек и в беспорядке отступили к ферме Ле-Леомон на 5 километров восточнее[20]. Немцев выбили и из Люневиля, где в 1801 г. был заключен Люневильский мирный договор, согласно которому граница Франции отодвигалась до левого берега Рейна.

Вскоре со зверствами по отношению к гражданскому населению столкнулись Люневиль и расположенный в 16 километрах к югу от него Жербевилле. Германские войска также захватили деревню Витримон между Домбалем и Люневилем, и, хотя всего через сорок восемь часов их выбили оттуда, они подожгли каждый дом, который еще не был разрушен артобстрелом. Спустя два года разрушенные дома все еще восстанавливали под руководством двух американок и на правительственные субсидии, выделенные для возмещения ущерба. «Американские дамы возглавляют работы, – писала Times 18 января 1917 г. – Те, кто ютится в развалинах, в которые превратилась деревня Витримон, возможно, лучше всех могли бы ответить, почему Франция в любом случае будет бороться до конца, пока не наступит нерушимый мир».

21 августа в Саррбуре, к северо-востоку от Люневиля, там, где проходила линия фронта 2-й армии, были убиты семь французских солдат, сдавшихся в плен. Это одно из немногих военных преступлений, после войны попавших под юрисдикцию военного трибунала. Обвиняемыми были немецкие офицеры, и судили их тоже немцы. Один из подсудимых, майор Круциус, признал свою вину. По словам немецкого солдата, дававшего показания, «один француз выглядел метрвым. Майор Круциус несколько раз пнул его, и на третий раз он зашевелился и открыл глаза». Тогда Круциус приказал его застрелить. Несколько солдат отказались исполнить приказ, но один «прицелился ему в голову и выстрелил»[21].

---

[20] После войны здесь в честь победы установили памятник, но в 1940 г., после поражения Франции, его разрушили немцы. Французы восстановили памятник в 1950 г. *Авт.*

[21] Майора Круциуса приговорили к двум годам тюремного заключения. Согласно Версальскому мирному договору, подписанному в 1920 г. (пункты 228, 229 и 230), в 1921 г. в Верховном суде Лейпцига состоялись сорок пять военных трибуналов, на которых в присутствии британских и французских наблюдателей рассматривались военные преступления. *Авт.*

В тот же день неподалеку от бельгийской границы и к западу от Лонви, в деревне Блед, 23-летний командир взвода, возглавлявший отряд из трех человек, в какой-то пристройке на краю деревни заметил пятнадцать-двадцать французских солдат, мирно распивавших кофе. Офицер открыл огонь, убив или ранив половину французов, и выиграл время, пока подошли основные силы его взвода и захватили полдеревни. Позднее в тот же день он снова пошел в атаку, объяснив старшим по званию: «Я не хотел сидеть со своим взводом без дела и решил атаковать врага, который базировался напротив нас». Так Эрвин Роммель, двадцать семь лет спустя ставший грозой для британских войск в Северной Африке, впервые проявил свою безрассудную отвагу.

21 августа стало для жителей Брюсселя первым днем оккупации. В тот день Эдит Кэвелл написала для Nursing Mirror: «Кое-кто из бельгийцев обращался к захватчикам по-немецки. Как оказалось, те удивлялись, узнав, где находятся: немцы думали, что уже в Париже, и не могли понять, откуда здесь бельгийцы и что они с ними не поделили»[22].

Немцы предложили безопасно эвакуировать Эдит Кэвелл и других медсестер в Голландию, но большинство отказались. В ту ночь неподалеку от бельгийской деревни Сен-Симфорьен британский солдат Парр производил на велосипеде разведку местности. Он не вернулся с задания. Его похоронили на военном кладбище, где позднее немцы хоронили и своих, и британцев. Скорее всего, Парр стал первым британским солдатом, погибшим на Первой мировой войне.

Ранним утром 22 августа две немецкие армии под командованием фон Клюка и фон Бюлова выступили широким фронтом через центр Бельгии, углубившись на 160 километров от немецкой границы, и прошли более половины пути к портам Северного моря Остенде и Дюнкерку. Препятствовать наступлению должны были войска трех стран: бельгийцы, защищавшие крепость Намюр, французская армия, сражавшаяся к югу от Шарлеруа, и Британский экспедиционный корпус, который достиг Монса в тот самый момент, когда 1-я армия под командованием фон Клюка совершала через Монс марш-бросок на юг, к французской границе. Немецкие войска насчитывали 580 000 человек, французов и британцев в общей сложности было менее 336 000, в том числе британцев 36 000. Французская разведка неверно оценила силы противника: считалось, что в наступлении участвуют пятнадцать германских корпусов, хотя в действительности их было двадцать восемь, то есть марш-бросок через Бельгию совершали войска, равные пяти полным армиям.

Вот что писал лейтенант Вальтер Блюм о британских войсках, 30-километровым фронтом наступавших тогда на немцев: «Английские солдаты? Мы слышали, что они похожи на героев комиксов: в коротких алых мундирах и маленьких фуражках набекрень или медвежьих шапках с подбородочным ремнем под губой. Все шутили по этому поводу и вспоминали слова Бисмарка о том, что он пошлет полицейских, чтобы они арестовали английскую армию».

Но шуткам пришел конец, когда одетые в хаки британские солдаты заняли позиции вдоль канала Монс – Конде.

[22] В 1956 г. многие советские солдаты, прибывшие в Будапешт, чтобы подавить венгерское восстание, полагали, что Дунай – это Суэцкий канал, а они будут сражаться с британскими и французскими войсками, которые высадились в Порт-Саиде. *Авт.*

Глава 4
От Монса до Марны

Август – сентябрь 1914 г.

22 августа 2014 г. в семь утра неподалеку от деревни Касто и примерно в пяти километрах к северо-западу от Монса британский эскадрон 4-го гвардейского драгунского полка заметил группу немецких солдат, легко узнаваемых по серой униформе. Раздались выстрелы – первые выстрелы, сделанные британскими солдатами на континенте за последние сто лет, если не считать Крымскую войну. Начало битвы описано в официальной истории Британии. После того как капрал Э. Томас выстрелил из винтовки, командир части капитан Хорнби выхватил саблю и возглавил атаку. Немцы отступили. Спустя три часа два британских летчика, лейтенант Винсент Уотерфолл и второй лейтенант Джордж Бейли, вылетели с базы в Мобеже в разведывательный полет над Монсом и Суаньи. Над Ангьеном их сбила немецкая артиллерия. Оба погибли.

Часом позже, в 11:15, солдаты артиллерийской батареи британской 5-й армии заметили продвижение немецких войск по горному хребту с целью атаковать полосу охранения британских войск. Батарея открыла по ним огонь. «Наши снаряды не долетали до немецкой батареи, как раз начавшей обстрел, – вспоминал позднее командир 5-й армии генерал Гоф. – Обернувшись к командиру батареи, я крикнул: «Ради всего святого, подавите их огонь!» То был Форман, превосходный офицер, но его ответ обескураживал: «Эти орудия не могут стрелять лучше». Тринадцатифунтовые британские орудия и дальностью стрельбы, и мощностью снарядов уступали немецким 77-миллиметровым полевым пушкам, которым им пришлось противостоять. «Очень скоро, – говорит Гоф, – немцы открыли ответный огонь».

22 августа германские войска наступали на французов к востоку от британских позиций. В Россиньоле до наших дней сохранились следы жестокого сражения: 874 могилы на военном кладбище и останки 1108 неопознанных солдат на кладбище неподалеку. Пытаясь вытеснить немцев из Нёшато, пять французских батальонов пошли в штыковую атаку против девяти немецких, но уже в самом начале атаки немецкая пулеметная очередь сразила трех командиров французских батальонов, совещавшихся на обочине. Уже через сорок восемь часов после начала штыковой атаки у Россиньоля Жоффр приказал предварять «каждую атаку артиллерийским обстрелом, во время которого пехота должна держаться позади и не начинать наступление, пока расстояние до противника не сократится настолько, чтобы ей удалось достичь цели».

Одновременно с разгромом французов под Россиньолем в 5 километрах от Жамуани французская колониальная дивизия, не подвергшаяся атаке, бездействовала. Ее командующий, генерал Леблуа, и не пытался прийти на помощь соседям. Позже Жоффр отстранил его от командования за «профессиональную непригодность». Леблуа настаивал на своей правоте, ссылаясь на то, что никаких приказов он не получал. Тогда же, 22 августа, под Виртоном солдаты французского 5-го корпуса, поддавшись панике, отступили к Телланкуру вопреки приказу вернуться и противостоять немцам. Из-за их бегства два соседних французских корпуса подверглись жестоким фланговым атакам.

Среди французов, павших в боях 22 августа, были единственный сын Фоша, Жермен, 25-летний пехотинец, и муж его старшей дочери, капитан Поль Бекур. Их похоронили на бельгийской границе, у Ипра, в общей могиле.

5-я французская армия, выбитая из Шарлеруа, обратилась за помощью к британскому экспедиционному корпусу. Ночью 22 августа генерал Ланрезак направил Джону Френчу депешу с просьбой на следующий день предпринять наступление на западный фланг немецких войск, теснивших французов к югу от реки Самбры. Британский главнокомандующий ответил, что это невозможно из-за значительного численного превосходства приближавшихся к его расположению сил противника. Тем не менее, чтобы не позволить немцам выйти во фланг Ланрезака, Френч предполагал задержать британские войска на канале Монс – Конде на двадцать четыре часа.

Утром 23 августа на северном берегу канала вблизи Обура, к северо-востоку от Монса, солдаты Миддлсекского полка заметили выходящую из леса группу солдат в серой форме. Среди британцев оказался горнист, который когда-то участвовал в обороне британской миссии в Шанхае, где немецкие войска защищали соседнюю германскую миссию[23]. По серой форме и фуражкам горнист узнал в приближающихся солдатах немцев. Британцы открыли огонь. Их командир, майор Эбелл, был убит выстрелом в голову: он стал первым британским офицером, погибшим в Первой мировой. В последовавшей перестрелке один за другим погибли второй лейтенант Хэнкок и капитан Ноулс. После значительных потерь с обеих сторон британцы вынуждены были отступить.

Британское командование держалось твердо. «Я хорошо представляю возможное продвижение 5-й армии, – ближе к вечеру сообщил сэр Джон Френч Ланрезаку, объясняя принятое им решение оставаться на канале Монс – Конде, – и считаю, что, насколько это возможно, мне следует как можно дольше находиться на передней позиции, особенно учитывая, что я не вполне готов перейти в наступление до завтрашнего утра». Но надежда на наступление «завтрашним утром» оказалась призрачной. Еще до депеши Френча Ланрезаку британские войска в течение шести часов подвергались немецким атакам, и на следующий день им, скорее всего, предстояло отступать, а не перейти в наступление.

Началась битва при Монсе, ставшая первым серьезным сражением британцев на Западном фронте. Фон Мольтке сильно преуменьшил их роль в этой битве, а нередко противоречивший себе кайзер, хоть и насмехался над ними, признал, что британцы показали себя стойкими бойцами. 23 августа, в течение всего дня, в дожде и тумане, между двумя армиями шли жестокие бои.

Военные действия в регионе начались так неожиданно, что жители деревень вблизи Монса, где разгорелась особенно упорная борьба, в тот день, как обычно по воскресеньям, с утра отправились в церковь. Нередко они оказывались между двумя линиями огня. Интенсивность огня противника стала для численно превосходящих немецких сил полной неожиданностью. «Они несли огромные потери, – вспоминал позднее британский генерал Смит-Дорриен, – их крупные подразделения представляли собой идеальную мишень, и, только когда погибли тысячи, они перегруппировались»[24].

Французский художник Поль Маз, служивший в британской армии переводчиком, позднее вспоминал, как 23 августа впервые увидел немцев в деревушке близ Бенша. «Я навел бинокль на железнодорожную насыпь примерно в двух километрах от себя и в круге света различил несколько спускавшихся по ней серых фигурок. Передвигая бинокль

---

[23] *Ихэтуаньское*, или боксерское, восстание в Китае (1899–1901) было подавлено альянсом восьми держав: России, США, Германии, Великобритании, Франции, Японии, Австро-Венгрии и Италии.

[24] Смит-Дорриен уже сталкивался с большими потерями: в 1879 г. во время Англо-зулусской войны он был одним из сорока европейцев, оставшихся в живых после битвы при Исандлване, в 177 километрах к северо-западу от Дурбана. Всего в этой битве уцелело 800 человек. *Авт.*

вдоль насыпи, я наблюдал, как над ней, переваливаясь через гребень, появлялись все новые фигурки, пока другие карабкались вверх». Маз вспоминал и как реагировали на появление немцев обитатели деревни. «Женщины плакали и убегали домой, за ними уходили мужчины, но дети, раздираемые любопытством, оглядывались на чужаков». Затем немцы приблизились, и началась стрельба. «Все тут же изменилось: за несколько секунд люди в панике разбежались, прежде чем враги, словно морской прилив, заполонили окрестности. В воскресной одежде, держа в руках шляпы с перьями, которые они так и не успели надеть, деревенские жители толкали детские коляски, тележки, велосипеды и все, что имело колеса, спасаясь бегством: и дети, и перепуганные мужчины».

Весь день 23 августа британцы старались удержать позиции. Они гордились тем, что их было чуть менее 36 000, то есть всего на четыре тысячи больше, чем солдат, сражавшихся в 1815 г. при Ватерлоо под командованием Веллингтона, в последний раз, когда британская армия участвовала в боях в континентальной Европе. Немцев поразило, как упорно держался противник даже под шквальным артиллерийским обстрелом. «Мы бы сильно ошиблись, вообразив, что нам удалось сломить англичан. Они встретили нас прицельным огнем». От усмешки, с которой несколько дней назад Вальтер Блюм думал о британских солдатах, не осталось и следа: «Куда ни взглянешь, везде лежали убитые. Раненые бились в конвульсиях, страшно стонали, истекали кровью. Видно, чертовы англичане все же кое-что смыслят в войне».

Через две недели после той битвы родилась легенда об ангеле, явившемся верхом на «традиционном белом коне, во всем белом и с огненным мечом в руках» и «преградившем путь» наступающим немцам. Но Ангел Монса был в те дни не единственной галлюцинацией, которую видели измученные солдаты на марше. «Если во время отступления и являлись ангелы, как об этом писали газеты, то их видели в ту ночь», – вспоминал рядовой Фрэнк Ричардс спустя три дня после отхода от Ле-Като. «Мы шагали час за часом без остановки, и вот пошел пятый день непрерывного марша почти без сна… «Только посмотрите, какой там прекрасный замок!» – сказал Стивенс, указывая куда-то через дорогу. Но там ничего не было. Почти всем нам что-то мерещилось, так мы были измотаны».

На местном кладбище в Монсе похоронено 330 британских солдат, павших в бою 23 августа[25]. В тот день Британия понесла большие потери: было убито и ранено 1600 солдат, тела некоторых найти не удалось. Французам и бельгийцам после беспощадного боя также пришлось отступить. Французы попытались пройти через Арденнский лес. 7-й французский армейский корпус, чью артиллерию захватили немцы, бежал, не сделав ни единого выстрела, и остановился только на позициях, откуда накануне начал наступление. 13-летний школьник в баварском городе Ландсхут записал в дневнике: «Весь город украшен флагами. Вряд ли французы и бельгийцы думали, что их разгромят так быстро». Звали школьника Генрих Гиммлер.

Впрочем, 23 августа немцам удалось разгромить не все французские части. В Оне, где немецкая армия переправилась через Мёз, оказавшись всего лишь в полутора километрах к западу от Динана, генерал Манжен, командовавший резервной бригадой, выдвинулся вперед с двумя пехотными батальонами и кавалерийским полком и после серии штыковых атак выбил врага из деревни.

23 августа, когда сэр Джон Френч узнал, что 5-я армия Ланрезака вынуждена отступить ввиду неизбежного падения Намюра, его первым порывом было удержать свои позиции.

[25] Не прошло и четырех лет, как в воскресенье 10 ноября 1918 г. на окраинах Монса снова начался артиллерийский обстрел. На этот раз с немцами сражались канадские войска, бой продолжался всю ночь, а на рассвете того дня, когда было заключено перемирие, освободители вошли в Монс. На том же городском кладбище, где лежат британцы, погибшие в самом начале войны, похоронено и 57 канадцев, один из которых пал в бою в последний день боевых действий. *Авт.*

«Я всеми силами постараюсь отразить наступление на территории, которые мы занимаем в настоящее время, – сообщил он вечером одному из командиров, – а вы ночью сделаете все, чтобы закрепиться на позиции». Но отражать наступление было уже слишком поздно и рискованно. Понимая, что после отхода Ланрезака пути к отступлению могут быть отрезаны, сэр Джон Френч в полночь отдал Британскому экспедиционному корпусу приказ отступить.

24 и 25 августа Британский экспедиционный корпус двигался на юг от Монса к французской границе. «Сбившиеся с ног солдаты больше походили на призраков, чем на живых людей, – писал один из очевидцев. – Уже не осознавая происходящее, они продолжали идти под влиянием дисциплины и из чувства долга». 24 августа перестрелка к югу от Монса стала ярким примером того, что сейчас называют «огнем по своим»: немецкие войска, достигнув британских окопов, попали под обстрел собственной артиллерии.

Когда Британский экспедиционный корпус начал отступление, сэр Джон Френч получил известие о сдаче Намюра, последней обороняемой бельгийцами крепости. Памятуя злополучное отступление сэра Джона Мура к Ла-Корунье в 1808 г., он отдал приказ немедленно организовать оборону порта Гавр более чем в 320 километрах к юго-западу. При обсуждении его приказа в Лондоне возникли опасения, что не удастся удержать даже Гавр и необходимо укреплять Сен-Назер на берегу Атлантики, в 643 километрах от линии фронта. Теперь уже боялись, что война действительно закончится до Рождества – победой Германии. Черчилль, встретившись с лордом Китченером вскоре после известий о падении Намюра, писал: «Держался он вполне спокойно, но я все понял по его лицу: оно побледнело и было искажено, словно от удара».

25 августа в британских газетах появились сообщения о битве при Монсе. «Сражение обернулось для союзников едва ли не катастрофой», – писала Times. Прозвучал и страшный прогноз: «Вчера пришли дурные известия, но мы боимся, что этим дело не кончится». Утром 26 августа на поле боя генерал Алленби, командовавший кавалерией, выразил опасение, что экспедиционный корпус попадет в окружение, как произошло в 1870 г. с французской армией при Седане, если не продолжит отступление на юг. Смит-Дорриен возразил, что люди валятся с ног от усталости. «Тогда я не думаю, что вам удастся спастись», – сказал Алленби, на что Смит-Дорриен ответил: «Будем бороться до конца». Начальник штаба британских экспедиционных сил почувствовал себя дурно, узнав, что люди готовы подняться против превосходящих сил противника» [26].

Последовала ужасная битва при Ле-Като. На стороне немцев был численный перевес, как и значительное превосходство в технике, особенно в пулеметах. Но британцы сражались так, что немцы невольно переоценили их силы. После боя, который продолжался достаточно долго для того, чтобы позволить тысячам солдат осуществить организованное отступление, отход британских войск продолжился. Крайняя усталость солдат и офицеров бросалась в глаза. Самого Алленби, измученного до последней степени, один из штабных офицеров застал в полном отчаянии и упадке сил, когда тот обхватил голову руками и уперся локтями в колени.

Один британский батальон, истощенный в битве при Ле-Като, отступил в Сен-Кантен для перегруппировки. Командир батальона, подполковник Джон Элкингтон, уступил настояниям мэра и подписал документ о капитуляции на случай, если немцы войдут в город прежде, чем солдаты будут готовы принять бой. Мэр настоял на этом, не желая превращать Сен-Кантен в поле битвы. В тот день немцы не вошли в город, и батальон Элкингтона присоединился к основным британским силам, но акт о капитуляции был обнародован. Элкингтон предстал перед военным трибуналом и был уволен из армии. Чтобы доказать свое желание сражаться, он присоединился к французскому Иностранному легиону.

---

[26] Это был сэр Арчибальд Вольф (*англ.* wolf – волк) Мюррей, позже известный как «баран» Мюррей. *Авт.*

Среди британских солдат, погибших 27 августа, был и лейтенант Кэрол Одри, чей брат 79 лет спустя вспоминал: «Отец считал, что он пошел в армию из честолюбия, и смирился с мыслью об опасности, которую осознавал еще за три недели до начала сражений. И все же, когда 27 августа брат погиб, отец был потрясен его смертью. Ведь они с Кэролом всегда все делали вместе»[27]. Все последующие четыре года войны европейцам предстояло ежедневно страшиться телеграммы о потере сына, брата или мужа. Изо дня в день те, кто просматривал списки убитых, раненых и пропавших без вести, знали, что могут найти в них родственника, друга или любимого.

Всем, кто сражался 27 августа, запомнилось, насколько изнурены были солдаты. Один из очевидцев вспоминал: «Офицеры подгоняли сержантов, и те собирали солдат, которые поспешно, плохо соображая, что делают, кое-как собрались в колонну. Когда колонна тронулась, и рядовые, и те, кто их подгонял, дремали в седлах, пехота брела шатаясь как во сне, все мучились от холода и голода, но, повинуясь волшебной силе дисциплины, едва переставляли ноги».

Едва переставляли ноги, но продолжали драться: немецкий лейтенант Вальтер Блюм рассказывал о двух британских офицерах и двадцати пяти пехотинцах, которые оказались отрезанными от своего батальона и сражались против превосходящих сил противника. Четверо из них погибли: этих четырех взяли в плен. Блюм, видевший последствия сражения, писал: «По дороге в подлеске мы наткнулись на английского солдата с расколотым черепом, затем на другого со штыком в груди». Поль Маз, наблюдавший отступление с другой стороны, стал свидетелем последнего этапа схватки британцев с немецким кавалерийским формированием. «Несколько немцев прятались в стогах, воткнув пики и сабли в сено, и я услышал жуткие крики. Лошади обезумели не меньше людей, которые показывали друг другу капающую с клинков кровь. Некоторые что-то собирали на память. Я подхватил раненого немецкого драгуна, которого рвало неспелым крыжовником. Из груди у него торчала сабля. На ломаном английском он сказал мне, что двадцать дней назад уволился из отеля «Риц» в Лондоне, где служил официантом».

Кроме Ангела Монса, в последнюю неделю августа на поле боя было отмечено еще одно необычное явление. В официальной медицинской истории войны имеется запись: «В 1914 г. несколько солдат было эвакуировано из Франции в Англию из-за травм, полученных при отступлении от Монса». В течение месяца во французских тыловых госпиталях подполковник Гордон Холмс, специалист по нервным расстройствам, «наблюдал частые случаи истерии, связанные с пулевыми и осколочными ранениями или даже с незначительными ушибами спины, рук и ног». К концу года более ста британских офицеров и восьмисот солдат лечились от нервных болезней, которые в официальной медицинской истории нередко назывались «серьезными психическими нарушениями, приводившими к временной или постоянной непригодности к военной службе». К концу войны около 80 000 солдат и офицеров уже не могли оставаться в окопах, а многие по инвалидности были освобождены от военной службы в связи с нервными заболеваниями, в том числе так называемыми контузиями.

27 августа, во время французского контрнаступления у Ришомона, принц Эйтель Фридрих Прусский, командовавший немецким гвардейским полком, заметив, что его солдаты вот-вот отступят, начал бить в барабан. Непоколебимая уверенность второго сына кайзера немедленно положила конец панике, и немцы стали теснить атакующих. Впрочем, этот успех был локальным: в тот же день масштабное контрнаступление генерала Ланрезака на 2-ю немецкую армию вынудило 1-ю немецкую армию, наступавшую на Париж, поспешить

[27] Брат Кэрола Одри, преподобный Уилберт Вире Одри, после Второй мировой войны приобрел известность и состояние как создатель детской книги «Танк-паровоз Томаса» (Thomas the Tank Engin). *Авт.*

на помощь своим войскам, оказавшимся под ударом. В тот же день Жоффр из состава других армий набрал для генерала Фоша особый отряд – так называемую 9-ю армию, задачей которой было отслеживать, не перешли ли германские войска в наступление. В штаб Фоша входил полковник Вейган [28]. Эта сборная армия была исполнена решимости переломить ход войны в пользу Франции.

Война породила новое явление – отказ от заранее разработанных планов в пользу импровизации. Кроме того, она провоцировала антивоенные настроения. 27 августа в Daily Citizen, органе Лейбористской партии, журналист-социалист Клиффорд Аллен призвал к всеобщему протесту против войны, заявив: «Большая национальная кампания против продолжающегося участия Великобритании в войне, а не просто против войны в целом, будет означать, что никаким благовидным доводам дипломатов в оправдание кровавой бойни так и не удалось заглушить голос социалистов».

В августе, после того как правительства всех стран – участниц конфликта опубликовали предшествовавшие ему дипломатические телеграммы и меморандумы, подобрав их таким образом, чтобы переложить ответственность на противника, стали известны имена дипломатов, причастных к развязыванию войны. Издавая свою антивоенную статью отдельной брошюрой, Клиффорд Аллен подчеркнул: «Страдания людей нельзя оправдать расписанными по дням и часам посольскими депешами».

Пока антивоенные настроения боролись с вспышками патриотизма, резко возросло число желающих воевать в Европе, вступавших в расположенный в Северной Африке французский Иностранный легион из 10 000 солдат. Через семь месяцев после 21 августа, когда началась вербовка, к нему присоединились 32 000 человек, не являющихся французами, в том числе около 5000 итальянцев, более 3000 русских, 1467 швейцарцев, 1369 чехов, 1000 немцев, желавших воевать против Германии, и более ста американцев. Среди американцев был Уильям Тоу из Питсбурга, который 30 августа писал домой из базового лагеря: «Я намерен принять участие, пусть и небольшое, в величайшей и, вероятно, последней войне в истории, которая, судя по всему, превратилась в битву цивилизации против варварства. Пусть это и покажется преувеличением, но вы бы согласились со мной, послушав рассказы французских, бельгийских и английских солдат, которые пришли сюда с фронта».

Тоу описывал легионеров, которые вместе с ним проходили военную подготовку: «колумбийского профессора по прозвищу Коротышка – опытного преподавателя с множеством ученых званий, проповедника из Джорджии, профессионального игрока из Миссури, бывшего боксера в легком весе, двух смуглых джентльменов из Луизианы и с Цейлона, двух крутых парней из уличной банды, контролировавшей Манхэттен, шведа, норвежца, нескольких поляков, бразильцев, бельгийцев и тд.». По словам Тоу, это походило на школу, не считая того, что «за шалости здесь не отчитывали, а сажали на голодный паек или в тюрьму».

В конце августа отступлению британских войск существенно помогло французское контрнаступление под Гизом. В дальнейшем внимание противника было до некоторой степени отвлечено переправой через Северное море в Остенде 3000 бойцов Британской королевской морской бригады, вполне успешной, несмотря на присутствие немецких подводных лодок. Германское Верховное командование было обеспокоено сообщением, что силы морских пехотинцев намного значительнее. Распространился слух, что речь шла не о британских, а о русских войсках, которые морским путем переправились с севера России в Шотландию, а затем по железной дороге были быстро доставлены в порты Ла-Манша. Называли цифру 80 000, которая вскоре возросла до «чуть меньше миллиона».

[28] В 1940 г. Вейган, назначенный главнокомандующим, поддержал проведение мирных переговоров с Германией. *Авт.*

Британцы, путешествовавшие по железной дороге, видели на станциях русских в «сапогах, на которые налип снег», направлявшихся на юг. Times писала, что русские высаживались в порту шотландского города Лит «и ночью пересаживались на поезда, доставлявшие их в порты на южном побережье». Оттуда их через Северное море переправляли в Бельгию. «В подтверждение скажем, что по всей стране запоздалые путники видели на железнодорожных станциях проносившиеся мимо длинные составы с опущенными шторами на окнах, а также множество вагонов со свирепого вида бородатыми мужиками в меховых шапках».

Но в течение семи дней вблизи Остенде действовали не русские, о прибытии которых прошел слух, а бойцы Королевской морской бригады, заставившие немцев поверить, что их гораздо больше, чем на самом деле. Затем они вернулись в Британию. Последнее подразделение профессиональной армии, оставшееся в Великобритании, к тому времени отправили во Францию, оставив Британские острова беззащитными в случае нападения Германии. Для Британии то было опасное время. Германия располагала силами, вполне достаточными для того, чтобы направить значительную группировку на британское Восточное побережье. С некоторой долей удачи, в густом тумане, немецкие корабли могли ускользнуть от Королевского военно-морского флота. Но 28 августа в морском сражении в Гельголандской бухте были разрушены три немецких крейсера, еще три серьезно повреждены. Погибло 700 немцев и 35 британцев, ни один британский корабль не утонул. Вероятность вторжения отступила. «Все без ума от радости из-за успеха нашего первого морского боя», – писал жене британский адмирал, командовавший сражением. К тому же британцы спасли двести моряков с одного из потопленных крейсеров, тем самым доказав свое благородство.

В Германии привычным зрелищем становилось прибытие военнопленных. 30 августа в Ландсхуте школьник Гиммлер написал в дневнике: «На вокзале толпились зеваки, проявившие грубость и даже жестокость, давая тяжело раненным французам (которые, конечно, хуже наших раненых, раз оказались в плену) хлеб и воду».

30 августа в воскресном выпуске Times, посвященном военным действиям, появился репортаж одного из самых известных корреспондентов, Артура Мура, видевшего отступление британских войск от Монса. Мур сообщал из Амьена о «страшном поражении», нанесенном союзникам при Монсе неделей раньше, и описывал «жалкие остатки многих полков» и «потрепанных маршем» британских солдат. Британское общество было в шоке. Амьенский репортаж, по словам историка, «разразился как удар грома в стране, уверенной в скорой победе и ожидавшей только победных сообщений, и посеял ужас в кабинете министров, и без того встревоженном отсутствием важных новостей с фронта»[29]. В тот день британское правительство, за двенадцать дней до того заказавшее 162 000 осколочных снарядов, вдвое увеличило заказ.

Главнокомандующий сэр Джон Френч сомневался, что французские войска, численно превосходящие его собственные, способны остановить продвижение немцев, 30 августа вынудивших англо-французские силы отступить через Эну на юг. 31 августа французские колониальные войска, наступавшие к востоку от Жербевилле, были практически уничтожены немецкими пулеметными расчетами. Расположенный неподалеку резервный полк за полчаса смял немецкую оборону, но французский план боя предполагал трехчасовой штурм немецких позиций, и артиллерия продолжила обстрел, когда они уже были заняты французами. Под сильным огнем одержавшие победу войска отступили на исходные позиции. Всего за несколько дней в дивизии из 14 500 осталось 8000 человек.

31 августа сэр Джон Френч известил Лондон о своем намерении отвести Британский экспедиционный корпус за Париж, оставив французскую армию на произвол судьбы. В письме другу он признавался, что британские войска «измотаны». Они нуждаются в «отдыхе

[29] *Bernhard Ash*. The Lost Dictator. A Biographie of Field-Marshal Sir Henry Wilson. L.: Cassel, 1968. P. 159. *Авт.*

и восстановлении». Если бы Лондон увеличил число пехотинцев под его командованием в шесть раз, а кавалеристов в четыре, добавлял он не без сарказма, «я добрался бы до Берлина за шесть недель и без помощи французов». Не имея возможности получить подкрепление, он решил отделить свои войска от французских и отойти от линии фронта.

Новость о решении Френча потрясла тех, кто рассчитывал на его поддержку. 31 августа Жоффр напрямую обратился к премьер-министру Франции, Рене Вивиани, с просьбой вмешаться и «убедить фельдмаршала Френча не отступать слишком быстро и сдерживать противника на британском участке фронта». Недавно созданный британский Военный совет был настолько обеспокоен поведением главнокомандующего, что лорд Китченер лично отправился во Францию, чтобы напомнить Френчу о его обязанности постоянно поддерживать французские войска. 1 сентября Френч и Китченер встретились в Париже. По окончании встречи Китченер телеграфом передал в Лондон хорошие новости: «Войска Френча на данный момент находятся на линии фронта, где и будут оставаться и оказывать всяческую помощь французской армии».

После шести дней непрерывного марша на юг 5-я армия генерала Ланрезака достигла Краона. Капитан Спирс стал свидетелем страданий французских солдат. «Головы опущены, красные брюки и синие мундиры неразличимы под слоем пыли. Они бредут по нескончаемым дорогам, натыкаясь на транспорт, на брошенные повозки и друг на друга, их запорошенные пылью глаза уже не различают раскаленных солнцем пейзажей, они видят только брошенную поклажу и распростертых на земле людей, изредка – оставленные орудия. Повсюду на обочине валяются лошади, павшие в пути от усталости. Хуже того, лошади, полудохлые, но все еще боровшиеся со смертью, скорбно смотрели на проходящие колонны, покрывавшие их пылью от шагающих ног, подергивая пересохшими губами и ноздрями». Стояла сильная жара. Многие солдаты, «вконец измученные, сраженные усталостью или палящим солнцем, падали и уже не вставали, но сохранившееся чувство долга и дух самопожертвования гнали армию вперед».

Один французский генерал, считая, что все потеряно, склонялся к самоубийству, но сумел справиться с отчаянием. Комендант Намюра Дюрюи, отступавший после падения города, рассказал капитану Спирсу, как он, увидев несколько сотен людей, бежавших на юг, кричал, чтобы они остановились, но те не обратили на него ни малейшего внимания. «Дюрюи, видя, что они охвачены паникой, выхватил револьвер и выстрелил, но они шли дальше, спотыкаясь о валявшиеся на дороге трупы и даже не пытаясь увернуться от направленного на них оружия».

1 сентября у деревушки Нери, на крайнем правом фланге немцев, 4-я немецкая кавалерийская дивизия, наступая под покровом утреннего тумана, достигла участка, удерживаемого тремя полками 1-й британской кавалерийской бригады. Внезапная атака застигла врасплох батарею «L», одно из подразделений британской полевой артиллерии. В момент нападения лошади артиллеристов были на привязи, и уже через несколько минут немцы захватили два орудия с их расчетами, но солдаты, обслуживавшие оставшиеся орудия, продолжали сражаться. Дежурный офицер, капитан Э. К. Брэдбери, был смертельно ранен, но до самой смерти корректировал огонь. Его и двоих из четырех солдат, продолжавших стрельбу, наградили Крестом Виктории: три Креста Виктории за несколько минут! «Для кавалериста Первой мировой войны, – писал генерал Спирс, – история батареи «L» при Нери была тайной, скрытой глубоко в сердце, данью любви и уважения любимой артиллерии на гужевой тяге и артиллеристам, никогда не подводившим его в сражении. Благодаря действиям капитана Брэдбери у Нери 4-я немецкая кавалерийская дивизия была практически уничтожена и не смогла участвовать в решающей битве, которая была еще впереди.

Во время англо-французского отступления к Марне в небе над Парижем появился немецкий самолет, сбросивший несколько бомб и листовки, сообщавшие о поражении французских и российских войск. После этого десятки тысяч парижан на автомобилях, поездах и речном транспорте бежали из города в южном и западном направлении, а тем временем с севера в столицу прибывали тысячи бельгийских беженцев. На главных бульварах, ведущих в Париж, срубили почти все деревья, чтобы построить баррикады и укрепить окопы. Даже правительство, не склонное прислушиваться к общественному мнению, 2 сентября переехало в Бордо. Это поспешное бегство подлило масла в огонь, ускорив исход жителей из столицы.

Из трех миллионов парижан более миллиона покинули город. Между тем жители Брюсселя в полной мере столкнулись с жестокой реальностью оккупации в тот день, когда вновь назначенный губернатор, немецкий фельдмаршал барон фон дер Гольц, издал указ, оправдывавший «суровой военной необходимостью» то, что наказанию за враждебные действия подлежит не только виновный, но и невиновные.

Той же «суровой необходимостью» немцы, очевидно, руководствовались и во Франции, когда, захватив древний Санлис в 47 километрах от Парижа, взяли в заложники мэра, Эжена Одена, и шестерых жителей и расстреляли их в поле в окрестностях города. Кроме мэра, жертвами этой карательной операции стали кожевник, извозчик, официант, шофер, помощник пекаря и резчик по камню. В городском совете висела картина XIX в., изображавшая расправу арманьяков над четырьмя заложниками, когда пятьсот лет назад, в 1418 г., город был осажден бургиньонами[30]. В путеводителе Мишлен от 1917 г. в связи с битвой на Марне говорится: «Прошло пять веков, но, судя по всему, отношение германцев к заложникам со времен Средневековья не изменилось».

1 сентября за час до полуночи французское Верховное командование получило от военной разведки бесценные документы с исчерпывающими сведениями относительно направления готовящегося наступления 1-й германской армии. Немецкий офицер, ехавший на автомобиле из штаб-квартиры фон Клюка в штаб своей дивизии, ошибся дорогой, натолкнулся на французский патруль и был убит. Его вещевой мешок с едой, одеждой и окровавленными документами доставили офицеру военной разведки, полковнику Фагальду, который обнаружил среди бумаг карту, где не только указывалось точное расположение сил фон Клюка, что само по себе имело огромную ценность, но также карандашом были намечены линии наступления, назначенного на следующий день. Атака планировалась не на юг, где базировалась 6-я французская армия Монури, и не в направлении Парижа, а на юго-запад, в направлении сил Британского экспедиционного корпуса и реки Марны.

Основное направление запланированного на следующую ночь немецкого наступления проходило через деревню Лонпон, по незащищенному участку между Британским экспедиционным корпусом и 5-й французской армией Ланрезака. Точки соприкосновения двух армий всегда остаются их слабым местом. Так благодаря счастливой случайности англо-французское командование обрело настоящее сокровище. Теперь французы точно знали, куда следует направить 4-ю армию, которой так и не пришлось защищать Париж от прямой атаки.

Британский экспедиционный корпус вышел к Марне 2 сентября. «Боевой дух армии восстановлен, – писал в дневнике генерал Смит-Дорриен, – и укрепляется с каждым днем, все только и ждут приказа двигаться вперед и атаковать врага, но, учитывая текущее отступление французской армии, это невозможно». Принимая во внимание стремительность и непредсказуемость германского наступления, никто не удивился, когда 2 сентября немецкий

[30] *Война арманьяков и бургиньонов* (1407–1435) – гражданская война во Франции между сторонниками орлеанской ветви династии Валуа во главе с графом Бернаром д'Арманьяком и приверженцами бургундской ветви той же династии.

кавалерийский патруль захватил в плен Артура Мура, корреспондента Times, чей репортаж об отступлении с Монса так взбудоражил Великобританию [31].

На следующий день Британский экспедиционный корпус пересек Марну, взорвав за собой все мосты. За тринадцать дней британцы отступили примерно на 240 километров, что, казалось бы, оправдывало выпад кайзера в адрес «презренной маленькой» армии Френча. Но на протяжении всего отступления британские войска сражались, выдержав десятки арьергардных боев. На сон оставалось не больше, а иногда и меньше четырех часов, и солдаты так измучились, что один из офицеров сказал о них: «Я и представить не мог, что человек может быть таким усталым и голодным и при этом оставаться живым». Другой офицер, лейтенант Джордж Рупелл, впоследствии награжденный за храбрость Крестом Виктории, писал в своем дневнике о людях, «физически ослабевших от длительных переходов и морально – от вечного напряжения, которое они испытывали, постоянно находясь в пределах досягаемости огня противника». Рупелл добавил: «Не приходится удивляться, что в таких условиях бывают случаи паники и потери самоконтроля».

3 сентября в Северном море германская субмарина U-21 потопила британский крейсер «Пасфайндер», первый боевой корабль, подбитый торпедой: погибло 259 моряков. Подводные лодки, обладавшие перед надводными судами тем преимуществом, что могли атаковать и отступить необнаруженными, стали на этой войне новым оружием. Германия планировала использовать подводный флот для уничтожения боевых и торговых кораблей союзников, одновременно ослабляя и деморализуя противника. Существовавшие способы борьбы с подлодками включали таран, атаки надводных судов, глубинные бомбы, минные поля и даже воздушные атаки. Все это становилось возможным благодаря дешифровке перехваченных немецких радиограмм, в чем британцы уже тогда заметно преуспели. И все же германские подлодки продолжали бесчинствовать до последних дней войны, нанося огромный ущерб морским поставкам союзников.

В тот день, когда немцы одержали свою первую победу под водой, лейтенант Далримпл-Кларк выполнил первый британский бомбардировочный налет на наземную цель у французско-бельгийской границы. Согласно официальному рапорту, он «сбросил одну бомбу примерно на сорок немцев, и было очевидно, что многие пострадали». Другие летчики, работая в тесной связке с батальонами бронированных автомобилей, терроризировали германские военные патрули, курсировавшие вдоль шоссе. Британский консул в Дюнкерке докладывал в Лондон, что такие комбинированные атаки добивались «невероятных успехов» в дезориентации германского наступления.

Бельгийцы столь же успешно использовали эскадроны бронированных автомобилей, причем их бронемашины были схожи с немецкими не только наличием брони: и те и другие были оснащены пулеметом Льюиса, который сконструировал американец, майор Исаак Ньютон Льюис (его отец явно предвидел, что сыну суждено стать талантливым изобретателем). Льюис продал свой пулемет Бельгии и Германии только после того, как его неоднократно отвергали в США. Пулемет мог делать от 100 до 500 выстрелов в минуту. После одного боя в Бельгии Александер Повелл вспоминал: «Я видел, как поток пуль из такого пулемета буквально скашивал деревья толщиной в человеческое бедро».

3 сентября германская армия была всего в 40 километрах от Парижа. В тот день в деревне Барон 49-летний композитор Альберик Маньяр забаррикадировался в собственном доме, открыл огонь по немецким солдатам, приказавшим ему выйти, и убил одного из них.

---

[31] Согласно правилам ведения боевых действий, Мура, как не военнослужащего и журналиста, освободили через нескольких дней; позднее он присоединился к британской армии и служил на Галлиполи и в Салониках. Во время Второй мировой войны он был советником по связям с общественностью при лорде Маунтбеттене в Юго-Восточной Азии (1944–1945). *Авт.*

Дом обложили соломой и забросали гранатами, и Маньяр погиб в огне. Деревню разграбили, как и захваченное в тот же день соседнее селение Эрменонвиль, где в 1778 г. умер философ Жан-Жак Руссо.

3 сентября немецкие конные патрули добрались до Экуана всего в 13 километрах от Парижа, который замер в ожидании германского наступления. В тот же день стало известно, что на северо-западе немецкие подразделения достигли Сены, взорвав мост в Понтуазе. Парижане, опасаясь, что город бросят на произвол судьбы, как Брюссель две недели назад, погрузились в уныние. Но 3 сентября военный комендант города генерал Галлиени заявил: «Я получил приказ защищать Париж от захватчиков, и я выполню его до конца».

В защите Парижа Галлиени рассчитывал на поддержку вновь сформированной армии под командованием генерала Монури, которая в ожидании решающего наступления закреплялась на местности по периметру. Но немцы угодили в ловушку, возникшую в результате французского отступления, увлекшего их на восток от Парижа и на юг от Марны, так что их линии связи и снабжения оказались сильно растянутыми. В погоне за отступающими англо-французскими армиями немцы, следуя вдоль Марны, удалились от Парижа и упустили шанс захватить столицу. 4 сентября к югу от Марны англо-французские силы приготовились к сражению. «Было решено, что сегодня мы отступим к Сене километров на двадцать, чтобы воспользоваться ночной темнотой, скрывающей наши передвижения, – записал в дневнике Смит-Дорриен, – а также избежать палящих солнечных лучей, изнуряющих людей и лошадей».

Были и другие факторы риска: по словам Смит-Дорриена, «отступление всегда опасно: дисциплина слабеет, к тому же в пути возникает много возможностей для бессмысленных драк и грабежа. Сегодня вечером пять человек предстанут перед трибуналом. Потери среди старшего и младшего офицерского состава в некоторых частях чрезвычайно усложняют поддержание дисциплины, особенно когда вокруг столько соблазнов – гостеприимных деревенских жителей и опустевших домов, полных ценных вещей».

В последующие две недели более 15 000 британских военных были убиты, ранены или взяты в плен. 4 сентября, через месяц после вступления Великобритании в войну, Асквит, произнося речь в лондонской ратуше, заявил, что британцы «не сложат оружия, пока не отомстят за зверства в Бельгии». Эти зверства стали широко известны. Через две недели после речи Асквита Times напечатала слова из письма британского ефрейтора после битвы при Ле-Като: «Немцы не любят холодной стали. Они падали на колени и молили о пощаде, но у нас кровь кипела из-за того, как они поступали с мирными жителями, и мы не знали милосердия».

Амьенский репортаж об отступлении британских войск из Монса на следующей неделе получил в Великобритании широкий резонанс. 5 сентября Уинстон Черчилль, и сам в прошлом военный корреспондент, писал владельцу газеты: «Думаю, вы должны были понимать, какой вред причинила воскресная публикация в Times. Еще ни разу ни у одного военного корреспондента мне не приходилось читать такого панического бреда, и теперь благодаря авторитету Times он обратится в оружие против нас для любого колеблющегося государства». По просьбе премьер-министра Черчилль выпустил специальное коммюнике, обнародовав подробности отступления и постаравшись успокоить британскую общественность. «Очевидно, что наши солдаты имеют моральное превосходство над немцами, – писал Черчилль. – Они прекрасно осознают, что, несмотря на неравенство сил, окончательный результат не вызывает сомнений». В анонимном коммюнике не упоминалось, что «неравенство сил» было неизбежно при существовавшей в Британии системе комплектования армии на добровольной основе. Но за три года до начала войны Черчилль составил для Комитета

обороны документ, подробно расписав, как будет разворачиваться германское наступление во Франции и как оно, постепенно замедляясь, захлебнется на сороковой день.

Тридцать три дня немецкие войска непрерывно наступали. Они продвигались пешком, с тяжелыми вещмешками, оружием и снаряжением. Но время шло, расстояния увеличивались, и наступление начало выдыхаться. Снабжение вызывало все больше трудностей. Чтобы отремонтировать разрушенные противником железнодорожные линии в Бельгии и Северной Франции, привлекли 26 000 немецких железнодорожных рабочих, но контролировать их работу со временем стало практически невозможно. К началу сентября из 4000 удалось восстановить всего 500–650 километров бельгийской железнодорожной сети. Но в тот месяц наибольшую опасность для боевых действий представляло все возраставшее расстояние между станциями, куда по железной дороге прибывали боеприпасы, и ушедшими далеко вперед 1-й и 2-й армиями. На 25 августа расстояние между станцией снабжения 2-й армии и линией фронта составляло около тридцати километров. Перевозки были сопряжены с большими трудностями, дороги забиты транспортом, длинные составы с грузами приходилось перегружать в грузовики и повозки на гужевой тяге. Ко 2 сентября расстояние возросло почти до 150 километров, а к 4-му превысило 160 километров. Участок железной дороги между Льежем и Ансом, по которому шли составы, снабжавшие 1-ю армию, был особенно сложным: таким крутым, что каждый поезд тянули и толкали целых четыре локомотива. В самом Льеже, через который проходили все поезда с грузами для 1-й и 2-й армии, часто образовывались заторы. На юг от Шарлеруа имелись только две железнодорожные линии, по которым проходили поставки для 2-й армии, обе одноколейные.

Проблемы со снабжением только усугублялись, к тому же на боевом духе немцев не могло не сказаться сопротивление, с которым они ежедневно сталкивались: бои не прекращались даже во время отступления противника. При этом никто из них не подозревал, что контрнаступление неизбежно. Как писал позднее германский офицер, «продолжающееся отступление французов воспринималось как должное. Ни один из пленных не предупредил нас ни единым словом, ни одна газета не намекнула».

Битва на Марне началась 5 сентября. «Сейчас, когда вот-вот начнется сражение, от которого зависит судьба Франции, – заявил Жоффр, выступая перед солдатами, – всем нам следует помнить, что время оглядываться назад прошло; каждое усилие должно быть направлено на наступление и на то, чтобы отбросить врага назад. Войска, которые больше не могут наступать, обязаны любой ценой удерживать захваченные позиции, и лучше умереть, чем пропустить врага». Речь заканчивалась словами: «В сложившихся условиях я не потерплю слабости». На британском участке фронта царило то же чувство исключительной важности этого момента. «Я побывал в расположении частей и видел, как все рады тому, что им придется двигаться вперед, а не назад», – в тот же день записал Смит-Дорриен в своем дневнике.

Ближе всего к Парижу, между Сеной и Марной, находился Британский экспедиционный корпус. Германские приказы звучали лаконично: «Если встретите британцев, они должны быть отброшены». Но именно британцы отбросили немцев и в тот день, и в восемь последующих. Кавалерия быстро наступала на север, вести разведку помогали велосипедные патрули и аэропланы. Пехоту, следовавшую за конными войсками, поразило отсутствие сопротивления со стороны противника. «Вдохновляющие признаки того, что враг деморализован, виднелись повсюду, – вспоминал генерал Эдмондс. – Вдоль дорог валялись пустые бутылки, и местные жители говорили, что среди немцев много пьяных. В самом деле, британские ездовые, проверяя окрестные стога, обнаружили в окрестных стогах мертвецки пьяных немецких солдат, прятавшихся под слоем сена.

5 сентября, когда началась битва на Марне, журнал London Opinion опубликовал графический портрет лорда Китченера: рукой в перчатке военный министр указывал на зрителя, а подпись гласила:

ТВОЕЙ СТРАНЕ НУЖЕН
ТЫ

Плакат, нарисованный Альфредом Литом, был подготовлен во время отступления из Монса. Позднее его напечатали десятитысячным тиражом, по настоянию Китченера срочно добавив: «Боже, храни короля». Питер Симкинс, историк вербовочной кампании, символом который стал этот плакат, позже писал: «Нельзя отрицать, что этот плакат – возможно, самый узнаваемый в истории, но, как бы грубо это ни прозвучало, его повсеместное распространение во всех возможных формах не остановило падение числа добровольцев».

Хотя воззвание Китченера впервые появилось в то время, когда Британия была потрясена отступлением и тяжелыми потерями, публика следила за успехами британских войск во Франции с быстро возродившейся уверенностью, гордостью и ощущением морального превосходства. Этими чувствами проникнуто стихотворение, которое 5 сентября написал весьма уважаемый романист и поэт Томас Гарди:

Мы верим душой и сердцем,
Что праведных ждет победа.
Пусть хвастаются бахвалы,
Прах поедая земной,

А мы на полях сражений
Душой не скорбим и верим,
Что правых победа ждет.

Среди войск, вступивших в бой с немцами 5 сентября, было 5000 марокканцев под командованием 103 французских офицеров. Соседний французский батальон получил приказ атаковать, чтобы ослабить натиск врага на марокканцев, готовых к отступлению. Капитан, который повел батальон в атаку, был убит, как только под непрерывным пулеметным огнем вывел солдат на изрытую снарядами ничейную землю. Занявший его место лейтенант Шарль де ла Корнийер послал их вперед, туда, где они могли залечь в укрытие и отстреливаться. Когда его люди заняли все обнаруженные укрытия, он остался стоять. Отдав приказ «На 450 метров, самостоятельный огонь!», де ла Корнийер упал. Сержант, который пытался ему помочь, погиб на месте. Услышав крики «Лейтенант убит, лейтенант убит!» и заметив признаки паники, лейтенант сумел подняться на колени и прокричал: «Да, лейтенант убит, но вы держитесь!» Солдаты пошли в наступление. Убедившись в этом, де ла Корнийер умер. Его выкрик вскоре стал боевым кличем французских патриотов.

Следующие двенадцать дней марокканцы, на помощь которым спешил лейтенант де ла Корнийер, отражали немецкие атаки бок о бок с французами. Как и другим участникам этой битвы, успех достался им дорогой ценой. На поле боя пали сорок шесть офицеров и более 4000 солдат: потери составили 85 % всех, кто участвовал в сражении. Но исход битвы определили не людские потери, а маневренность войск. 6 сентября адмирал Тирпиц забил тревогу: «Нам не удалось окружить и взять в плен значительные группировки противника, в результате чего французская армия благодаря своей железнодорожной сети постоянно меняет позиции». В тот день генерал Монури, ожидавший немецкого наступления в окрестностях Парижа, двинулся на восток от своих траншейных укреплений, чтобы атаковать немецкий правый фланг на реке Урк. Стремительное передвижение его армии и ярост-

ная атака вынудили немцев оттянуть значительные германские силы от главного сражения на Марне.

Чтобы отразить их контратаку, Монури запросил у Галлиени подкрепление. В Париж из Туниса только что прибыли два пехотных полка зуавов, и Галлиени реквизировал более 2000 парижских такси, чтобы отправить их на поле боя. Как сказал командующий 1-й германской армией генерал фон Клюк, «существовал всего один генерал, который в нарушение всех правил решился вступить в бой так далеко от базы, и, к несчастью для меня, это был Галлиени».

Битва на Марне продолжалась четыре дня. Она ознаменовала провал плана Шлиффена и положила конец надеждам Германии на быструю победу на Западном фронте. В боях участвовало невероятное количество войск: 1 275 000 немцев против 1 000 000 французов и 125 000 британцев. Жестокость боевых действий отражала решимость англо-французских сил повернуть отступление вспять. В бою у фермы Гебарре французам удалось выбрать для пулемета такую позицию, что он с расстояния 450 метров держал под обстрелом всю траншею, вырытую немцами ночью. Несколько попыток немцев сдаться были проигнорированы. Когда французы наконец прекратили огонь, шесть немецких офицеров и 87 солдат сдались в плен. В траншее осталось более 450 убитых и раненых.

7 сентября британцы продолжали наступать и, надеясь на короткую передышку, смотрели на север, «настроенные весело и решительно, – писал штабной офицер сэр Фрэнк Фокс. – Нас вдохновляло то, что и для нас пришло время гнать немцев». Но в наступлении смерть устанавливала свои правила игры. В тот день во время перестрелки погиб второй лейтенант Бойд, всего несколько часов назад прибывший из Великобритании. По словам Фокса, «в этот ранний период войны смерть молодого офицера, едва успевшего осознать заветное желание солдата – в бою защищать свою родину, – стала для его товарищей настоящей трагедией. Со временем эта потеря, как и многие другие, только укрепила их решимость…»

Как в отступлении, так и в наступлении британские потери исчислялись тысячами. На монументе в Ла-Ферте-су-Жуар высечены имена 3888 британских солдат, погибших в Монсе, Ле-Като, на Эне и Марне, чье место захоронения неизвестно. В бою их тела были изувечены до такой степени, что их не удалось опознать. Среди имен на монументе в Ла-Ферте-су-Жуар есть и имя рядового Томаса Хайгейта, однако он не пал в бою, а был казнен по приговору военного трибунала. Его нашли в Турнане, к югу от Марны, в амбаре в поместье барона Эдуарда де Ротшильда. Хайгейт был в гражданской одежде, рядом лежала его униформа. На вопрос лесника, который его обнаружил, он ответил: «Я просто хочу убраться от всего этого подальше и не вижу другого способа». К несчастью для Хайгейта, лесник оказался англичанином и бывшим солдатом.

Рядовой Хайгейт был передан британским военным властям, и трибунал в составе полковника, капитана и лейтенанта судил его за дезертирство. Его приговорили к смерти и расстреляли. В завещании, написанном на последней странице армейской расчетной книжки, он оставлял все, чем владел, своей девушке в Дублине. В опубликованных армейских документах он назван «скончавшимся от ран». В тот день рядовой Хайгейт был не единственным британским солдатом, погибшим не на поле боя. 7 сентября Смит-Дорриен записал в дневнике: «Жаль говорить об этом, но сегодня двоих наших придется расстрелять – одного за дезертирство, другого за грабеж».

Что бы ни заставило Хайгейта дезертировать – невроз военного времени, усталость или страх, это не стало ему оправданием. Впрочем, после любой битвы некоторые солдаты утрачивали способность сражаться дальше. Когда немцы на Марне начали отступать, неко-

торые из них также потеряли волю к борьбе. Один германский офицер докладывал начальству о «панике за линией фронта».

7 сентября кайзер находился в зоне боевых действий, но сопровождавший его полковник во время начавшегося артиллерийского обстрела испугался, что французский кавалерийский патруль прорвет уже ослабевшую оборону и захватит Верховного главнокомандующего в плен. Кайзер покинул район военных действий. В тот же день артиллерия 9-й армии Фоша отбила контратаку, предпринятую прусской гвардией. «Огонь французской артиллерии возымел неожиданный эффект. Атака захлебнулась в самом начале. 7 сентября стало самым неудачным днем с самого начала войны», – пишет официальный немецкий историк. Тогда же генерал Мольтке, потрясенный кровопролитием, свидетелем которого он стал за первый месяц войны, писал жене: «При одной мысли об этом меня переполняет ужас, и то, что я чувствую, помогает мне понять, что я должен сделать в ответ». В Германию было послано и предупреждение более практического свойства. «Сейчас уже очевидно, что Британия перевозит многочисленные войска из Азии», – 7 сентября писал домой адмирал Тирпиц, хотя корабли, которыми он командовал, никак не сумели этому помешать.

Уверенность британцев и французов продолжала крепнуть. 8 сентября штабной офицер сэр Джон Френч писал родным в Лондон: «Похоже, что напор захватчиков уже ослабел, хотя до генерального сражения дело так и не дошло. Ясно, что они растеряли запал и растратили силы, немного не дотянув до финиша». Впрочем, изменчивая военная удача в тот день была на стороне противника: внезапная атака немецкой пехоты без всякой артподготовки застала врасплох три дивизии 9-й армии Фоша и одну дивизию из его резервов. Они отступили назад, оставив далеко позади деревню Фер-Шампенуаз, причем передовой эшелон штаба Фоша вблизи селения Плер оказался почти на линии фронта. Это единственный случай, когда французам пришлось уходить от преследования, удалившись на 10 километров от своих ночных позиций, прежде чем они смогли остановиться и перегруппироваться.

Немцы, даже не подозревая, как далеко отошел противник, заняли французские позиции и окопались, несколько отрядов вышли на опустевшие улицы Фер-Шампенуаз. Ничего не было сделано, чтобы развить утренний успех. Лиддел Гарт в биографии Фоша отмечает: «По сути, «победоносные» германцы, словно мертвецки пьяные, кое-как брели вперед и никак не могли прояснить ситуацию Верховному командованию, если не считать докладов о «сильнейшем изнеможении».

Фош предпринял немедленные действия для ликвидации прорыва, возникшего в результате немецкого контрудара. Предпринятая им контратака вызвала панику среди отступающих немцев. Недавняя их атака была частью плана, призванного облегчить немецкое отступление. Понимавший это Фош ночью 8 сентября отправил Жоффру доклад: «Положение превосходное. Атака против 9-й армии показала, что можно не сомневаться в том, что правый германский фланг отступит». Это уверенное высказывание позднее превратилось в легендарную фразу: «Мой центр сдает, правый фланг отступает, положение превосходное. Я атакую».

В тот же вечер генерал фон Клюк едва не был взят в плен эскадроном французских кавалеристов, которые проникли за линию фронта и, атаковав немецкую воздушную базу к югу от Ла-Ферте-Милон, двинулись к его штаб-квартире. «Все члены штаба схватились за винтовки, карабины и револьверы, – вспоминал он четыре года спустя, – чтобы отразить возможное нападение французской кавалерии, вышли наружу и залегли, образовав длинную линию огня. Сумеречное вечернее небо, покрытое алыми облаками, отбрасывало причудливый отсвет на эту необычную маленькую боевую группировку». Узнав, что французский эскадрон удалось отбросить, фон Клюк ответил: «Эти дерзкие всадники упустили великолепный приз!»

Благодаря ночной атаке 8 сентября 5-я французская армия, которой на протяжении длительного отступления из Бельгии командовал Ланрезак, захватила деревню Марше-ан-Бри. Новый командующий, генерал Франше д'Эспере, намеревался добиться решающего перевеса над фон Бюловом. Чтобы сразиться с д'Эспере, фон Бюлов оставил Монмирай и двинулся на Париж. Новая линия фронта, пролегающая с севера на юг через Марньи и Ле-Ту-Троне, открыла для французов дорогу к Марне. Отрезанный от фон Клюка и 1-й армии, фон Бюлов отдал приказ отступать за Марну.

На фоне трудностей, с которыми столкнулись немцы, яростное стремление Фоша к наступлению, хотя в реальности его возможности нередко были ограничены осторожностью и перегруппировками, уже жило по своей собственной логике. 9 сентября, когда часть войск его вновь отступила под натиском очередной немецкой атаки, он выступил с поистине впечатляющим заявлением. «Я прошу каждого из вас стоять до конца, с упорством, которое, безусловно, присуще нашему народу в моменты страшных испытаний. Смятение в рядах врага – вот залог нашей победы. Если мы, не жалея сил, завершим начатое нами, то несомненно остановим продвижение врага и вышвырнем его вон с нашей земли. Но нельзя забывать, что успех ждет того, кто продержится дольше. На чаше весов – честь и безопасность Франции. Еще одно усилие, и победа останется за нами».

Французское отступление продолжалось всего несколько часов. Один из офицеров сказал Фошу: «Все, независимо от звания, обсуждают только отступление». В этот переломный момент командующий резервной 9-й армией, генерал Эйду, убеждал Фоша, что теперь уже поздно надеяться на организованное отступление. Фош ответил: «Вы говорите, что не можете ни выстоять, ни отступить, значит, нам остается одно – атаковать». Атаку назначили на ближайшие два с половиной часа «при любых обстоятельствах», но измученные французские войска избежали этого испытания. Четырьмя часами раньше германское наступление было прекращено по приказу генерала фон Бюлова об отступлении: четыре британские дивизии уже продвигались через разрыв, образовавшийся между его армией и армией фон Клюка.

Немецкое отступление ознаменовалось проявлениями жестокости и насилия по отношению к мирным жителям. 9 сентября, покидая деревню Варед на северном берегу Марны, немцы взяли в заложники двадцать стариков вместо двадцати раненых, оставленных в городской ратуше. Трое сбежали, семерых убили на марше. 77-летний Журден и 78-летний Мильярде от усталости потеряли сознание, и их пристрелили. Когда 67-летний Мениль упал, ему проломили череп прикладом винтовки. Во время освобождения Сомпюи в дом 70-летнего Жакмена, оказавшегося пленником и регулярно подвергавшегося побоям немецкого офицера, попал артиллерийский снаряд. Офицер погиб, но Жакмен в результате жестокого обращения скончался через два дня после освобождения городка. Эти случайные жертвы жестокости в ходе войны со временем превратились в миллионы погибших. Во время освобождения того же Сомпюи к югу от Марны одиночный немецкий снаряд убил командиров двух французских бригад, генерала Барбада и полковника Амона.

9 сентября отступавшие немцы пересекли Марну, а 13-го Эну: таким образом, с начала битвы все немецкие войска отошли назад на 96 километров. Больше они не подходили так близко к французской столице до самого лета 1940 г., когда жажда реванша и воздушные налеты добились успеха там, где расчет и стратегия потерпели поражение. И тогда совсем другое правительство, которое сбежало в Бордо, запросило перемирия. Но в 1914 г. такого быть не могло. В тот момент, когда французское правительство собиралось вернуться в столицу, немецкой армии, рассчитывавшей обойти противника с фланга, самой зашли во фланг. Французские и британские силы рвались на север, к побережью Ла-Манша, чтобы предотвратить немецкий прорыв на запад и не позволить врагу отрезать британцев от путей подвоза через Ла-Манш.

Операция «Бег к морю» стала второй фазой войны на Западе. Сэр Джон Френч предупреждал Лондон, что не следует недооценивать военную мощь Германии. «В любом случае нельзя забывать о том, что это прекрасно подготовленные солдаты под командованием лучших офицеров, – писал он Китченеру 7 сентября, во время немецкого отступления. – Все их передвижения отличаются слаженностью, целесообразностью и взаимной поддержкой, а для того, чтобы преодолеть усталость, которую они сейчас испытывают, им необходима железная дисциплина».

В свою очередь, немцы готовы были признать силу своих противников, которых еще недавно так презирали. «Из кустов вдоль реки, – писал во время отступления немецкий офицер, – появилась вторая стрелковая цепь, растянувшись с интервалами не меньше десяти шагов. Наша артиллерия бабахнула и задела, как и следовало ожидать, не более одного человека. Между тем вторая линия держала строй, наступая все ближе. Через двести метров вышла третья цепь, потом четвертая. Наша артиллерия палила как безумная, и все мимо. Пошла пятая, затем шестая волна, держа правильную дистанцию и четкие интервалы между стрелками. Это было великолепно, все мы невольно пришли в восхищение. Забавные фигурки в хаки уже заполнили равнину и подбирались все ближе».

«Уже пять дней мы преследуем противника, который раньше преследовал нас, – 10 сентября писал другу сэр Джон Френч, – и для немцев наступил настоящий ад. Каждый день мы берем в плен несколько сот человек, отрезаем массу транспорта и захватываем десять-двенадцать орудий, а земля усеяна мертвыми и ранеными немцами. Примерно то же было и вчера, и позавчера. Но все это пустяки по сравнению с их потерями после гораздо более серьезных столкновений с 5-й и 6-й французскими армиями. Они в самом деле спасаются бегством, а мы их догоняем».

Чуть позже во время немецкого отступления Фош, войдя в Фер-Шампенуаз, обнаружил, что застиг противника врасплох после ночи беспробудного пьянства. «Там была такая попойка, что сотни немцев вповалку отсыпались прямо в винных погребах. Несколько человек, как кошки, убегали по крышам, пока их не снимали пули». Добираясь до линии фронта на лошади, брошенной немцами при отступлении, Поль Маз заметил двух всадников, которые неожиданно свернули в его сторону. «Я разглядел немецких солдат на черных конях. В оцепенении я ждал, взведя карабин, но при виде меня они подняли руки. Они заблудились и искали, кому бы сдаться».

Вскоре после этой встречи Поль Маз приехал в замок, над которым развевался флаг Красного Креста. «Французские военные врачи в залитых кровью фартуках курили, с видимым удовлетворением глядя на пленных. Сотрудники германского Красного Креста переносили на телеги раненых, лежавших на носилках на каждой ступени широкой мраморной лестницы. Перевязочного пункта здесь не было – любая медицинская помощь оказывалась на скорую руку. Конвой из частных автомобилей с английскими ранеными проследовал по дороге в замок Ротшильда в Шантийи, превращенный в госпиталь».

8 сентября на мёзском участке фронта началась осада форта Труайон в 16 километрах на юг от Вердена. Пять дней подряд немцы подвергали его интенсивному артиллерийскому обстрелу. Дважды они «именем кайзера» призывали форт сдаться. Когда защитники ответили «ни за что», немцы за полчаса выпустили по ним 236 артиллерийских снарядов: в общей сложности они израсходовали 10 000 снарядов. Двадцать два человека были засыпаны обломками и погибли, когда снаряд попал в перекрытие узкого подземного хода, по которому они пытались достичь основных сил защитников. Единственный отряд пехоты численностью 472 человека под командованием капитана Туссена с дюжиной артиллерийских орудий и двумя пулеметами пять дней удерживал форт, но в конце концов потерпел поражение. Французское Верховное командование приняло решение организованно выве-

сти войска из Вердена, но командующий местной армией генерал Саррайль проигнорировал приказ и продолжал защищать город и его укрепления.

Триумфальный захват Парижа, на который рассчитывала Германия, так и не состоялся, и в последующие четыре года немцы сражались на Западном фронте, в августе 1918 г. так же надеясь на победу, как и в августе 1914 г. Но надежды, которые они лелеяли в прошедший месяц – одним мощным ударом разгромить Францию, чтобы затем развернуть всю свою военную мощь против России, рухнули раз и навсегда. Война быстрых побед обратилась стратегией прошлого и мечтой о будущем. Германия осознала, что ей придется сражаться на два фронта, на Западе и на Востоке, в постоянной опасности. Франции предстояло сражаться на своей земле, России – отвоевывать свои территории на западе, а Австрии – на востоке. До Рождества оставалось еще три с половиной месяца, но каждое государство, принимавшее участие в войне, должно было искать новые стратегии и даже новых союзников.

Глава 5
Зарываясь в землю: начало траншейной войны

Сентябрь – октябрь 1914 г.

Пока немцы отступали от Марны, распростившись с надеждами на быструю победу на Западе, австрийцы пытались устоять под натиском русских, стремившихся отбросить их за границы Галиции. 10 сентября 1914 г., когда Жоффр со словами «Пехота несет победу на своих ногах» отдал приказ о преследовании немцев на север от Марны, под Красником, у самой границы русской Польши, русские одержали победу над значительными австрийскими силами, вторгшимися на их территорию. На юге, в австрийской Галиции, победа русских вынудила Конрада отдать приказ об отступлении. «Сегодня рано утром мы оставили корабль со всем, что на нем было, – писал 13 сентября Людвиг Витгенштейн в своем дневнике. – Русские наступают нам на пятки. Пережил ужасные события. Не спал уже тридцать часов, очень ослабел и не вижу никакой надежды на помощь извне».

Пора быстрых побед миновала, и каждая воюющая сторона стремилась разжечь недовольство на территории противника. Надеясь нанести вред Великобритании, немецкий военный атташе в Вашингтоне, Франц фон Папен (в 1932 г. он стал канцлером Германии, а в 1933 г. – первым вице-канцлером Гитлера), 13 сентября переговорил с бывшим британским дипломатом, сэром Роджером Кейсментом, рассчитывавшим на помощь Германии в борьбе за независимость Ирландии. Кейсмент предложил немцам создать Ирландскую бригаду, которая сражалась бы на стороне Германии. «Они хотят этого сильнее, чем когда-либо, – на следующий день писал он другу, – потому что понимают, какое моральное значение это может для них иметь». Германия сражалась бы за ирландский народ, как Британия сражалась за Бельгию.

Чтобы приблизиться к осуществлению этой цели и заручиться немецкой поддержкой национального восстания в самой Ирландии, Кейсмент под чужим именем отправился из Нью-Йорка в Германию. Через три недели после прибытия он убедил правительство Германии сделать официальное заявление, что, «если в ходе этой великой войны, к которой Германия не стремилась, судьба однажды приведет немецкие войска к берегам Ирландии, они высадятся там не как армия захватчиков, чтобы грабить и разрушать, но как силы государства, руководствующегося доброй волей по отношению к стране и народу, которому желают исключительно национального процветания и свободы».

Если ирландские солдаты никогда не собирались воевать на стороне немцев как своих защитников или освободителей, то поляки с самого начала войны сражались бок о бок с австрийцами в надежде, что победа над Россией приведет к восстановлению польской нации. Австрийцы убеждали бойцов Польского легиона под командованием Пилсудского, что они могут стать предшественниками польской национальной армии. В свою очередь, русские, чтобы помешать Австрии привлечь поляков на свою сторону, внушали тем из них, кто являлся российским подданным, что польские национальные устремления останутся в выигрыше от победы России. Из поляков, сражавшихся в составе польских частей русской армии, был создан добровольческий Пулавский легион. За этим последовало создание Польской пехотной бригады. Еврей сражался с евреем (как в случае Витгенштейна в составе австрийской армии и еврейских солдат в российских войсках, теснивших его к западу), а поляк с поляком.

Позднее немцы создали польское подразделение для защиты польской территории, отвоеванной у России. С другой стороны, польские солдаты, воевавшие в рядах немецкой армии и взятые в плен на Западном фронте, составили костяк польской армии, сражавшейся бок о бок с союзниками. Канада также способствовала вступлению поляков в специально созданные польские подразделения своей армии, позднее то же самое делали американцы. Около двух миллионов поляков сражались в этой войне, 450 000 погибло. Трагедию польского народа воспел в сентябре 1914 г. поэт Эдуард Слонский:

Мой брат, судьба лихая
нас разделяет вновь —
смерть косит, вылетая
из двух враждебных рвов.

Под стон, под гром орудий,
в неистовстве атак,
в окопах гибнут люди —
я враг твой, ты – мой враг! [32]

Слонский был, однако, уверен, что, несмотря на трагедию братоубийства, в будущем для Польши не все потеряно.

Я будущее провижу:
Пусть каждый из нас падет,
Но та, что не погибла,
На нашей крови взойдет.

Надежду в сердца представителей национальных меньшинств можно было вселить самыми необычными способами. На Восточном фронте первым Георгиевским крестом – эквивалентом Креста Виктории в Великобритании, вручавшимся царем за исключительную храбрость на поле боя, – был награжден еврей Лев Оснас.

Как писала британская Yorkshire Herald, своей храбростью в бою Оснас «заслужил свободу для российских евреев. Он обеспечил своим соплеменникам право становиться офицерами русской армии и флота, что доселе было немыслимо, и вызвал восхищение российского правительства, провозгласившего, что отныне евреи в Российской империи будут пользоваться всеми гражданскими правами». Газета комментировала: «Разумеется, ни один из награжденных Крестом Виктории не добивался таких невероятных результатов!» На самом деле российские евреи во время войны не получили гражданских прав, не избежали они и частых погромов, которые учиняли русские крестьяне и горожане, видевшие в них козлов отпущения, ответственных за военные неудачи России [33].

Согласно сообщениям, достигавшим Великобритании, Оснас был добровольцем. После призыва Китченера добровольцами пожелали стать очень многие британцы. 12 сентября было объявлено, что за шесть недель, прошедших с начала войны, добровольцами записалось невероятное количество – в общей сложности 478 893 человека. Даже не сле-

[32] Перевод Андрея Базилевского.

[33] Оснас получил награду 5 сентября 1914 г. Репортаж появился в Yorkshire Herald от 18 октября 1914 г. и был перепечатан в № 18 йоркского журнала Gun Fire, A Journal of First 1918 War History под редакцией Э. Дж. Пикока, автора York in the Great War 1914–1918. *Авт.*

дуя принятой в континентальной Европе системе обязательной военной службы, Британия создала немалую армию[34].

Многие добровольцы вступали в особые «земляческие батальоны», состоявшие целиком из жителей одного города или из представителей того или иного профессионального круга. Первым стал лондонский «батальон биржевиков», в который за неделю записалось 1600 человек. Многие города вскоре последовали за Лондоном; одними из первых были батальоны бристольцев и ливерпульцев. В Глазго решено было сформировать два батальона, и очень скоро в них записалось столько человек, что хватило бы и на три батальона. Один из них полностью состоял из водителей, кондукторов, механиков и рабочих городского трамвайного депо. Этот батальон, известный как Трамвайный, стал 15-м батальоном Легкого пехотного полка горцев. 16-й практически полностью состоял из действующих и бывших членов городской Бригады мальчиков.

То же самое происходило по всей Британии. Даже лейбористы, выступавшие против войны, поддержали этот подъем добровольческого движения: Рамсей Макдональд, подвергавшийся критике за свои антивоенные высказывания, поддержал призыв к новобранцам в Лестере, своем избирательном округе. В течение месяца было создано пятьдесят «земляческих батальонов». «Армия Китченера» обрела очертания и понемногу готовилась к войне, хотя о ее качестве оставалось только гадать. У профессионального военного, генерала Генри Уилсона, сомнений на этот счет не было: в своем дневнике он назвал добровольцев «смехотворной и нелепой армией». Они станут «посмешищем для каждого солдата в Европе». Немцам для создания армии на основе воинской повинности понадобилось сорок лет «непрерывного труда». «Нам потребуется вечность, чтобы добиться того же усилиями добровольцев».

12 сентября во Франции, после того как двое немецких кавалеристов были убиты французскими солдатами к юго-западу от Реймса, рядом с деревней Буйи, была проведена очередная карательная операция. Возложив вину за смерть кавалеристов на местных жителей, немцы уничтожили деревню. По мере того как немецкое отступление от Марны набирало обороты, бельгийская армия предприняла мощную контратаку в надежде вынудить немцев оттянуть войска от противостояния с британцами и французами в южной зоне конфликта, имевшей решающее значение. К 13 сентября четыре бельгийские дивизии достигли окраин деревни Верде в 30 километрах к югу от Антверпена и примерно в 20 километрах к северу от оккупированного немцами Брюсселя.

Американский журналист Э. А. Пауэлл, наблюдавший за продвижением бельгийских войск к Верде, рассказывал: «Назад, через изгороди, через канавы, по дороге шли бельгийские пехотинцы, припадая к земле, наклоняясь, переходя на бег, пытаясь выжить. То и дело кто-то из солдат спотыкался, словно ушиб палец на ноге, выбрасывал вперед руки и падал головой вперед. Его сразила пуля. Дорога была усеяна синими и зелеными безмолвными фигурами, ими были усеяны и поля. Один человек был ранен, когда пытался пробраться через живую изгородь, и умер стоя, удерживаемый колючими ветвями». Молодой бельгийский офицер, который «безрассудно подставлял себя под пули, пытаясь сдержать отступление своих людей, вдруг развернулся на каблуках, как одна из тех деревянных игрушек, что продают уличные торговцы, а затем рухнул, словно все кости и мышцы разом исчезли из его тела». Неподалеку еще один солдат «лежал с головой в канаве, наполовину заполненной водой. Я видел, как вода постепенно окрашивается красным».

Верде осталась в руках немцев. Вскоре был занят Мехельн в трех километрах к северу, а Лёвен отбит врагом. Немцы со своими австрийскими осадными орудиями теперь могли обратиться к последнему важному бельгийскому городу, все еще остававшемуся под кон-

[34] Всего на 16 000 меньше общего количества мобилизованных в Великобритании в 1918 г. *Авт.*

тролем бельгийцев, – портовому Антверпену, где бельгийские войска, еще совсем недавно прошедшие более половины пути к Брюсселю, присоединились к защитникам фортов по всему периметру города.

Несмотря на жестокие неожиданности, поджидавшие командующих силами союзников, они сохраняли оптимизм. 13 сентября, в день поражения Бельгии при Верде, в штабе Жоффра состоялась встреча французских и британских генералов. Ключевым моментом конфликта было продолжающееся отступление немцев от Марны. Шли споры о том, сколько дней потребуется, чтобы оттеснить немецкие армии за германскую границу. Британский генерал, Генри Уилсон, говорил о четырех неделях. Некоторые из французских генералов полагали, что хватило бы и трех. Победа еще могла быть одержана к Рождеству.

Все чаще можно было слышать слова «поражение» и «победа». Популярным стало и слово «потери»: вместе с сопутствующей статистикой оно включало в себя понятия «убитые», «пропавшие без вести» и «раненые». Выражение «тяжелые потери», которая употреблялось в связи практически с каждой победой или отступлением, могло означать сотни, даже тысячи смертей. Газеты всех воюющих государств еженедельно публиковали некрологи офицеров, а также списки убитых, раненых и пропавших без вести. Лишь у немногих читателей не было на фронте знакомых или близких. 13 сентября генерал Фош узнал о смерти и зятя, и своего единственного сына. Они погибли в бою на бельгийской границе тремя неделями ранее. Получив это известие, Фош попросил своих подчиненных на время оставить его одного. Полчаса спустя он позвал их обратно со словами: «Теперь давайте перейдем к делу». Позднее он написал своему ближайшему другу генералу Милле: «Я осторожно сообщил новости жене, она все еще в Плужане. Нужно оставаться безразличным ко всему, но я все равно содрогаюсь при мысли о том, какой трагедией это станет для них, о горе, причиненном моим бедным женщинам. Что до меня, то я пытаюсь ожесточиться, чтобы с честью выполнить свой долг». В том же письме Фош выразил соболезнование самому Милле, чей зять тоже погиб, а дочь умерла от горя, услышав эту новость. Милле после двух этих трагедий не прожил и месяца.

14 сентября генерал Мольтке был отстранен от должности начальника немецкого Генерального штаба. Битва на Марне стала его проклятием всего через шесть недель после начала войны. Один историк описал его как «культурного, чувствительного солдата, который в свободное время любил играть на виолончели, читал Гёте и Метерлинка и интересовался учением Церкви Христа о лечении»[35]. Неудача требовала найти среди высших чинов первого козла отпущения. Мольтке, ознакомившись со списком потерь, счел его недопустимым.

14 сентября был убит лейтенант Сифорт-Хайлендского полка Александер Уильямсон, первый учитель британской частной школы[36], павший на этой войне. В тот же день погиб и Перси Уиндем, внук одного из богатейших людей Великобритании, 1-го герцога Вестминстерского. Тремя днями ранее Уиндем написал матери: «Пришли мне носки и шоколад – это два предмета самой первой жизненной необходимости». Он был убит выстрелом в голову с близкого расстояния, когда вел солдат через деревню Супир.

Лишь немногие солдаты не вынесли напряженных боев. 16 сентября, всего на третий день своей боевой службы, 20-летний британский рядовой Джордж Уорд покинул поле битвы после того, как двое его товарищей были ранены, сказав старшине, что его тоже задело. Шесть дней спустя Уорд вернулся в свой батальон, где было установлено, что он

---

[35] *Alan Palmer*. Who's Who in Modern History. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1980. P. 234. *Авт.*

[36] Уильямсон преподавал в Хайгетской школе в Северном Лондоне, где ранее учился сам. Его имя было среди других 113 имен на школьной памятной доске, увидев которую я впервые осознал масштаб человеческих потерь Первой мировой войны. *Авт.*

не был ранен. Уорд предстал перед военно-полевым судом. Командир его корпуса, генерал сэр Дуглас Хейг, написал в судебном деле: «Полагаю, что необходимо подать пример, дабы в дальнейшем предотвратить проявления трусости перед лицом врага». Уорд был расстрелян и похоронен на берегу Эны. Как и имя рядового Хайгейта, казненного тремя неделями ранее, его имя высечено в Ла-Ферте-су-Жуар на памятнике солдатам, чье место захоронения неизвестно[37].

Наказанием за дезертирство не всегда была казнь. В тот день, когда Уорда приговорили к смерти, там же и за то же преступление капрал Н. Прайор был разжалован в рядовые и получил два года каторжных работ.

Суровой морали, рожденной на фронте, в тылу сопутствовали растущие жертвенность и аскетизм, о которых британский министр финансов, Дэвид Ллойд Джордж, говорил 19 сентября, выступая перед широкой аудиторией в лондонском Куинс-холле: «Роскошь и праздность, подобно потопу наводнившие нашу землю, наконец отступают, и нам является новая Британия. Наконец мы различаем главное, единственное, что действительно имеет значение, но прежде было скрыто от нас бурным ростом благоденствия». В России то же ощущение уже было выражено в самом начале войны, пусть и в более прозаической форме, в заявлении Социал-демократической партии в Думе. Оно гласило, что «страдания на полях сражений укрепят братство русского народа и приведут к общей цели – освобождению страны от чудовищных оков».

Это морализаторство, будь то «единственное, что действительно имеет значение» или «братство русского народа», следовало подкрепить успехами на поле боя. Между тем уже через семь недель после начала войны прозвучал первый тревожный сигнал: французская армия не могла развить успех из-за нехватки артиллерийских снарядов. 19 сентября Жоффр отправил военному министру Александру Мильерану письмо с просьбой присылать не меньше 50 000 снарядов в день, если он рассчитывает продолжить наступление. Через два дня Мильеран ответил, что обеспечить такой объем поставок он не в состоянии, но надеется, что через три недели сможет присылать по 30 000 снарядов в день. Кроме того, он советовал Жоффру делать «со своей стороны» все возможное для экономии боеприпасов. «Пожалуйста, проследите, чтобы рабочие команды собирали патроны на поле боя, или платите местным жителям за все, что им удастся найти».

В поисках снарядов Жоффр реквизировал орудийные батареи в тыловых городах, включая Париж и Дюнкерк. Эти отчаянные меры были весьма далеки от победного клича «À Berlin!»[38], звучавшего семью неделями ранее. Но военные трудности не обязательно порождают сомнения в исходе войны. «Здесь все охвачены единым порывом. Все готовы к долгой и беспощадной борьбе. Думаю, весной 1915 г. мы без труда отправим на фронт миллион человек, – 20 сентября писал Черчилль из Лондона другу, живущему в деревне. – Судьба покарала прусское военное высокомерие. Нам нужно лишь время и решимость». На следующий день скорбь, которую испытывали уже тысячи британцев, нашла свое выражение в стихотворении «Павшим» 45-летнего искусствоведа Лоуренса Биньона, опубликованном в Times. Биньон, который, как говорили, написал эти строки на утесе в Ползете, в Корнуолле, добровольно работал братом милосердия Красного Креста во Франции. До сих пор во время церемоний в память о погибших на войне чаще всего декламируют эти четыре строки из его стихотворения:

---

[37] Рядовые Хайгейт и Уорд стали первыми из более чем трехсот британских солдат, расстрелянных во время Первой мировой войны за трусость или дезертирство. В 1988 г., после обнародования архивов военно-полевых судов, началась кампания с требованием посмертной реабилитации на том основании, что казненные страдали от контузий и других боевых травм. В 1993 г. британское правительство отклонило прошение о реабилитации. *Авт.*

[38] На Берлин! (*фр.*)

Не властно над ними всесильное время,
И их не состарят ни скорбь, ни года.
На утренней и на вечерней заре мы
О них вспоминаем всегда.

22 сентября британцы совершили свой первый воздушный налет на Германию, атаковав ангары дирижаблей в Кельне и Дюссельдорфе. «Мы застали немцев врасплох, – сообщал старший британский пилот, – и все они бросились врассыпную». Но в тот же день немецкая подводная лодка U-9 с интервалом всего в час торпедировала три британских крейсера: «Абукир», «Кресси» и «Хог». 837 человек спаслись, 1459 утонули. Это стало для Британии самой ужасной военной катастрофой на море за все время войны. Через неделю Асквит поручил Адмиралтейству заминировать Северное море, «не жалея ресурсов, а если понадобится, то и в наполеоновских масштабах».

В Индийском океане 22 сентября немецкий крейсер «Эмден», уже затопивший или захвативший в плен дюжину британских торговых судов, разбомбил нефтебазу Бирманской нефтяной компании в Мадрасе. В результате сгорело 50 000 тонн корабельного топлива. Родственник кайзера, принц Йозеф Гогенцоллерн, бывший на борту, заметил: «Мадрасу еще очень повезло, что дул западный ветер и пламя от нефтяных цистерн не перекинулось на город, иначе часть города вполне могла сгореть».

Военные столкновения множились по всему миру. Во всех странах люди, читая газеты, узнавали о последних событиях, важных для тех или других регионов. Ни дня не проходило без очередного подтверждения размаха войны. 23 сентября сербские войска пытались взять Сараево, но были оттеснены австрийскими войсками. И в тот же день на Дальнем Востоке британские, австралийские и японские войска выступали против портов и островов, приобретенных Германией в течение предыдущих трех десятилетий. Та же судьба постигла и немецкие порты в Африке.

На случай вступления в войну Турции Великобритания попыталась заручиться поддержкой Абдуллы, сына великого шерифа Мекки, в обмен предложив арабам контроль над обширными турецкими территориями. В нейтральном Вашингтоне президент Вильсон выразил британскому правительству протест против морской блокады Германии, способной «пагубно повлиять» на американское общественное мнение. Кроме того, в Северной Америке канадские войска готовились пересечь Атлантический океан, чтобы принять участие в войне, прежде чем она закончится.

Впрочем, уже возникли сомнения в том, что война, как полагали ранее, действительно закончится к Рождеству. Немецкий солдат, принимавший участие в операции «Бег к морю», писал домой: «Мне кажется, война будет долгой. Хотя я продержусь, даже если она продлится еще год». Вскоре после этого его убили.

26 сентября в Сен-Миеле, между Верденом и Тулем, немцы осадили форт Камп-де-Ромен. Гарнизон был отрезан от города, его обстреливали тяжелой артиллерией и гранатами, тем не менее на неоднократные требования сдаться он отвечал отказом. В конце концов дымовая атака вынудила защитников покинуть форт. Согласно репортажу, опубликованному месяцем позже в New York Times, «когда выжившие защитники вышли из форта, они увидели, что недавние противники протягивают им руки в знак признания их доблести. Им предоставили самые почетные условия капитуляции, офицерам оставили их сабли, и на марше к почетному плену их повсюду встречали с уважением и восхищением». В плен попали пять офицеров и триста солдат.

Немцы прорывались к бельгийской и французской береговым линиям. В день сдачи Камп-де-Ромена германская артиллерия начала обстрел фортов вокруг Антверпена. После падения Льежа и Намюра Антверпен оставался единственным бельгийским городом, защищенным мощными фортами. Китченер и Грей в Лондоне отдавали себе отчет, насколько важно, чтобы Антверпен продержался как можно дольше. Опасность заключалась в том, что немецкие войска, захватив город, могли быстро достичь портов Ла-Манша и вынудить британцев отступить на запад Франции, а возможно, даже угрожать самой Британии. Хотя бы одна неделя сопротивления позволила бы британской армии создать оборонительные рубежи во Фландрии, чтобы оттуда начать наступление с целью освободить Бельгию, а затем и оттеснить немцев назад в Германию.

Полный решимости дать Антверпену возможность продержаться еще несколько дней, Китченер послал в город тяжелую артиллерию с обслугой и просил французов сделать то же самое. 30 сентября Асквит писал своей приятельнице, Венеции Стенли: «Моральный дух» бельгийцев сломлен, они напуганы едва начавшимся обстрелом Антверпена, отправляют к нам свои архивы и ценности и говорят о переезде правительства в Остенде. Китченер дал им хороший совет: не думать об обстреле фортов, а укрепить все бреши колючей проволокой и тому подобным и бросить немцам вызов, чтобы они шли на штурм».

1 октября британский кабинет министров принял решение направить в Антверпен целую дивизию, следовавшую на север Франции к сэру Джону Френчу. На следующее утро немцы ворвались в два городских форта. Вызвав в тот вечер Черчилля, Китченер и Грей подчеркнули важность продолжительной защиты Антверпена для военных действий во Франции. Черчилль вызвался лично поехать в Антверпен и доложить об обстановке в городе. В ту же ночь он покинул Лондон и следующие три дня провел в траншеях и укреплениях города, одновременно ведя переговоры с бельгийским правительством, переехавшим в Антверпен после падения Брюсселя, в надежде укрепить его решимость. Но, как он телеграфировал Китченеру 4 октября, бельгийцы были «изнурены и сломлены», особенно на линиях обороны между фортами, а город, отчасти в результате преднамеренного затопления, так заболочен, что они не могли копать траншеи.

Чтобы продлить оборону города и позволить британским экспедиционным силам достичь прибрежных районов раньше немцев, бельгийское правительство обратилось за помощью к Великобритании. Были отправлены все доступные войска: 4 октября – 2000 человек из Королевской военно-морской дивизии, на следующий день – еще 6000. В этих войсках служил поэт Руперт Брук, вместе с сотнями других добровольцев лишь недавно вступивший в созданную Черчиллем в начале войны дивизию. Они прибыли прямо из британских казарм, где две трети из них едва приступили к военной подготовке: некоторые никогда не держали в руках винтовку и саперную лопатку. Из Остенде их привезли на лондонских автобусах, на которых еще значились маршруты и пункты назначения мирного времени: «Банк», «Холборн», «Пикадилли», «Шепердс-Буш», «Стрэнд».

Солдаты Королевской военно-морской дивизии, включавшей бригаду прекрасно обученных морских пехотинцев, не должны были надолго остаться без поддержки. 22 000 профессиональных военнослужащих, то есть полная дивизия, в этот момент плыли из Великобритании в Остенде. «Самое главное, – телеграфировал Китченер Черчиллю 5 октября, – чтобы бельгийцы не сдались, прежде чем войска, которые сейчас переправляются морем, придут им на помощь». Жителям Антверпена, куда уже прибыли 8000 британских солдат, казалось, что освобождение близко. На улицах раздавались крики «Vive les Anglais!» и «Vive Tommy Atkins!»[39].

[39] «Да здравствуют англичане!» и «Да здравствует Томми Аткинс!» (фр.) Настоящий Томми Аткинс, который дал прозвище «томми» всем британским солдатам, был рядовым Королевских уэльских фузилеров, участвовавших в американской

Луиза Мак, австралийка, 5 октября находившаяся в Антверпене, в тот день записала в своем дневнике: «Измученные, с запавшими глазами, жаждущие отдыха, которого они не могли себе позволить, эти славные герои ожили как по волшебству, узнав, что в жестокой борьбе за Антверпен им скоро придут на помощь другие войска. Желтоватый цвет хаки, словно солнце, осветил синюю форму». В присутствии британских войск даже отдаленный гром канонады казался тише. «Грохот пушек все слабее, – пишет Луиза Мак 5 октября, – похоже, немцев оттесняют все дальше». Но это была лишь иллюзия. Хотя на следующий день в Остенде прибыли 22 000 британцев, решение французского правительства нарушить свое обещание и не посылать войска вызвало колебания британского командования и привело к промедлению.

Поздно вечером 7 октября немцы, прежде целившиеся по фортам, начали обстреливать из 420-миллиметровых (17-дюймовых) австрийских гаубиц сам город. Первый снаряд упал рядом с собором. «Когда он взорвался, – писала Луиза Мак, – я закрыла глаза, стиснула руки и вжалась в пол возле кровати, говоря себе: «Боже, я мертва!» И я думала, что действительно умерла. Оглушительный грохот, казалось, принадлежал переходу в иной мир. Не верилось, что возможно вынести этот звук и остаться в живых». Первым человеком, убитым в городе, оказался 14-летний мальчик. Следующим был дворник, которому оторвало голову, когда он бежал в укрытие.

Обстрел был таким яростным, что защитники Антверпена не имели возможности нанести ответный удар. Австрийские 300-миллиметровые гаубицы огневой силой превосходили британские 150-миллиметровые морские орудия и 120-миллиметровые гаубицы. Британская дивизия оставалась в Остенде, не решаясь двигаться дальше без французов, которые, остановившись в Генте, отказались от наступления. «Французы подвели нас, – написал Асквит Венеции 8 октября, – а бельгийская армия ненадежна, так что, увы, ничего не остается, как только приказать нашим морским пехотинцам покинуть траншеи сегодня вечером». Асквит, один из сыновей которого присутствовал при осаде, позднее уточнил свое замечание в адрес бельгийцев в другом письме Венеции Стенли: «Бельгийцы бежали, и их пришлось штыками загонять в форты, а немцы с безопасного расстояния в восемь или девять километров палили из своих огромных гаубиц». 9 октября осадные орудия продолжали обстреливать город в течение всего дня. На следующее утро, после двух дней и ночей обстрела, Антверпен был сдан. Говорили, что король Бельгии (женатый на дочери герцога Баварского) сделал последний выстрел перед капитуляцией [40].

Длительное сопротивление Антверпена позволило Британскому экспедиционному корпусу завершить переход со своих позиций к северо-востоку от Парижа, где он находился после битвы на Марне, во Фландрию и к портам Ла-Манша. В Антверпене Э. А. Пауэлл стал свидетелем пятичасового парада победителей, в котором приняли участие 60 000 немецких солдат, в торжественном марше проходивших перед военным комендантом, адмиралом фон Шредером, и своим командующим, генералом фон Беселером. За шеренгами кавалеристов, ехавших с высоко поднятыми штыками, следовала морская пехота, «а затем баварцы в темно-синем, саксонцы в голубом и австрийцы, так эффективно стрелявшие из огромных гаубиц, в красивых серебристо-серых мундирах».

Во время осады Антверпена погибло 57 британских солдат, 936 взято в плен и отправлено в лагеря в глубь Германии, а 1600 отступили в нейтральную Голландию, где их интерни-

---

Войне за независимость. В 1819 г. герцог Веллингтон выбрал это имя в качестве примера для «Солдатской бухгалтерской книги». *Авт.*

[40] Другая довоенная династическая связь, идущая через линии огня: бельгийская королева Елизавета была названа в честь любимой сестры ее отца, австрийской императрицы Елизаветы, убитой анархистом в конце XIX в. *Авт.*

ровали до конца войны. Среди тех, кому удалось вернуться в Великобританию, был Руперт Брук, который отметил свое возвращение словами:

Хвала Тебе, Господь, что нас призвал сейчас,
Застигнул наш расцвет и пробудил от сна… [41]

«Эта война – действительно величайшее безумие, которое когда-либо охватывало белые народы, – писал адмирал Тирпиц своей жене 4 октября. – Мы уничтожаем друг друга на континенте ради выгоды Англии. Более того, коварный Альбион успешно выставляет нас виновниками перед всем миром». В ту осень немецкая оккупация легла на бельгийцев тяжким бременем. 5 октября военный губернатор, фельдмаршал барон фон дер Гольц, издал прокламацию, в которой объявлял: «Впредь жители деревень, вблизи которых будут разрушены железнодорожные и телеграфные линии, вне зависимости от того, виновны они или нет, будут безжалостно наказаны. В связи с этим во всех населенных пунктах вблизи железных дорог, находящихся под угрозой, взяты заложники. При первой же попытке уничтожить линии железнодорожные, телеграфные или телефонные линии они будут немедленно расстреляны».

Этой безжалостности немцев противостояло написанное пятью днями позже частное письмо Вальтера Ратенау в рейхсканцелярию, где среди всего безумия, порожденного двумя месяцами войны, человек, которого винили в поисках сырья, необходимого для ее развязывания, предлагал «настоящий мир». Он должен основываться, как полагал Ратенау, на выводе немецких войск из Бельгии, примирении с Францией и создании Европейской экономической системы, которая позволит объединить Германию, Австрию, Францию и Бельгию. Такая система означала бы «внутреннюю победу, далеко превосходящую все внешние достижения». Далее Ратенау указывал на то, что «экономический союз с соседней страной включал бы и будущий политический альянс». Восемь лет спустя Ратенау собирался положить эти идеи в основу своей политики на посту министра иностранных дел, и они же впоследствии привели к его гибели от рук ультранационалистов-антисемитов.

В Галиции русская армия продолжала продвигаться в глубь Австрии, а часть российской кавалерии даже пересекла границу Венгрии. «Дела австрийцев плохи, – отметил 26 сентября генерал Макс Хоффман. – Двадцать лет они экономили на армии, а теперь расплачиваются за это». Но российские губернии Польши, аннексированные Россией в XVIII в., постепенно переходили к противнику не без помощи самого Хоффмана, а также Гинденбурга и Людендорфа, и напряженные бои открывали перед Польшей перспективу окончания почти 150-летнего российского господства. Вопрос о том, дадут ли Польше новые правители, немцы, автономию или независимость, оставался открытым. Радикальные немецкие националисты призывали к созданию постоянной буферной зоны между Германией и Польшей, отрезанной от российской территории, с которой предполагалось депортировать в Россию шестнадцать миллионов поляков, чтобы освободить место для немецких поселенцев.

Нейтральные государства, следившие за ходом войны, пока не могли предвидеть, каков будет ее исход, и, учитывая собственные национальные интересы и амбиции, предпочитали оставаться зрителями. Державы Антанты, постоянно искавшие новых союзников, сталкивались с полнейшим нежеланием нейтральных стран вступать в борьбу. Особую ценность для Антанты представляла Италия, учитывая ее общую границу с Австрией и территориальные устремления в Адриатике, но итальянское правительство упорно придерживалось нейтра-

[41] Перевод Евгения Лукина.

литета. 10 октября против такой политики выступил будущий лидер итальянских фашистов Бенито Муссолини, в то время один из лидеров социалистов, опубликовав в социалистической газете статью, в которой предлагал своей партии отказаться от антивоенной позиции и настаивал на участии Италии в войне на стороне Антанты. Муссолини рассчитывал, что война приведет к революции и падению монархии. Это не имело значения для французов, мечтавших сделать Италию своей союзницей: им был нужен лишь влиятельный политик, призывающий к войне. Чтобы обеспечить широкое распространение милитаристским взглядам Муссолини, французское правительство ежемесячно финансировало его первую независимую газету Popolo d'ltalia. Первый платеж был доставлен ему французским политиком-социалистом[42].

Лейтенантом военно-морского флота Карлом Лоди, сразу же после начала войны решившим заняться шпионской деятельностью в Великобритании, двигала не жажда наживы, а патриотизм. Выехав из Берлина по поддельному американскому паспорту, он направился сначала в Эдинбург, затем в Росайт и в Ливерпуль, отправляя в нейтральную Швецию телеграммы с отчетами о приготовлениях и диспозиции военно-морского флота Великобритании. Сообщал он и о противовоздушной обороне Лондона. Его телеграммы показались британскому цензору подозрительными, и их задержали. Пропустили лишь одну, содержавшую отчет о слухах относительно русских солдат, якобы направлявшихся через Британию во Францию.

Лоди арестовали 2 октября по дороге к британской военно-морской базе в Куинстауне. Он был осужден военным трибуналом в Вестминстерской ратуше и приговорен к смертной казни через расстрел в лондонском Тауэре. Утром перед казнью он сказал офицеру, охранявшему его: «Я полагаю, вы не пожмете руку шпиону?», – на что офицер ответил: «Нет, но я пожму руку храброму человеку». После казни Лоди глава британской разведки писал: «Он ни разу не вздрогнул, ни разу не поежился и умер так, как хотелось бы, чтобы умирали все англичане: тихо и без драматизма. Его смелость поддерживало гордое сознание того, что он выполнил свой долг». Но в Берлине его не удостоили таких похвал. «Следует признать, – писал руководитель шпионской сети, в которую входил Лоди, – что он был совершенно не приспособлен к такой работе».

3 октября, в ходе операции «Бег к морю», немцы вошли в бельгийский город Ипр. Через два дня над Францией произошел первый воздушный бой: два французских авиатора сбили немецкий самолет, его экипаж из двух человек погиб. 8 октября капитан авиации Реджинальд Марикс[43] разбомбил в Дюссельдорфе первый из шестнадцати немецких дирижаблей, которым предстояло быть уничтоженными британскими самолетами.

10 октября, когда немцы прорывались на север, 4-й немецкой армии было приказано «изолировать крепости Дюнкерк и Кале». В тот же день в Лилль в Северной Франции вступил отряд немецкой кавалерии. Во время переговоров с мэром в город прибыли французские кавалеристы. После короткой стычки немцы отступили. Через несколько часов немецкая артиллерия обстреляла город, а немецкий аэроплан сбросил бомбу, убив мальчика и лошадь.

11 октября немцы начали интенсивный артиллерийский обстрел Лилля. За два дня по городу выпустили более 5000 снарядов, было разрушено восемьсот домов. 13 октября Лилль

[42] Первый номер Popolo d'ltalia вышел 15 ноября 1914 г. Через полгода российское правительство обсуждало возможность предоставления Муссолини подобной финансовой поддержки для немедленного вовлечения Италии в войну. В октябре 1917 г., после итальянского поражения при Капоретто, британская разведка предоставила ему средства для борьбы с антивоенными настроениями в Италии. *Авт.*

[43] В 1916 г. Марикс потерял ногу во время испытательного полета недалеко от Парижа. В 1939–1945 гг. он служил в береговом и транспортном командовании и вышел в отставку в звании вице-маршала авиации в 1945 г. *Авт.*

сдался. Занявшие его немецкие солдаты так измучились, что многие засыпали прямо на тротуарах.

Гонку к морю постепенно выигрывали британцы и французы. 14 октября британские войска выбили немцев из Байеля. Выяснилось, что за несколько недель оккупации немцы обложили крестьян военным налогом и арестовали и расстреляли четырнадцать французов призывного возраста. Прежде чем покинуть город, немцы выпустили из сумасшедшего дома и оставили сотни беспомощных больных бродить по сельской местности. Многих позднее нашли мертвыми на обочинах дорог и в лесу.

Насильственная смерть стала обыденностью, и каждый реагировал на нее по-своему. Когда 14 октября один из его самых близких друзей был убит шальным снарядом, генерал Смит-Доррриен написал в личном письме: «Те, кто уходит в вечность прежде, чем задача выполнена, – герои, и их следует считать героями, а не оплакивать». Среди тех, кого накануне собирались похоронить, был 26-летний лейтенант Бернард Монтгомери, раненный так тяжело, что его сочли безнадежным. Когда он вел свой взвод из тридцати человек, чтобы взять деревню Метерен, немецкая пуля пробила ему грудь. Солдата, пытавшегося перевязать рану, также подстрелили, и он рухнул на Монтгомери. Пока оба они лежали под немецкими пулями, не в состоянии пошевелиться, Монтгомери ранили еще и в колено. Солдат был убит. Лишь через четыре часа санитарам удалось вынести Монтгомери с поля боя. Он был без сознания и выглядел умирающим. Но, как заметил один из его биографов, «с характерным для него нежеланием сотрудничать он отказался умереть, и, когда его части пришло время передислоцироваться, пришлось взять его с собой»[44].

15 октября немцам удалось захватить бельгийский порт Остенде. «Поразительно, насколько мы здесь непопулярны», – в тот же день писал адмирал Тирпиц жене после посещения Антверпена. Теперь почти вся Бельгия находилась под оккупацией, а десятки тысяч бельгийских беженцев нашли убежище в Англии, что лишь усилило антинемецкие настроения. 17 октября лондонская Evening Standard вышла с заголовком: «Очищаем от врага лондонские отели». Далее приводился список гостиниц, которые «сегодня официально объявили себя свободными от немцев и австрийцев». На следующий день Томас Гарди написал стихи о своем пасторальном сне, в котором бельгийские беженцы прибывали в Великобританию под музыку и колокольный звон:

Проснулся я. Передо мной стояли
От страха побледневшие виденья,
Пришедшие из Брюгге и Остенде.
Не плыл над ними колокольный звон.
Враг, обезумев, сокрушил их в пыль
Меж крышей рухнувшей и торцевой стеной.

Величайшими усилиями британских, французских и бельгийских войск немецкое наступление было остановлено. В ряде пунктов немецкие части, особенно далеко продвинувшиеся на запад, удалось оттеснить на восток, обратно к франсузско-бельгийской границе. Французский город Армантьер отбили англичане. Среди убитых 18 октября при Армантьере был кузен Черчилля Норман Лесли. «Все разгорающийся пожар войны пожирает все самое дорогое, и конец ее еще далеко, – написал Черчилль в письме с соболезнованиями Леони Лесли, матери своего двоюродного брата. – Британская армия за несколько

[44] *Alun Chalfont*. Montgomery of Alamein. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1976. P. 62. Во время Второй мировой войны Монтгомери командовал 8-й армией в Северной Африке, одержав победу над Роммелем при Эль-Аламейне, а затем 21-й группой армий, от Нормандии до Люнебургской пустоши, где он принял капитуляцию всех немецких войск в Бельгии, Голландии и на северо-западе Германии. *Авт.*

недель войны возродила в глазах всего мира славу Азенкура, Бленхейма и Ватерлоо, и Норман сыграл в этом свою роль».

В тот же день, 18 октября, у немцев отбили Ипр. Отсюда британцы рассчитывали оттеснить немцев назад по бельгийской территории по крайней мере до Менена и Руселаре, но немцам удалось остановить британское наступление всего в нескольких километрах от этих населенных пунктов. 19 октября генерал Ролинсон, получивший приказ «идти на Менен», так и не решился его выполнить, узнав от британских летчиков и бельгийских беженцев, что немецкое подкрепление уже на подходе. Менен, расположенный всего в 19 километрах от Ипра, остался в руках немцев.

Немецкие солдаты, особенно те, кто еще не побывал на передовой, надеялись на дальнейшие победы. 20 октября рядовой, только отправленный на фронт, писал своему довоенному квартирному хозяину: «Как только мы прибудем на место назначения, я сразу же напишу вам и пришлю свой адрес. Надеюсь, мы дойдем до Англии». Этим солдатом был Адольф Гитлер. Через девять дней ему пришлось участвовать в бою.

22 октября Черчилль, полный решимости не позволить немцам добраться до Англии и опасавшийся, что британские моряки откажутся стрелять по кораблям, перевозящим войска, предупредил чиновников Адмиралтейства: «Необходимо отдать четкий приказ, что все транспортные суда, которые могут перевозить в Англию немецкие войска, следует топить торпедами или орудийным огнем. Переговоры или сдача в плен в открытом море недопустимы».

С теми немецкими транспортами, перевозящими войска, которые, достигнув берегов Британии, сдадутся «полностью и безоговорочно», разрешалось поступить «настолько милосердно, насколько позволят обстоятельства», но британские офицеры «ответственны за то, чтобы враг не получил никакого преимущества за счет любых проявлений гуманности». Только после окончания боя оказавшиеся в воде немцы могут сдаться в плен «в соответствии с правилами, при условии, что боевая эффективность кораблей не пострадает». К таким суровым мерам, в то время совершенно беспрецедентным, Британию вынудила возможность немецкого вторжения.

Утром 21 октября британские и французские кавалеристы оставили бельгийскую деревню Пасхендале, расположенную на полпути между Ипром и Руселаре, и отступили к Ипру в поисках безопасного места вблизи более крупного населенного пункта. С обеих сторон солдаты начали рыть связанные между собой окопы с пулеметными огневыми позициями, блиндажами, траншеями для связи с тылом и сапами, ведущими как можно ближе к укреплениям противника. За каждым движением на противоположной стороне пристально следили наблюдательные посты артиллерии, аэростаты и воздушные патрули. Линии траншей проходили между Ипром с британской стороны и Мененом и Руселаре – с немецкой. Спустя четыре года на Ипрском выступе разыгралась самая жестокая битва в истории, но в то время казалось, что бои к востоку от Ипра – лишь короткий эпизод в летописи войны. «По-моему, – вечером 21 октября телеграфировал сэр Джон Френч лорду Китченеру, – враги разыгрывают свою последнюю карту, и я уверен, что их ждет неудача».

Но, как оказалось, «последняя карта» означала не просто серию кавалерийских стычек. То, что позднее назвали Первой битвой при Ипре, было решительной попыткой немцев окончательно вытеснить британцев за пределы выступа и частью более масштабного плана, направленного на прорыв к Северному морю и побережью Ла-Манша.

Не только напротив Ипра, но и южнее, в Месене и Нёв-Шапель, немцы пытались отбросить британцев назад, горланя патриотические песни. Но грандиозный план немцев не

увенчался успехом. Молниеносная война закончилась, и теперь приходилось сражаться за деревни, холмы, рощи и дороги. 21 октября артиллерист Герберт Зульцбах, впервые побывавший в сражении, записал в дневнике: «Мы рвемся вперед, перед нами мелькают ужасные сцены на поле боя, и надо к ним привыкать: трупы, трупы, снова трупы, щебень и развалины деревень».

Немецкая пехота только что захватила деревню Премеск. «Трупы друзей и врагов валяются вперемешку, – писал Зульцбах. – Шквальный огонь пехоты гонит нас с занятой позиции под еще более яростным огнем британской артиллерии. Сейчас мы среди лугов, усеянных мертвым скотом, рядом бродят немногие уцелевшие бесхозные коровы. Руины взятой штурмом деревни все еще дымятся. Траншеи, наспех вырытые британцами, забиты телами. Огонь пехоты и артиллерии вытесняет нас и с этой позиции».

В ту ночь Зульцбах вспоминал свой первый день на поле боя. «Над нами спускается черная ночь. Сегодня мы видели сразу слишком много страшного, чуяли запах дымящихся развалин, слышали мычание брошенного скота и треск пулемета, и все это потрясает нас, едва достигших двадцати лет, но в то же время и закаляет для того, что ждет нас впереди. Ведь мы не желали этой войны! Мы просто защищаем себя и свою Германию от сплотившихся против нас врагов».

23 октября, после двух дней рукопашной схватки под Ланжемарком, на Ипрском выступе насчитали 1500 убитых немцев. В деревне Кортекер взяли в плен более семисот немцев и одновременно освободили полсотни британских солдат, захваченных немцами в начале битвы.

Линия траншей начинала обретать свою собственную роковую, статическую логику. Хотя в штаб-квартиру о британском успехе под Кортекером сообщили как о прорыве, развить этот успех так и не удалось. Между тем немецкие осколочно-фугасные гранаты, французами прозванные мармитами, а британцами – угольными ящиками и джеки-джонсонами, взрывались в траншеях, сея среди союзников[45].

Немецкие надежды прорваться к морю оказались столь же призрачными, как и надежды британцев углубиться в Бельгию. Битва на Ипрском выступе стала сражением за сам выступ, за территорию шириной не более 12 километров. 25 октября в Рётеле, к северу от Менинской дороги, целый батальон Уилтширского полка был практически уничтожен, немногие выжившие оказались в плену.

К югу от Ипра впервые на Западном фронте вступили в бой индийские войска. В ночь на 25 октября между Витсхете и Месеном они отбили немецкую атаку. В официальной истории Индийского экспедиционного корпуса во Франции говорится, что один из них, сипай Усман Хан, дважды раненный, отказался покинуть позицию. Только когда «от его ног осколком снаряда оторвало целый кусок мяса», его унесли с поля боя. За этот «великий пример» его наградили индийским орденом «За боевые заслуги». Индийцы покинули родину почти два месяца назад.

26 октября Индийский экспедиционный корпус пошел в свою первую атаку на Западном фронте. В тот день вместе с девятью солдатами погиб капитан П. К. Хамп-Винсент, первый британский офицер Индийского экспедиционного корпуса, павший в бою. За четыре дня были убиты еще четыре британских офицера, четыре индийских и более двухсот солдат. Тогда же на Ипрском выступе были убиты или похоронены заживо многие британские

[45] Джек Джонсон был афроамериканцем, чемпионом мира по боксу в 1908–1915 гг. Оба британских прозвища произошли от черного дыма после взрыва этих 150-миллиметровых снарядов, падению которых предшествовал глубокий рев. Снаряд 77-миллиметровой полевой пушки прозвали визгуньей. *Авт.*

солдаты, удерживавшие деревню Крейсекке к югу от Мененской дороги, когда британская артиллерия обстреляла деревню, не зная, что она находится под контролем их собственных войск. Немцы 56 часов подряд почти непрерывно вели артиллерийский огонь. Военный историк Энтони Фаррар-Хокли, в 1950 г. участвовавший в боевых действиях в Корее, писал: «Постепенно солдаты всех четырех батальонов начали отступать: уцелевшие солдаты, выброшенные из окопов, искали своих, раненые едва ковыляли в сторону тыла, счастливчики, которых заметили и откопали, пытались прийти в себя после того, как их похоронило заживо, – люди, сломленные усталостью и потрясенные видом убитых и раненых друзей и растущей уверенностью в том, что и им суждено умереть»[46].

Встревоженный сообщениями о «беспорядке в частях», командующий 1-м корпусом сэр Дуглас Хейг записал в дневнике: «Я выехал около 3 часов дня, чтобы взглянуть, что происходит, и пришел в ужас при виде перепуганных людей, возвращавшихся в тыл». Тем не менее он добавил: «Несколько подразделений дивизии оставались в окопах». Сэр Джон Френч проявил еще больший оптимизм, отправив вечером Китченеру телеграмму с сообщением, что немцы «почти не способны к постоянному и мощному напору».

Преемника фон Мольтке на посту начальника Генштаба генерала Фалькенхайна глубоко разочаровало известие, что британскую линию обороны так и не удалось пробить. 27 октября он сказал офицерам, что для решительного наступления необходимо значительное подкрепление, но оно уже в пути. Но не хватало не только подкрепления. Разжалованный Мольтке с горечью писал кайзеру, что для того, чтобы разрабатывать и проводить масштабные операции, Фалькенхайну «недостает силы духа».

И все же Фалькенхайн еще надеялся пробить британскую линию обороны. В тот день в Нёв-Шапель немцы безуспешно попытались вести обстрел шрапнелью, содержащей раздражающее вещество[47]. Лишь когда погибли и командир британского батальона, удерживавшего линию к югу от Нёв-Шапель, и его заместитель, немцам удалось пробить брешь в британской обороне.

На призыв незамедлительно ликвидировать прорыв откликнулся один из индийских батальонов, лишь недавно переплывший Индийский океан и Красное и Средиземное моря. Наступила ночь. Индийские солдаты, не привыкшие к болотистой земле, пересеченной колючей проволокой, с трудом достигли места прорыва и тут же попали под пулеметный огонь, направляемый лучами прожекторов.

На рассвете 28 октября индийцы прорвались в деревню Нёв-Шапель, в рукопашной схватке отвоевывая дом за домом. Один сикх, чтобы ободрить немца, опасавшегося, что его заколют штыками, как только он сдастся в плен, похлопал его по спине со словами: «Не бойся!» Но всего через несколько часов упорная немецкая контратака вынудила индийцев покинуть деревню, а на обратном пути они попали под артиллерийский и пулеметный обстрел. Из 289 человек, сумевших вырваться из Нёв-Шапель, только 68 выбрались на дорогу, с которой начиналась атака. За проявленное мужество субедар[48] Малла Сингх был награжден Военным крестом. Он стал первым индийским офицером, получившим во время войны эту награду. За последующие шесть дней более 25 британских офицеров и 500 индийских офицеров и солдат были убиты, а 1455 – ранены.

Тогда же в Лондоне на заседании кабинета министров было решено не разглашать известие о гибели одного из самых современных британских военных кораблей «Одэйшез», подорвавшегося на немецкой мине у северного побережья Ирландии. Как писала в дневнике

---

[46] *Anthony Farrar-Hockley*. Death of an Army. L.: Arthur Barker, 1967. P. 122. *Авт.*

[47] Этим веществом был хлорсульфонат дианизидина. *Авт.*

[48] *Субедар* – исторический чин в индийской армии.

жена Асквита, главным аргументом послужило то, что британские войска «изнурены» боями на Западном фронте и что немцы «будут опасно воодушевлены этой новостью»[49].

Теперь немецкие подкрепления подтягивались к британскому участку фронта. 29 октября, в 5:30 утра, немцы перешли в наступление. Двумя днями ранее удалось перехватить радиограмму с точным временем нападения, но из-за нехватки боеприпасов британская артиллерия вынуждена была ограничиваться девятью снарядами на ствол в день и не смогла воспользоваться этим преимуществом. Во время битвы Герберт Зульцбах, чья артиллерийская батарея была замаскирована, чтобы ее не заметили с воздуха, записал в своем дневнике: «Британские самолеты разбрасывают листовки, призывающие нас сдаться. Лучше бы им сдаться самим!» «На поле боя, – добавил он, – Саксонская рота отважно бросается в атаки, полагаясь только на свои силы и неся огромные потери».

Среди немецких частей, в тот день впервые вступивших в бой, был «полк Листа», потерявший 349 человек на подступах к Гелювельту. «С гордостью могу сказать, что наш полк бился героически, – писал Адольф Гитлер своему домовладельцу, – меня произвели в ефрейторы, и я чудом уцелел».

Генерал Фалькенхайн видел в битве за Гелювельт крайне важную и, как он надеялся, быструю прелюдию к взятию Ипра и марш-броску к морю. В тот же вечер генерал фон Фабек отдал войскам, участвовавшим в бою, возобновившемся утром 30 октября, новый «приказ дня»: «Прорыв будет иметь решающее значение. Мы победим, потому что обязаны победить, раз и навсегда положим конец многовековому спору, завершим войну и нанесем нашим заклятым врагам сокрушительный удар. Мы прикончим британцев, индусов, канадцев, марокканцев и весь прочий сброд, слабых противников, которые сдаются сотнями после первой же мощной атаки».

Этим призывом генерал фон Фабек хотел воодушевить войска, которым предстояло идти в решающую атаку под его командованием. Четыре дня они бились за Гелювельт, и в их рядах сражался Гитлер. В жестоком бою один британский батальон, попавший под артиллерийский обстрел с близкой дистанции, за двадцать минут потерял командира и 275 солдат, а 54 выживших попали в плен. Все они были ранены. Гелювельт остался в руках британцев.

30 октября во второй половине дня немцы прорвали британскую линию фронта в направлении Клейн-Зиллебеке. Ирландская гвардия была послана на защиту новой линии обороны. По пути, во время краткой стоянки, один офицер записал в дневнике: «Посреди дороги лежал убитый британский кавалерист, а рядом с ним – его полудохлая лошадь. Мимо прошла женщина. За спиной у нее висел весь ее драгоценный домашний скарб, и она вела за руки двух совсем маленьких ребятишек. Она ни на что не обращала внимания, но я заметил, как ее дети сторонились трупа».

Ночью ирландские гвардейцы, патрулировавшие окрестности, могли видеть немецкие «островерхие шлемы», вырисовывавшиеся на фоне пылающего крестьянского дома, когда противник занимал позиции для утренней атаки. «Через два года, – писал их историк, – наши пушки дождались бы, пока враг закончит подготовку, а затем стерли бы его батальоны с лица земли. Но у нас не было таких пушек»[50]. В тот вечер Фош согласился направить французские войска на усиление британской линии обороны, посоветовав сэру Джону Френчу: «Молотите их, молотите как следует, и вы добьетесь своего».

Утром 31 октября немецкое наступление возобновилось, и британцев выбили из Гелювельта. «В довершение всех ужасов этого дня, – писал Фаррар-Хокли, – как стало известно

---

[49] Немцы не знали о гибели «Одэйшез» еще две недели, пока 14 ноября 1914 г. американская газета Philadelphia Public Ledger не опубликовала фотографию тонущего судна. Фотография была сделана пассажиром с борта океанского лайнера «Олимпик». *Авт.*

[50] *Rudyard Kipling*. The Irish Guards in the Great War. L.: Macmillan, 1923. V. I. P. 38. *Авт.*

одному батальону, «некоторых раненых немцы забили насмерть и закололи штыками, к тому же забрали у пленных одежду, часы, бумажники и безделушки». Эта расправа была «спонтанной», но в целом такое варварство было редкостью. Вскоре после полудня снаряд попал в британский штаб на выступе, убив одного генерала и нескольких офицеров. К середине дня британцы снова отбили Гелювельт, но Верховный главнокомандующий почти утратил самообладание при виде сотни отступающих раненых солдат. «Мне ничего не остается, как только пойти и погибнуть вместе с 1-м корпусом», – сказал сэр Джон Френч Фошу, но неукротимый француз без колебаний ответил: «Вам следует говорить не о смерти, а о победе».

Пообещав послать шесть французских батальонов к британской линии фронта, Фош выписал для британского главнокомандующего собственные размышления относительно стратегии: «*Отступать нельзя* ни в коем случае; солдаты должны окапываться там, где находятся, и удерживать ту территорию, которую заняли». Всякое движение в сторону тыла «любой значительной части войск приведет к наступлению со стороны врага и внесет смятение в ряды солдат. Самую мысль об этом необходимо подавлять в зародыше».

Из 84 британских пехотных батальонов под командованием сэра Джона Френча, в каждом из которых еще три месяца назад было 30 офицеров и 966–977 солдат, только в девяти осталось теперь 350–450 солдат. 26 батальонов состояли теперь из 200–300 человек, а в 31 осталось лишь 100–200 человек. В 18 британских батальонах было менее ста солдат. Но, несмотря на колоссальные потери, британские экспедиционные силы при канадской, индийской и французской поддержке удержали Ипрский выступ. Среди британских офицеров, убитых на выступе в последний день октября, был принц Мориц Баттенберг. Он вел свой батальон по открытой местности, когда рядом с ним разорвался снаряд. Принц попрощался со своими людьми и на носилках был доставлен в полевой перевязочный пункт, но умер прежде, чем его туда донесли. Как и кайзер, принц Мориц был внуком королевы Виктории.

Вечером 1 ноября на правом британском фланге, там, где он соединялся с французскими позициями, интенсивным обстрелом из пушек и пулеметов немцам удалось отбросить ирландских гвардейцев, удерживавших линию обороны, к опушке Зиллебекского леса. Офицеры, ординарцы, денщики, даже повара схватили винтовки и присоединились к отрядам на линии фронта. «Это было как на футбольном матче, – вспоминал позднее один из них. – Понимаете, тут каждый имел значение. Если кто-то падал, заменить его было некому». Из 400 человек личного состава погибло более 130, 88 из них в момент, когда немецкие снаряды полностью выжгли окоп.

2 ноября правый фланг британской линии обороны был передан французским войскам. Город Ипр, пусть и под немецкими снарядами, остался в руках союзников. Три дня спустя немцы предприняли еще одну попытку прорваться на побережье, атакуя к югу от Ипра, вдоль хребта Витсхете. Но из-за нехватки снарядов провести артподготовку в желаемых Фалькенхайном масштабах не представлялось возможным. Среди немецких солдат, 5 ноября сражавшихся возле Витсхете, был Гитлер. За участие в бою его позднее наградили Железным крестом 2-й степени. «Это самый счастливый день в моей жизни, – писал он своему квартирному хозяину. – Правда, большинство моих товарищей, которые заслужили его не меньше меня, мертвы». Более 700 из 3600 солдат «полка Листа» погибло в течение первых десяти дней боевых действий.

6 ноября, через неделю после гибели в бою с немцами его кузена, принца Морица Баттенберга, кайзер лично отправился в Варнетон, к югу от Ипра, чтобы поддержать свои войска. На этой войне он стал первым монархом, осознавшим, что его присутствие способно воодушевить войска. Впрочем, тогда на немецкую дивизию, видевшую, как он дружески беседует по-английски с британскими военнопленными, которых конвоировали с поля боя, он произвел дурное впечатление.

Это поле боя стало кладбищем для тысяч молодых немцев и британцев. 19-летний британский офицер, Эрик Дорман-Смит, в августе раненный в Монсе, вернулся в свой батальон в первую неделю ноября. Увиденное его потрясло. «Список погибших достиг таких размеров, что было тяжело взяться за его изучение», – писала его биограф Лавиния Грисен. Первый командир роты Дорман-Смита 15 сентября погиб на Эне, а через 5 дней снайпер застрелил близкого друга, блестящего кембриджского спортсмена. Другого его друга «27 октября в Нёв-Шапель после четырнадцати дней непрерывных боев также достал выбравший удачную позицию снайпер». В боях у Нёв-Шапель девять солдат из его роты убило снарядами. «Последним кошмаром стало исчезновение капитана Флетчера, знатока бокса, который, как стало известно, погиб 1 ноября вместе с другими, но его тело так и не удалось найти».

11 ноября прусская гвардия получила приказ о взятии Ипра. Штурму предшествовала самая ожесточенная артподготовка, какую только проводили до того времени. В течение предыдущей недели для нее специально копили снаряды. Ненадолго немецкие войска сумели прорвать британскую оборону, но вскоре были отброшены. В какой-то момент британскому батальону показалось, что сквозь туман и дым накатывает новая волна немецких войск, но несколько минут серые фигуры не подавали никаких признаков жизни. Когда же туман начал рассеиваться, стало ясно, что это не шеренги противника, а вал из трупов, лежащих у немецких позиций.

В Диксмёйде, к северу от Ипра, батальон 3-го гвардейского полка полевой артиллерии, почти целиком состоящий из немецких студентов, захватил позиции французских пулеметов, направленных в их сторону, но был практически уничтожен. Среди студентов, переживших это испытание, оказался 19-летний Рихард Зорге, позднее немецкий журналист в Японии и один из самых успешных шпионов Сталина[51].

Первая битва при Ипре подходила к концу. В последние часы бригадный генерал Фицкларенс, во время Англо-бурской войны награжденный Крестом Виктории, недовольный тем, что не возобновляются атаки на лес Полигон, за который уже много раз шли бои, решил посмотреть, что можно предпринять. Его застрелили, и он стал одной из последних жертв этой битвы.

Более 5000 британских и 5000 немецких солдат пали на территории площадью меньше 12 километров с севера на юг и 8 километров с востока на запад. Немецкий прорыв в Кале закончился неудачей. Британцы оставались в Ипре, а немцы – в Менене, с трех сторон обстреливая Ипр из артиллерии в тщетной надежде сделать его непригодным для обороны. Обе армии приступили к строительству фронтовых окопов, коммуникационных траншей, блиндажей и укреплений. Между двумя армиями, растянувшимися от моря до Альп, лежала изрытая снарядами, изъеденная траншеями ничейная полоса, превратившаяся в арену постоянных стычек. Обе армии наращивали свою артиллерийскую мощь, сдерживаемые только недостатком снарядов.

[51] Успех Зорге заключался в том, что он предупредил Сталина о подготовке Германии к нападению на Советский Союз в июне 1941 г. Впоследствии он был схвачен и казнен японцами. Сам Сталин, сосланный в глухую сибирскую деревню, не принимал участия в Первой мировой войне. *Авт.*

Глава 6
Навстречу первому Рождеству: «грязь, слякоть и вши»

Ноябрь – декабрь 2014 г.

В то время как на Западном фронте войска осели, углубляя траншеи и расширяя укрепления, одновременно ведя снайперскую стрельбу, совершая вылазки и периодически нанося артиллерийские удары по вражеским позициям, увеличивался разрыв между фронтом с его опасностями и тяготами и столичными представлениями о нем. Генерал Смит-Доррриен, побывавший в Лондоне в ноябре 1914 г., позднее вспоминал: «Меня поразило, что люди в Англии ничуть не осознавали ни напряженной ситуации на фронте, ни того, что он представлял собой лишь длинную тонкую линию, лишенную ресурсов и способную прорваться в любую минуту. Их мысли были заняты показавшимися мне смешными страхами перед возможным вторжением в Англию».

Всю зиму 1914 г. продолжался набор добровольцев в армию Китченера – в широко разрекламированные «новые армии», которые уже весной 1915 г. собирались принять участие в сражениях. В номере журнала Punch от 21 октября опубликовали карикатуру, из которой позднее сделали плакат, с изображением мистера Панча, говорящего профессиональному футболисту: «Дружище, на футбольном поле вы наверняка заработаете много денег, но сейчас есть только одно поле, на котором можно заработать славу». 7 ноября член парламента от Лейбористской партии Дж. Г. Томас (ставший пятнадцатью годами позже министром по делам колоний) сказал лондонской публике, что если тысячи молодых людей, годных для службы в армии, находят возможным посещать футбольные матчи, то «либо эти молодые люди не понимают ситуации, либо они трусы и предатели». Месяцем позже член парламента от партии консерваторов Уильям Джойнсон-Хикс создал первый из двух «футбольных батальонов», ставший 17-м батальоном Миддлсекского полка.

В октябре того же года имперское правительство решило отреагировать на враждебные настроения, распространившиеся среди нейтральных и воюющих сторон после немецкого вторжения в Бельгию. Ответом Германии стал «Манифест к культурному миру», подписанный 93 немецкими художниками, поэтами, историками, философами, учеными, музыкантами и священнослужителями. «Мы будем продолжать эту битву до самого конца, как цивилизованная нация, – гласил манифест, – нация, хранящая наследие Гёте, Бетховена и Канта не менее свято, чем дом и домашний очаг». Среди подписавших были изобретатель икслучей Вильгельм Рентген и основоположник современного театра Макс Рейнхардт. В названии манифеста использовалось выражение «Kulturwelt» (культурный мир). Оно было немедленно и с энтузиазмом подхвачено противниками Германии, высмеивающими реальность немецкой «культуры», приписывая ей каждый случай насилия и зверства, каждый артиллерийский обстрел города или уничтожение церкви и каждый отдельный акт жестокости[52].

Ведущим немецким пацифистом, профессором физиологии Берлинского университета и выдающимся кардиологом Георгом Фридрихом Николаи был немедленно составлен ответный манифест «Воззвание к европейцам», в котором он призывал к объединенной европейской интеллектуальной реакции, которая после окончания войны могла бы привести к объ-

[52] Путешествуя в 1980 г. по Польше, я видел большую надпись «Немецкая культура», сделанную белой краской на развалинах одного из крематориев Аушвица. *Авт.*

единению Европы: «Первым шагом в этом направлении могло бы стать объединение сил всех тех, кто по-настоящему ценит культуру Европы, тех, кого Гёте пророчески называл «добрые европейцы». Мы не должны терять надежду, что их голоса, звучащие в унисон, способны даже сегодня вознестись над звоном оружия, в частности если к ним присоединятся те, кто уже пользуется известностью и авторитетом».

Николаи собирал подписи среди многочисленной профессуры Берлинского университета. Только трое профессоров согласились. Один из них был 80-летний Вильгельм Ферстер, директор Берлинской астрономической обсерватории, который подписал и официальный манифест. Двое других подписавших тоже были учеными, лишь недавно переехавшими в Берлин: Отто Бук приехал из Гейдельберга, а Альберт Эйнштейн из Швейцарии. Это был первый случай публикации политической позиции Эйнштейна. Позднее Бук вспоминал: «К сожалению, мы переоценили мужество и честность немецких профессоров».

Сам кайзер присоединился к кампании по утверждению немецких культурных ценностей; 25 ноября он написал философу-социалисту Хьюстону Стюарту Чемберлену, родившемуся в Британии и принявшему немецкое гражданство: «Трудно выразить словами мою убежденность в том, что страна, которой Господь даровал Лютера, Гёте, Баха, Вагнера, Мольтке, Бисмарка и моего деда, еще будет призвана выполнить великие задачи на благо человечества».

В то время как сухопутная война в Северной Франции принимала форму противостояния траншей и колючей проволоки, на море во всех водах утвердилась тирания торпед. 15 октября немецкая подводная лодка U-9, в сентябре потопившая три британских крейсера, торпедировала в Северном море крейсер «Хоук». 525 британских моряков утонули, 21 удалось спастись. Двумя днями позже в Южно-Китайском море немецкая торпеда поразила японский крейсер «Такатихо», затонувший вместе с 271 японским моряком. 26 октября в проливе Ла-Манш немецкая подводная лодка U-24 выпустила торпеду во французский пароход «Адмирал Гантом», приняв его за войсковой транспорт, в результате чего погибло сорок бельгийских беженцев.

Опасность немецких подводных лодок, особенно против торговых кораблей и океанских лайнеров, нельзя было недооценивать, но в разгорающейся битве умов между командирами подводных лодок и их противниками из Королевского военно-морского флота британцы уже в октябре добились огромного преимущества. 13 октября Российский Императорский флот направил в Лондон справочник шифров с немецкого крейсера, севшего на мель в Финском заливе и попавшего под обстрел российской морской артиллерии. Связист, обязанный уничтожить справочник, был убит разорвавшимся снарядом. Русские обнаружили его, когда забирали труп для захоронения. Благодаря этой находке британские дешифровальщики смогли приступить к кропотливой работе по расшифровке немецких сообщений и определению местоположения противника.

В Тихом океане немецкая Восточно-Азиатская крейсерская эскадра, возглавляемая Максимилианом фон Шпее, сеяла хаос среди британских торговых судов. 1 ноября вблизи порта Коронель эскадра столкнулась с двумя британскими крейсерами «Гуд Хоуп» и «Монмут». Фон Шпее затопил оба крейсера с полутора тысячами британских моряков, включая адмирала сэра Кристофера Крэдока. Для британского флота это стало первым серьезным поражением за сто лет, после того как в 1814 г. зарождавшийся военно-морской флот США одержал победу на озере Шамплейн. Среди погибших был сосед семьи Каллаган из Портсмута. Джеймс Каллаган, которому в то время было 2 года и 9 месяцев, вспоминал: «Новость достигла Портсмута только через несколько дней, и я помню, как сжимал мамину руку, когда она шла по улице навестить и утешить вдову. В той комнате я ощутил горе всем своим суще-

ством. Неизгладимое впечатление, отпечатавшееся в памяти, на меня произвела молодая вдова, кормящая грудью новорожденного младенца» [53].

Со второго дня войны Императорские военно-морские силы устанавливали мины в Северном море. Минирование за пределами пятикилометровой зоны от позиций врага противоречило решениям 2-й Гаагской конвенции 1907 г. 3 ноября британский премьер-министр выступил с декларацией, призывая отныне считать Северное море британским «военным пространством», и заявил, что некоторые его участки будут заминированы. Нейтральные суда могут заходить в Северное море лишь «на свой страх и риск». Остановившись в британском порту, они подвергнутся обыску, причем все «незаконные» грузы, перевозимые в Германию, будут изъяты, а затем суда проведут между минными полями.

Нейтральные Швеция и Норвегия, больше всех пострадавшие от этой блокады, выразили протест против попрания британцами норм международного права. Но британцы не сомневались в необходимости «чрезвычайных мер в новых военных условиях» и не снимали блокаду, лишив Германию военных поставок и продовольствия. Соединенные Штаты отказались присоединиться к протесту против действий Британии, несмотря на просьбу норвежского правительства.

Между деятельностью британцев и немцев в Северном море имелось существенное различие. На немецких минах подорвались сотни судов нейтральных стран, тогда как британская блокада представляла опасность только для тех судов, которые отказывались заходить в порты. За два года затонуло лишь пять американских судов и погибло четверо американцев, потому что зарегистрированные в США торговые корабли отказались выполнять условия британской блокады.

На Восточном фронте немецкие войска продолжали продвижение в глубь российской Польши, в то время как русские войска вторглись в австрийскую Галицию. Вторжение немецких войск в польские губернии Российской империи привело к тому, что местное население ополчилось против евреев, веками населявших эти территории. Еврейские лавки, дома и синагоги были разграблены. По словам французского посла в России Мориса Палеолога, на подконтрольных русским территориях ежедневно вешали евреев, обвиняя их в том, что они тайно поддерживают немцев и желают им победы. Даже то, что четверть миллиона евреев служили в российской армии, не помогало преодолеть предрассудки. В Лодзи, Петркуве, Белостоке и Гродно и в десятках других городков и сел сотням тысяч евреев пришлось покинуть свои дома и пуститься в путь со всем скарбом, который удавалось погрузить на телеги или увязать в узлы. Они отправились на восток в поисках убежища внутри России, подальше от истерии зоны военных действий.

Масштабы человеческих потерь на Восточном фронте ничем не уступали западным. 12 октября специальный военный корреспондент Times в российской армии Стенли Уошберн писал из военного госпиталя в Ровно: «Блуждая по нескончаемым больничным палатам с ранеными, поражаешься, сколько всего может пережить человек и от каких травм оправиться благодаря современным методам лечения. Кажется невероятным, что хрупкое человеческое тело способно перенести такое чудовищное обращение и почти полностью восстановиться. Мы видели мужчину, получившего ранение в голову. Рана оказалась чистой, и через две недели он был практически здоров». Другие, раненные в живот или легкие, «восстанавливались так быстро, словно получать ранения было частью их повседневной работы».

---

[53] *Джеймс Каллаган* (1912–2005), премьер-министр Великобритании в 1976–1979 гг., был последним из премьер-министров, заставших Первую мировую войну. Его предшественник Гарольд Вильсон (1916–1995) вспоминал, что его мать в ответ на назойливые просьбы говорила, что он получит то, что хочет, «когда кончится война». *Авт.*

Через десять дней Уошберн прислал в Times описание поля битвы в Галиции. «По сторонам каждой воронки валяются обрывки голубых австрийских мундиров, разорванных взрывом; повсюду видны предметы амуниции, оторванные ноги в сапогах и другие страшные ошметки, напоминающие об отлично вымуштрованных солдатах, удерживавших позицию под градом снарядов и осколков».

На поле, еще недавно бывшем местом сражения, Уошберн наткнулся на деревянный крест и распятие. Одну из рук Христа «оторвало осколком снаряда», а к кресту была приколочена грубая деревянная табличка с надписью: «Здесь похоронены 121 австрийский боец и четыре русских».

17 октября немецкие войска в Южной Польше отступили под напором многократно превосходящих их русских сил. Некоторые части за один день отошли почти на 96 километров. Российская армия заняла позиции, позволявшие ей угрожать промышленному центру Германии – Силезии. Благодаря своим выдающимся навыкам материально-технического снабжения Людендорф и Гофман сумели переместить 9-ю армию, в тот момент расположенную северо-восточнее и развернутую от Познани к Кракову, на новую позицию ближе к юго-востоку, развернув ее от Познани к Таруни и создав угрозу для русской Лодзи, что вынудило русские войска, стоявшие на пороге Силезии, защищать оказавшийся в опасности город. Тогда же, 21 октября, польские войска под австрийским командованием впервые сразились с русскими.

В ту неделю среди германо-австрийских войск на Восточном фронте распространились слухи о взятии Парижа. Когда слухи развеялись, Людвиг Витгенштейн пришел в отчаяние из-за возможного исхода войны и будущего Германии. 25 октября со своей канонерской лодки на российском фронте он писал: «Сегодня я как никогда ощущаю, как ужасно положение нашей нации – германской нации. Потому что я почти уверен, что нам не одолеть англичан. Англичане – лучшая нация в мире, они *не могут* проиграть, а вот мы можем проиграть и проиграем, если не в этом году, так в следующем. Мысль о поражении нашей нации ужасает меня, ведь я немец до мозга костей».

Впрочем, его пессимизм выглядел неуместным, принимая во внимание последующее развитие военных действий: рано утром 29 октября, вдали от Восточного фронта, Германии удалось одержать важную победу и причинить тяжкий урон России: немецкие военные корабли «Гебен» и «Бреслау», с середины августа находившиеся неподалеку от Константинополя, атаковали черноморские порты Николаев и Одессу и установили мины на российских судоходных путях. Российский минный заградитель был потоплен. Атака продолжилась обстрелом Севастополя, Феодосии и Новороссийска и поджогом полусотни топливных резервуаров и зернохранилищ. Оба корабля шли под турецким флагом, таким образом, в результате этого короткого рейда Германия и Австрия приобрели нового союзника в борьбе против Антанты. Немецкий адмирал Сушон, командовавший операцией, писал жене: «Я бросил турок прямиком в бочку с порохом».

Обстрел черноморских портов немедленно привел к расширению театра военных действий, что, по мнению немецкого Верховного командования, было выгодно Германии. Ответные меры, которые удалось предпринять, казались незначительными: 1 ноября британцы атаковали турецкий минный заградитель в порту Смирны[54], а на следующий день британский легкий крейсер обстрелял турецкий порт Акаба в Красном море. Когда турецкий гарнизон бежал, отряд британцев высадился на берег и взорвал здание почты. 3 ноября бри-

[54] В атаке принимали участие два британских эсминца. Одним командовал Э. Б. Каннингем, во время Второй мировой войны занимавший пост первого лорда Адмиралтейства (1943–1946), вторым – капитан Прентис, погибший в бою 28 апреля 1915 г. во время Дарданелльской операции. *Авт.*

танские и французские военные корабли атаковали турецкие порты в Дарданеллах, поразив крепость Седд-эль-Бахр на северном берегу и взорвав ее пороховой склад. В тот же день российские войска пересекли восточную турецкую границу.

Турция ответила официальным объявлением войны странам Антанты. Нельзя сказать, что она совсем не была подготовлена. Уже более месяца немецкий офицер Эрих Вебер руководил укреплением турецких рубежей, закрытием водных путей и установкой мин в Дарданеллах. После британского нападения на порты в Турцию отправили еще четверых офицеров и 160 солдат, чтобы ускорить работы над турецкими укреплениями. Были установлены мины, в том числе российские, похищенные в Черном море, французские, похищенные у Смирны, и даже болгарские мины, оставшиеся со времен Второй балканской войны. Минирование выполнил немецкий морской офицер капитан Гел. Немецкие артиллеристы укрепили порты Чанаккале и Килид-Бахр по обе стороны узкого пролива, по которому в случае вторжения должен пройти любой флот. В Чанаккале немецкий артиллерийский офицер подполковник Верле установил восемь гаубичных батарей, направленных на Дарданеллы.

Объявив Антанте войну, Турция, в свою очередь, превратилась в заложницу изменчивой военной удачи. Хотя Германия и считала Турцию полезным приобретением для Центральных держав, британцы отнеслись к новому противнику с определенной долей презрения. 5 ноября Асквит заявил в Гилдхолле: «Не мы, а само османское правительство звонит в похоронный колокол по османскому господству не только в Европе, но и в Азии». Через два дня 4500 солдат в составе британских и индийских частей, покинувших Бомбей тремя неделями раньше, высадились в Фао, неподалеку от Персидского залива, в отдаленной турецкой провинции Месопотамия. В те дни жена Асквита писала в своем дневнике: «Я *терпеть не могу* турок и очень надеюсь, что их выгонят из Европы. Германия шантажом вынудила Турцию присоединиться к ней, но не думаю, что, не считая угрозы для Египта, Турция способна нам сильно насолить». Черчилль хотел, чтобы Россия отправила 50 000 солдат морем из Архангельска и Владивостока для захвата Галлипольского полуострова. Он писал сэру Эдуарду Грею: «Никакой другой военной операции не понадобится. Цена, которую придется заплатить за взятие Галлипольского полуострова, несомненно, высока, но она положит конец войне с Турцией. Добротная армия в 50 000 человек при поддержке с моря покончит с турецкой угрозой».

Никаких военных операций на Галлипольском полуострове той зимой не проводилось. Результаты учета в русской армии оказались тревожными: на фронт можно было отправить около 800 000 солдат, но оружия не хватало, а многие офицеры жаловались, что «их люди, может, и продержатся зиму, питаясь собранной мороженой картошкой и репой, но боеприпасы в поле не растут». Черчилль предложил Греции «атаковать Галлипольский полуостров от имени союзников», но греки, несмотря на их давние виды на Константинополь, не желали отправлять войска в Турцию: если греческий премьер-министр Венизелос симпатизировал союзникам, то царь Константин, чья жена София приходилась кайзеру сестрой, склонялся на сторону Германии. Так что атака против турок ограничилась Месопотамией: 7 ноября высадившиеся в Фао британские и индийские войска заняли Басру, а двумя неделями позже достигли Курны у слияния Тигра и Евфрата. Погибло пятеро британцев, шестьдесят индийцев и три сотни турок. Более тысячи турок попали в плен. Один из самых удаленных уголков Османской империи оказался под британским контролем, а британским нефтяным месторождениям в Абадане больше ничто не угрожало.

В Константинополе, где британское посольство по сей день представляет собой впечатляющий памятник викторианской империи, жена военного атташе Бетти Канлифф-Оуэн описала невероятное зрелище: «В саду посольства полыхал огромный костер: все документы, связанные с британскими достижениями в Турции более чем за сто лет, догорали

на глазах у посла и его секретарей. То был погребальный костер исчезающего британского влияния в Османской империи».

Живший в эмиграции в нейтральной Швейцарии лидер большевиков Владимир Ленин пристально наблюдал, как разгорается война. «Эпоха штыка наступила», – писал он. По его прогнозам, война должна была породить гражданскую межклассовую войну, которая станет прелюдией к революции и победе пролетариата. 12 ноября однодневная забастовка в Петрограде стала лишь прообразом большевистских замыслов. Куда опаснее для стабильности России были раскрытые охранкой большевистские ячейки в армейских частях, особенно в железнодорожных батальонах, от которых зависела транспортная безопасность российской армии.

В Германии небольшая группа интеллигенции во главе с Георгом Николаи, созданная 16 ноября и получившая название Союз нового отечества, призывала к «скорейшему заключению справедливого мира без аннексий» и к созданию после войны международной организации, целью которой станет предотвращение будущих войн. Эйнштейн был основателем и активным приверженцем Союза. Посещавшая собрания Союза доктор Франциска Баумгартнер-Трамер пятьдесят лет спустя вспоминала, что Эйнштейн «всегда с большим пессимизмом говорил о будущем человеческих отношений». «Однажды мне удалось поговорить с ним, когда я была подавлена регулярными новостями о военных успехах Германии и растущим высокомерием и напыщенностью жителей Берлина. Я взволнованно спросила у него: «Что же теперь будет?» Эйнштейн посмотрел на меня, поднял сжатый кулак и сказал: «Вот что будет править!» – рассказывала она.

18 ноября перегруппированные немецкие войска на Восточном фронте почти окружили Лодзь: 150 000 русских солдат, обороняющих крепость, противостояли 250 000 немцев. Когда один из командующих приказал отступить, чтобы избежать полного окружения, великий князь Николай Николаевич, Верховный главнокомандующий русской армией, приходившийся дядей царю Николаю II, отменил этот приказ.

В Лодзинскую операцию были вовлечены огромные силы. В определенный момент трем немецким дивизиям самим пришлось вырываться из едва не сомкнувшихся клещей вместе с захваченными ранее 16 000 пленных и 64 тяжелыми орудиями. В ходе прорыва 1500 немецких солдат были убиты. Подкрепления, срочно вызванные с Западного фронта, прибыли слишком поздно, чтобы воспользоваться замешательством русских. Воодушевлявшая Германию возможность победы, еще более великой, чем в битве при Танненберге, уходила из рук. «Колоссальная армия, которую они пытались обратить в бегство, лишь слегка подалась назад и застыла на месте, – писал историк. – Силы обеих армий были на исходе, они устали от поражений, боев и суровой болотистой местности; их терзал мороз с ледяными ветрами и ночными температурами, не превышавшими двенадцать градусов ниже нуля. Наступающая зима в равной степени парализовала обе действующие армии»[55].

Тем не менее за победу при Лодзи Гинденбург получил звание фельдмаршала. Удрученный полковник Нокс, британский военный атташе при российской армии, 25 ноября записал в дневнике: «Похоже, в России не думают о необходимости восполнять огромные потери, неизбежные в современной войне, хотя, если мы будем наступать зимой, потери окажутся в три раза больше». Все воюющие армии испытали ужасы зимы. «Ночью несколько человек насмерть замерзли в окопах», – отмечал Нокс. Из дневниковой записи пленного австрийского офицера известно, что «за одну ночь от холода погибли один офицер и шестеро солдат из его роты». В расположении русских войск был отдан приказ снабжать солдат горячим чаем, но российский командующий говорил, что «такие приказы легко писать, но

[55] *John W. Wheeler-Bennett*. Hindenburg. The Wooden Titan. L.: Macmillan, 1936. P. 44. *Авт.*

нелегко исполнять, когда не проходит и дня, чтобы какой-нибудь санитар не был ранен, когда нес обед в офицерский окоп».

На австрийском участке фронта российские войска быстро достигли австрийской Силезии и во второй раз вошли в Венгрию. 26 ноября генерал Конрад, зная о желании национальных меньшинств империи воспользоваться ослаблением Австрии, предложил создать военные правительства в Богемии, Моравии и Силезии. Это предложение было отклонено Францем Иосифом, уверенным, что военный кризис не пошатнет его многонациональную империю. Однако Конрад при составлении военных планов никогда не забывал, что на части, состоявшие из славян – поляков, чехов, словаков, словенцев или хорватов, – едва ли можно полагаться в битвах против русских войск[56].

28 ноября известие о том, что русские войска находятся всего в 12 километрах от Кракова, столицы австрийской Польши, вызвало в Вене панику. Однако в семнадцатидневной битве при Лиманове 4-я австрийская армия нанесла русским поражение и вытеснила их на восток. С началом битвы у Лимановы 3-я австрийская армия вынудила российские войска оставить северный словацкий город Бардеёв, затем вытеснила их с Карпат и за две недели отбила стратегически важный Дукельский перевал. Военная угроза Австро-Венгрии была устранена.

Россия начала пополнять войска и обратилась к Британии за помощью в виде поставок оружия и боеприпасов. Такая помощь была предоставлена только на коммерческой основе: за два года Британия должна была продать России тысячу самолетов и самолетных двигателей, 250 тяжелых орудий, 27 000 пулеметов, миллион винтовок, восемь миллионов гранат, 64 000 тонн железа и стали, 200 000 тонн взрывчатки и 2,5 миллиарда единиц боеприпасов.

1 декабря был издан приказ о мобилизации студентов, которая позволила пополнить войска, но в то же время привела к проникновению в армию студентов-большевиков. В том же месяце восточносибирская полиция докладывала в Петроград, что солдаты, следующие по Транссибирской магистрали, подвергаются антивоенной пропаганде. В самом Петрограде, как докладывал начальник штаба 6-й армии, раненые солдаты, прибывшие с фронта, подвергались преследованию неизвестных гражданских лиц, которые «под видом сочувствующих заводят с ранеными беседу и в конце вручают им листовки, которые на поверку оказываются прокламациями, призывающими к окончанию войны». 21 декабря командующий 1-й армией доложил, что с прибытием резерва «вскрылись попытки пропаганды социалистов» и что он принимает меры по ее искоренению.

30 декабря царь, в поисках союзников против Турции посещавший Кавказский фронт, сказал главе армянской церкви, что «армян ждет блистательное будущее». Эти слова поставили под удар сотни тысяч армян, так как в многочисленном армянском меньшинстве Турция видела источник подрывной деятельности, предательства и неверности и ничего не предпринимала для ослабления антиармянских настроений. Другим национальным меньшинством, подвергавшимся опасности в обеих военных зонах, были евреи. В октябре, ища виновных в успехах немцев в российской Польше, русские жители Вильны, Гродно, Белостока жестоко расправлялись с местными евреями, а русские солдаты были уверены, что «если бы не эти жиды-предатели, прусская армия была бы разбита наголову». В декабре новый турецкий командующий в Палестине Джемаль-паша собрал пятьсот бежавших из России евреев и приказал им покинуть страну, переправившись по морю из Яффы в Египет. Родившийся в Германии сионист Артур Руппин пытался ходатайствовать за них, но ничего не добился и записал в дневнике: «В тот вечер в порту мне пришлось смотреть, как целые семьи – ста-

[56] Евреи представляли собой единственное национальное меньшинство, разбросанное по всем землям Габсбургов. Во время Первой мировой войны трое австро-венгерских фельдмаршалов и восемь генералов были евреями. Одного из них, фельдмаршала Иоганна Георга Франца Хьюго Фридлендера, немцы в 1943 г. депортировали из Вены сначала в Терезинское гетто, а в 1944 г. в Аушвиц, где он и погиб. *Авт.*

рики, женщины и дети – с собранными впопыхах вещами погружались на корабль в страшной неразберихе».

Турецкий патриотизм Джемаль-паши заставлял его пренебрегать потенциальными союзниками. По пути из Константинополя он проезжал через Бейрут, где повесил нескольких лидеров арабского национального движения. В Иерусалиме он узнал о сионистах, которые вступили в местный Комитет османизации и получили разрешение начать набор в еврейское ополчение для защиты Палестины от Антанты. Проигнорировав эту инициативу, Джемаль-паша распустил ополчение и заявил, что любой, у кого обнаружат сионистские воззвания, будет приговорен к смерти, кроме того, он изгнал из Палестины сионистских лидеров Комитета османизации Давида Бен-Гуриона и Ицхака Бен-Цви. Закованных в наручники, их погрузили на корабль в Яффе с пометкой начальника порта: «Навсегда изгнаны из Турецкой империи». Через несколько недель они были уже на пути в Америку, чтобы сплотить сионистов и Антанту и способствовать набору отдельного Еврейского легиона как одного из-подразделений войск союзников[57].

Соединенные Штаты придерживались строгого нейтралитета в европейском конфликте, что не только не мешало, а скорее помогало им зарабатывать на войне. 3 ноября в Лондоне Черчилль договорился с Чарльзом Швабом, главой компании Bethlehem Steel, о закупке восьми 14-дюймовых орудий для недавно введенных в эксплуатацию мониторов. Те же орудия компания поставляла Германии для греческих боевых крейсеров. Четырьмя днями позже две американские компании приняли заказ от британского Адмиралтейства на двенадцать гидропланов типа «летающая лодка», четыре из которых должны были быть построены в Буффало, а восемь на Лонг-Айленде. Первая партия военных поставок была переправлена через Атлантику в Британию и Францию. Затем последовали подводные лодки, которые в строжайшей тайне пересекали океан на кораблях.

Война на море не прекращалась ни на минуту. 9 ноября в Индийском океане, в первой в истории морской битве с участием австралийских кораблей, крейсер «Сидней» потопил немецкий рейдер «Эмден». На протяжении своего семинедельного плавания «Эмден» захватил 8 невооруженных судов союзников и потопил еще пятнадцать, отправив на дно грузы угля, чая, резины, скота и даже скаковых лошадей. В порту Пинанга он потопил русский крейсер и французский эсминец. Достигнув в октябре острова Диего-Гарсия, рейдер был радушно встречен местным жителем-французом, принесшим в подарок овощи и яйца; он не имел ни малейшего понятия о том, что два месяца назад началась война, и поверил немцам, объяснившим боевой вид корабля тем, что он участвует в британо-французско-немецких «международных учениях на море».

Вместе с «Эмденом» погибло 134 члена его экипажа. Капитан корабля Карл фон Мюллер заслужил высочайшую оценку британских газет, отмечавших «его благородство по отношению к пассажирам и командам захваченных кораблей». Газета Times писала: «Если бы все немцы сражались так, как капитан «Эмдена», немецкий народ сегодня не осуждали бы во всем мире».

26 ноября, во время погрузки боеприпасов в порту города Ширнесс, взорвался британский боевой корабль «Булварк», погибло 793 моряка, и лишь двенадцати морякам удалось выжить. 8 декабря в Южной Атлантике вице-адмирал фон Шпее намеревался совершить налет на Фолклендские острова. Британской эскадре под командованием адмирала Стэрди удалось его оттеснить: в морском бою четыре немецких военных корабля были потоплены,

[57] Оба этих человека сыграли решающую роль в создании еврейских национальных институтов в период британского мандата в Палестине. Бен-Гурион стал первым премьер-министром государства Израиль в 1948 г., Бен-Цви – вторым в 1952 г. *Авт.*

2100 немецких моряков погибло. Британцы потеряли лишь десятерых. Через восемь дней четыре немецких линейных крейсера атаковали города Скарборо, Уитби и Хартлпул на Восточном побережье Британии, убив сорок и ранив несколько сотен мирных жителей.

Обстрел трех британских прибрежных городов дал британской пропаганде щедрую пищу. Отныне немцы изображались не иначе как «убийцы младенцев Скарборо». Это событие потрясло Британию, где впервые с 1690 г. мирные жители погибли от рук врага. Свидетельницей налета стала Уинифред Холтби, тогда еще 16-летняя школьница, которая находилась в школе, когда на город посыпались снаряды. Она писала подруге: «Едва мы вышли за ворота, как рядом упал еще один снаряд. Нам сказали: «Бегите!» – и мы побежали. Мы бежали под утренним небом, по грязной, ухабистой дороге, оглушенные звуком падающих снарядов, от которых звенело в ушах, даже когда обстрел прерывался на миг – а он и не прерывался больше чем на миг; мы бежали, хотя наспех надетые башмаки скользили на грязной дороге. Над городом нависла завеса густого дыма, желтого, нереального, делавшего его похожим на сказочное королевство. Только дорога была настоящей, и тугая боль, стеснявшая грудь, – это был не страх, но необъяснимое и причинявшее боль чувство, хотя, как ни странно, оно не было полностью неприятным».

Обернувшись назад, Уинифред Холтби «услышала рев орудий, и в следующее мгновение раздался грохот, и густое облако черного дыма окутало один из домов на Симер-роуд; тонкая струя красного пламени выстрелила в воздух». В городе пошел слух, что немцы высадились на берег. Вернувшись на то же место два часа спустя, Уинифред Холтби добавила, что лучше бы «Англия больше никогда не испытала тех страданий, которые выпали ей в тот ужасный день 16 декабря 1914 г., но, если это все же случится, ей бы хотелось это увидеть».

Война в воздухе, хотя и в незначительных масштабах, в конце 1914 г. получила некоторое развитие. 21 ноября три британских аэроплана, каждый с четырьмя бомбами на борту, совершили свой первый с начала войны дальний воздушный налет, долетев из французского Бельфора до ангаров с дирижаблями во Фридрихсхафене, на Боденском озере. Им удалось повредить один из дирижаблей и уничтожить резервуар с водородом. Британского летчика, вынужденного совершить аварийную посадку, тяжело ранили местные жители, но немецкие солдаты пришли ему на выручку. Через два дня после этого рейда была сформирована первая группа французских бомбардировщиков. 1 декабря немецкое воздушное судно было впервые оснащено радиоаппаратурой, получив возможность летать за линию фронта и сообщать о расположении вражеской артиллерии и перемещениях войск. Разведывательные полеты стали главной задачей военной авиации. Множество новых устройств ей еще только предстояло опробовать: 6 декабря сброшенная с французского аэроплана железная стрела смертельно ранила ехавшего верхом немецкого генерала.

На Балканах 1 декабря Австрия наконец заняла Белград. Так был достигнут результат, пять месяцев назад представлявшийся единственной целью войны в Европе. Но сербы упорно сопротивлялись, и через две недели Белград удалось отбить. Более 40 000 австрийских солдат попали в плен, было захвачено 133 тяжелых орудия. Войдя в Белград, сербы обнаружили 10 000 сербских пленных и тысячу лошадей, брошенных австрийцами при отступлении.

В ту зиму американский военный корреспондент Джон Рид путешествовал по Сербии. Путешествие началось с южного города Ниш, где он видел «солдат в грязных лохмотьях, с обмотанными тряпками ногами, хромых, на костылях, без рук, без ног, выписанных из переполненных госпиталей, но все еще иссиня-бледных и трясущихся от тифа. Тиф разносился по городу, где люди жили по 6–10 человек в комнате, пока повсюду не появились длинные, зловещие вереницы черных флагов, а окна кафе не покрылись черными сообщениями о смерти». Посетив Белградский университет, превращенный в «сплошные развалины»,

он объяснял: «Университет стал для австрийцев избранной целью, так как именно он был рассадником пансербизма и из его студентов состояло секретное общество, члены которого убили эрцгерцога Франца Фердинанда».

В городе Шабац Риду и его спутнику-художнику рассказывали о зверствах, совершенных австрийцами за короткий период оккупации. «Солдаты вели себя как дикие звери, сорвавшиеся с цепи: жгли, грабили, насиловали. Мы видели опустошенный Hôtel d'Europe, почерневшую и обезображенную церковь, в которую, словно скот, согнали три тысячи мужчин, женщин и детей и оставили на четыре дня без еды и воды, а затем разделили на две группы, отправив одну в Австрию как военнопленных, а другую погнав впереди армии, продвигавшейся на юг навстречу сербским войскам». Риду показали фотографию, снятую в деревне Лекница и запечатлевшую «более сотни скованных вместе женщин и детей с отрубленными головами». Его книга, вышедшая в 1915 г., убеждала читателей в варварстве Центральных держав[58].

В конце ноября в Лондоне Уинстон Черчилль узнал, что его друг Хью Доуни пал в бою. Он также получил письмо от своего товарища и члена парламента Валентина Флеминга, воевавшего тогда на Западном фронте. Флеминг писал: «Первое и самое сильное впечатление – это немыслимая разрушительная сила современного артиллерийского огня, уничтожающая не только людей, животных и строения, но и саму природу. Представь себе широкую полосу, не менее 15 километров в ширину, протянувшуюся от Ла-Манша до немецкой границы в районе Базеля, полностью заваленную телами людей, изувеченную их грубыми могилами; где все фермы, деревни и дома превращены в бесформенные кучи почерневшей кладки, а поля, дороги и деревья изрыты, разворочены, покорежены снарядами и обезображены трупами лошадей, коров, овец и коз, разорванных на части и разбросанных в разные стороны». В этой зоне днем и ночью «страшно от непрерывного грохота, свиста и рева всевозможных снарядов, от зловещих столбов дыма, от криков раненых людей, от жалобных стонов животных, брошенных, голодных, а возможно, и раненых».

Вдоль этой «полосы смерти», в 200–900 метрах одна от другой, протянулись две почти параллельные линии окопов. В этих окопах, писал Флеминг, «скрючившись, сидят люди в коричневой, серой или синей форме, грязные, небритые, с ввалившимися глазами, в постоянном напряжении, лишенные возможности ответить на бесконечные залпы и град осколков, сыплющихся на них с расстояния в пять, шесть, восемь километров; они рады пехотной атаке любой из сторон, позволяющей им столкнуться и сразиться с настоящими живыми врагами, а не с невидимыми и непобедимыми машинами, этими плодами изобретательности, которые, ты согласишься со мной, бесполезны с любой точки зрения». В заключение Флеминг писал: «Война будет долгой, хотя любой из участников с любой из сторон закончил бы ее сейчас же»[59].

23 ноября Черчилль переслал это письмо жене Клементине, написав ей: «Интересно, что случилось бы, если бы все армии внезапно и одновременно забастовали, потребовав найти другой способ разрешения споров? А пока что все новые массы людей готовы ввязаться в этот конфликт, и с каждым часом он только ширится». В тот же вечер на Ипрском выступе у Фестюбера немецкие войска ворвались в траншеи, удерживаемые индийскими

[58] Позднее Рид прославился книгой «Десять дней, которые потрясли мир» (Ten Days That Shook the World (1919), отчетом очевидца об Октябрьской революции. Умер в 1920 г., похоронен в Москве на Красной площади. В 1994 г. его репортаж из Сербии был вновь опубликован под заголовком «Очерки 1915 г. – предсказание ужасов в современной Боснии» (Times, 26 марта 1994 г.). *Авт.*

[59] Флеминг служил в звании майора в Королевском оксфордширском гусарском полку и с 1910 г. был членом парламента от партии консерваторов (Черчилль в то время был либералом). Он погиб на Западном фронте 20 мая 1917 г. Его сын Питер позднее стал выдающимся путешественником и писателем, а сын Ян прославился романами о Джеймсе Бонде; оба они, когда погиб их отец, были маленькими. *Авт.*

войсками. В рукопашной схватке им удалось занять несколько траншей. Командир корпуса генерал-лейтенант Джеймс Уилкокс отдал приказ, в официальной истории Индийского экспедиционного корпуса во Франции известный как «бескомпромиссный» и гласивший, что «до рассвета следует вернуться на исходные позиции и удерживать их любой ценой».

Приказ был выполнен, хотя ночью выпал снег, сделавший индийцев легкой мишенью для немецких винтовок и пулеметов. Как гласит официальная хроника, на участке, где яростный пулеметный огонь противника сдерживал продвижение, двое индийцев, оба гуркхи, вырвались вперед, чтобы облегчить прорыв всей группы, заслужив индийские ордена «За боевые заслуги».

24 ноября индийцы отбили траншеи, взяв при этом в плен сотню немецких солдат. После боя выяснилось, что индийский капрал Дарван Сингх Неги бился даже после того, как получил два ранения в голову. Только когда его отряд построился после окончания схватки, командир увидел, что он в крови с головы до пят. Его наградили Крестом Виктории. В тот же день неподалеку британский лейтенант Ф. А. Де Пасс с двумя индийскими солдатами уничтожил подкоп, идущий от немецкой траншеи в девяти метрах от индийской линии обороны. 25 ноября Де Пасс вдвоем с индийским солдатом совершил еще более опасную вылазку, пробежав под пулеметным огнем около 180 метров, чтобы вынести с ничейной земли раненого индийца. На следующий день он прорвался к концу подкопа на первой линии обороны, чтобы починить поврежденный бруствер. Заметив немецкого снайпера, попытался его уничтожить, но получил ранение в голову и погиб. В официальной истории Индийского корпуса во Франции о нем сказано: «Он был идеальным британским офицером. В нем соединялись такие качества, как прекрасные манеры и та степень доблести, которая сделала его кумиром в глазах солдат. Он был посмертно награжден Крестом Виктории. Никто не заслуживал его больше, чем он». Но история умолчала о том, что лондонец Де Пасс был к тому же евреем.

25 ноября французская артиллерия начала обстрел деревни Арнавиль на восточном берегу Мозеля, всего в 16 километрах от Меца. Эта операция, по словам французского военного представителя, отметила «начало нового вторжения на немецкие территории». Впрочем, никакие новые территории захвачены не были. Ближе к западу из деревни Сампиньи были эвакуированы мирные жители из-за опасений, что немцы могут уничтожить дом президента Пуанкаре или даже захватить в плен президента, если в это время он будет в деревне. Немцы действительно сровняли с землей дом президента, «Ле-Кло», и бóльшую часть деревни огнем из австрийских тяжелых осадных орудий дальнего действия, в августе доказавших свою эффективность при взятии бельгийских укреплений.

На другом французском участке Западного фронта в рядах Иностранного легиона сражался американец Уильям Тоу. 27 ноября он писал: «Как бы мне сейчас хотелось вернуться на Бродвей и разве что шутки ради уворачиваться от трамваев! Как же я устал оттого, что в меня постоянно стреляют!» К тому моменту он уже побывал в бою и «не мылся 20 дней».

Теперь британские войска на Ипрском выступе перед проведением выборочных атак на немецкие траншеи получали инструкции у Жоффра. В английских и французских вылазках не было ни стратегического смысла, ни надежды на прорыв немецких рубежей, а скорее желание поддержать русские войска. Правительства Франции и Британии рассчитывали уменьшить давление на русские войска на востоке, оттянув на запад как можно больше немецких солдат. Среди этих солдат был и Гитлер, получивший 2 декабря свой Железный крест. Два дня спустя он писал своему домовладельцу: «Просто чудо, что я здоров и бодр, учитывая переутомление и нехватку сна».

Вслед за сделанным 20 ноября 1914 г. заявлением о желании «национального процветания и свободы» Ирландии немцы призвали попавших в плен ирландцев вступать в Ирланд-

скую бригаду, чтобы сражаться на стороне Германии. С этой целью был создан специальный лагерь в Лимбурге, где планировалось собрать всех ирландцев. 3, 4 и 6 декабря сэр Роджер Кейсмент посещал лагерь, чтобы призвать находившихся в нем 2000 солдат присоединиться к Ирландской бригаде. Вместе с ним приехал немецкий князь Эмих Лейнингский, как и Черчилль, учившийся в Харроу и в 1898 г. награжденный Великим крестом Королевского Викторианского ордена. Но особого впечатления на ирландцев они не произвели. В начале января, после четвертого визита в лагерь Кейсмент с раздражением писал другу, что «больше не поедет в Лимбург, чтобы его унижала кучка предателей Ирландии».

Кейсменту удалось завербовать всего пятьдесят пять человек, и из них лишь десять оказались достаточно надежными, чтобы рассчитывать на них в случае высадки в Ирландии. Несмотря на страстные призывы Кейсмента к ирландским националистам в Соединенных Штатах, нашелся лишь один доброволец, который пересек Атлантику, чтобы присоединиться к бригаде. Впрочем, Кейсменту удалось достигнуть определенных дипломатических успехов: 27 декабря в Берлине он подписал секретный договор с немецким министром иностранных дел фон Яговом, по которому, в случае победы Германии над Британией на море, крохотная Ирландская бригада при поддержке немецкого отряда могла высадиться в Ирландии.

Зимой, побывав на передовой, генерал Петен докладывал, что глубокая грязь сильно затрудняет продвижение французских войск. В британском секторе 20 000 человек было демобилизовано во время зимы исключительно по причине «траншейных стоп». Британский главнокомандующий сэр Джон Френч, посетив фронт 10 декабря, обнаружил, что земля «превратилась в болото». Генерал Смит-Дорриен позднее вспоминал: «Казалось, в этой части света нет ни камней, ни гравия, и дождь превращал землю в жидкую грязь, по консистенции напоминавшую густую овсяную кашу, только без ценных укрепляющих здоровье качеств этого прекрасного шотландского блюда. Идти не по дороге значило утонуть в одночасье». Защитные брустверы «постепенно размывало, траншеи заполнялись водой, и, чтобы найти хоть какое-то укрытие, приходилось постоянно работать».

Сражения продолжались, но без видимого успеха для обеих сторон. В декабре генерал Уилсон писал: «Прошлой ночью мы захватили пять траншей, но из четырех из них нас вытеснили, в основном орудийным огнем; боюсь, мы потеряли около 1500 солдат. Вылазка была удачной, но потери слишком велики». 16 декабря Индийский корпус, к тому времени потерявший 2000 человек убитыми, был послан в атаку близ Живанши, чтобы захватить вражеские окопы на передовой: 54 человека погибло, но попытка оказалась безуспешной. Через два дня индийцев снова отправили в атаку, но приказали выбрать для этого «более разумную цель». Во время этой атаки, которая изначально была успешной, произошел эпизод, отмеченный в официальной истории Индийского корпуса во Франции (созданной в 1917 г.): «Исчерпав цивилизованные методы борьбы, но не сумев обратить наших солдат в бегство, враг прибег к одной из уловок, свойственных детям «Культуры». Несколько немцев вышли из связной траншеи с поднятыми руками. Когда они приблизились, мы заметили за их спинами пулеметы, готовые стрелять по нашим солдатам, стоит им только показаться. Мы оказали этой предприимчивой команде достойный прием».

С приближением зимы условия на Западном фронте ухудшались. 18 декабря, во время наступления на Живанши, отряд горцев Гордона, примыкавший к Индийскому корпусу, не смог открыть огонь, потому что стволы их винтовок оказались забиты грязью, и попал в плен. В тот же день на участке, который удерживал Шотландский гвардейский полк, была предпринята атака, которую официальный историк полка А. С. Аткинсон назвал «плохо продуманной». В результате полбатальона солдат погибли или получили ранения. По словам

Аткинсона, приказ об атаке говорит об «оптимизме, свидетельствующем о полном неведении относительно состояния почвы и обстановки на передовой, как и о непонимании сложности атаки на укрепленные позиции, обороняемые винтовками и пулеметами и защищенные колючей проволокой». Решение об атаке было принято в связи с полученными ранее сведениями о переводе нескольких немецких дивизий с Западного фронта на Восточный. Увы, немцы не забрали с собой колючую проволоку!

20 декабря во время контратаки при Живанши немцы отбили несколько сап, незадолго до этого захваченных противником. Сапы – узкие траншеи, уходившие далеко вперед от главной линии траншей и заканчивавшиеся в нескольких метрах от окопов противника, – зачастую становились местом ожесточенных рукопашных схваток. Другую опасность представляли собой погодные условия. Официальная история Индийского корпуса во Франции поясняет: «Природа воевала на стороне противника, проливные дожди по ночам делали траншеи практически непригодными для обороны. Во многих местах стрелковая ступень была смыта, и большинству солдат не удавалось встать достаточно высоко, чтобы вести обстрел над бруствером». Вдобавок в окопах набиралось по колено, «а кое-где и по пояс ледяной воды и грязи, которые, забиваясь в винтовки, делали их бесполезными». Из-за этой «густой и вязкой грязи» траншеи превращались в «смертельные ловушки». Возможность передвигаться в них была минимальной: «Грязь стаскивала с людей не только сапоги, но даже одежду».

Был отдан приказ об отступлении, во время которого немцы подорвали мину под одной из индийских траншей. Позднее этот прием, когда в подкоп, ведущий в траншею противника, закладывалась и подрывалась мина, обрушивая его часть, получил широкое распространение. Официальная история Индийского корпуса во Франции так прокомментировала произведенный миной эффект: «От роты E, которой командовал капитан Йейтс, ни осталось и следа».

Бесчеловечность, проявленная немцами во время войны, вызвала волну возмущения в европейских столицах стран-союзниц, особенно когда стали известны подробности их обращения со взятыми в плен ранеными. Найденный французами дневник немецкого солдата был передан британцам и включен в ежедневную сводку 1-й армии. Вот что записал этот немецкий солдат 19 декабря: «Вид этих траншей и ярость, если не сказать изуверство наших солдат, с которой они насмерть забили раненого англичанина, поразили меня настолько, что до конца дня я был ни на что не годен». Через несколько дней после провальной атаки шотландского гвардейского полка, предпринятой 18 декабря у Живанши, гнев охватил британские позиции, когда распространилась история раненого британца, который полз к своему окопу и был сначала намеренно дважды ранен в ноги, а когда он уже достиг бруствера, застрелен немцами.

Будни позиционной войны вообще отличались жестокостью. 22 декабря двое раненых, после немецкой контратаки два дня пролежавшие у немецкого бруствера, добрались до своих окопов. У обоих началась гангрена, а один сошел с ума. На следующий день после атаки Ливерпульского шотландского полка старший сержант Р. Э. Скотт Мэкфи писал своему отцу прямо из траншеи, отбитой у немцев ротой F:

«Вэнс, недавно ставший капралом, убит; волынщик роты F серьезно ранен; Бич, один из моих солдат, получил ранение в колено и тд.».

Подошли санитары-носильщики, идущие за ранеными, и Мэкфи спросил:

«– Холт, а кто туда идет?

– Санитары-носильщики Ливерпульского шотландского полка.

– Фолкнер с вами?

– Нет.
– А Ситрин?
– Здесь.
– Как дела, Ситрин?
– Хорошо, старший сержант!»

Ситрин в их полковом оркестре был единственным, кто умел играть на тенорной трубе. «Он хотел вступить в армию обычным рядовым, но доктор, заметив его смышленость, убедил его стать санитаром-носильщиком». Через пятнадцать минут носильщики вернулись:

«– Эй, кто у вас там?
– Ситрина подстрелили».

Мэкфи был обеспокоен состоянием раненого волынщика. «Носильщики вернулись незадолго до рассвета. Офицер не разрешил им продолжать, потому что уже рассвело. К полудню бедняга волынщик умер от потери крови в залитой водой траншее, без еды и воды, а еще одному раненому пришлось лежать на его трупе».

Ко всем этим ужасам добавились скрытые угрозы, подстерегавшие солдат в бою. 22 декабря Черчилль уведомил Адмиралтейство, что сэр Джон Френч приказал «не прекращать огонь», даже если немцы вывесят белый флаг на любом из участков Западного фронта: «как показала практика, немцы систематически злоупотребляют этим сигналом». Следовательно, «любой немецкий корабль, вывесивший белый флаг, в принципе должен быть обстрелян». «Если нет оснований сомневаться в беспомощности корабля», он может сдаться, но при малейшем сомнении его следует затопить. В любом морском бою «все корабли, вывесившие белые флаги, должны без колебаний подвергаться обстрелу».

В то Рождество на участках фронта, где войска каждой из европейских стран праздновали рождение своего Спасителя, началось спонтанное братание солдат. Война, длившаяся уже почти пять месяцев, становилась все более жестокой. И вот накануне Рождества на некоторых участках внезапно возникло стихийное перемирие. «Мы разговорились с немцами, которые всерьез хотели установить перемирие на время Рождества», – писал 25-летний лейтенант шотландского гвардейского полка сэр Эдвард Халс в военном дневнике своего батальона. «Разведчик Ф. Меркер встретился с немецким патрулем, они угостили его виски и сигарами и передали через него сообщение, что, если мы прекратим стрельбу, они тоже не станут стрелять». В ту ночь на линии фронта, где еще пять дней назад шли ожесточенные бои, наступило затишье.

Наутро немецкие солдаты пошли к британским окопам, и британцы вышли им навстречу. «Они были настроены очень дружелюбно, обменивались сувенирами, кокардами, значками и тд.», – писал Халс. Британцы угостили немцев сливовыми пудингами, которые пришлись им по вкусу. Затем договорились похоронить британских солдат, убитых 18 декабря во время неудачной атаки: их трупы до сих пор лежали между траншеями, в основном на границе немецкой линии обороны, там, где они погибли. «Немцы перенесли их тела на середину, и мы их похоронили, – записал Халс в батальонном дневнике. – Британцы и немцы выстроились в два ряда, и немецкий и английский священники по очереди прочитали молитвы. Похороны прошли торжественно и со всеми почестями».

На Рождество братания прошли почти по всей британско-немецкой линии фронта и на некоторых бельгийских и французских участках. Инициаторами в основном выступали немцы, которые передавали сообщения или запевали песню. Неподалеку от Плугстерта капитан Р. Дж. Армс, знавший немецкий, слушая вместе с солдатами немецкую серенаду,

попросил немцев спеть еще одну, и они исполнили балладу Шумана «Два гренадера». Затем солдаты вышли из траншей и встретились на нейтральной полосе, где произошло братание, после чего немцы спели «Стража на Рейне», а британцы – «Проснитесь, христиане!».

«Думаю, в моей жизни не было и больше не будет более удивительного Рождества, – записал в дневнике сапер Дж. Дэйви. – Трудно поверить в то, что произошло». Дэйви тоже обменялся с немцами сувенирами. А другие британские солдаты вместе со своими приятелями немцами гонялись за зайцами. Кто-то на нейтральной полосе играл с немцами в футбол. Второго лейтенанта Р. Д. Гиллеспи немцы пригласили на свою линию обороны и показали ему доску, установленную в честь британского офицера, сумевшего добраться до немецкой траншеи, прежде чем его убили.

Брюс Бернсфазер, чьи фронтовые сказки «Bullets & Billets» во время войны пользовались в Британии большой популярностью, вспоминал, как на Рождество шел по нейтральной полосе, чтобы «присоединиться к толпе, собравшейся на полпути к немецким траншеям. Это было любопытное зрелище: вот они стоят, эти негодяи – пожиратели сосисок, развязавшие эту жуткую потасовку в Европе и заставившие нас всех мариноваться в этой грязи». Впервые он видел немецких солдат вблизи. «В тот день никто не проявлял ни малейшей враждебности, и при этом никому из наших и в голову не пришло напасть на них, пока они не остерегаются». Бернсфазеру понадобились кусачки для колючей проволоки, чтобы спороть две пуговицы и обменяться ими с немецким офицером. Два года спустя он вспоминал: «Напоследок я увидел, как один из моих пулеметчиков, в мирной жизни парикмахер-любитель, подстригал обросшего боша, послушно стоявшего на коленях, когда машинка для стрижки подбиралась к его затылку».

«Кажется, сегодня я видел самое дивное чудо на свете, – писал матери второй лейтенант Дуган Чатер из траншеи вблизи Армантьера. – Сегодня около 10 утра я выглянул из-за бруствера и увидел немца, махавшего руками над головой, а два других немецких солдата вылезли из окопов и пошли нам навстречу. Мы уже изготовились стрелять, когда заметили, что они без оружия, и один из наших тоже выбрался из окопа и пошел им навстречу. Уже через пару минут нейтральная полоса кишела нашими и немецкими солдатами и офицерами, пожимавшими друг другу руки с пожеланиями счастливого Рождества».

Чатер написал матери, что братание продлилось полчаса, пока солдат не отозвали в окопы, но затем оно возобновилось. «До конца дня не прозвучало ни единого выстрела, люди спокойно расхаживали по краю траншей, носили солому и дрова на виду у противника. «А еще мы вместе похоронили убитых, и немцев и наших, чьи трупы до этого лежали на нейтральной полосе»[60].

На участке, где находился французский Иностранный легион, также прекратили огонь, похоронили убитых и обменялись сигарами и шоколадом. Среди легионеров был Виктор Чепмен, американец, в 1913 г. окончивший Гарвард. 26 декабря он писал родителям: «Стрельба не велась весь день, а прошлой ночью стояла абсолютная тишина, однако нам велели быть начеку. Сегодня утром Недим, колоритный и ребячливый турок, поднялся над окопом и снова начал что-то кричать немцам. Вешконсоледозе, осторожный португалец, посоветовал ему не высовываться и, так как он говорит по-немецки, добавил несколько слов, высунув голову из окопа. Стоило ему развернуться, чтобы спрятаться – бах! – и он падает, пуля пробила затылок, стон, лужа крови…»

Сэр Джон Френч позднее вспоминал, что, узнав о братаниях, он «немедленно отдал приказ о недопустимости их повторения и призвал командиров на местах вести строгую

[60] Факсимиле письма младшего лейтенанта Чатера в 1993 г. было выбрано в качестве иллюстрации для рождественской открытки Имперского военного музея в Лондоне. *Авт.*

отчетность, что стоило немалых усилий». Один из специалистов по рождественским братаниям 1914 г., А. Дж. Пикок, отмечал, что 26 декабря Генеральный штаб 7-й дивизии «выпустил приказ о прекращении подобных проявлений миролюбия» [61].

Война в воздухе продолжалась даже на Рождество, когда девять британских гидросамолетов атаковали ангары с немецкими дирижаблями в Куксхафене. Плотная изморозь помешала самолетам обнаружить ангары, но полет гидросамолетов над двумя немецкими крейсерами настолько насторожил немцев, что один крейсер попытался отойти от причала и столкнулся с другим, в результате чего оба получили повреждения. В тот же день немецкие гидросамолеты сбросили две бомбы на деревню Клифф неподалеку от Грейвзенда. Никто не пострадал.

В Эльзасе французский Иностранный легион не участвовал в рождественском перемирии. На Рождество они, в отличие от легионеров на других участках фронта, получили приказ продолжать боевые действия. Под командованием подполковника Джузеппе Гарибальди, правнука знаменитого итальянского патриота, они атаковали немецкие позиции. Среди убитых был кузен подполковника, капитан Бруно Гарибальди. 26 декабря к западу от Мюлуза, на южном фланге Западного фронта, французские войска участвовали в бою за деревню Штайнбах. Битва за деревню, перешедшая в уличные бои, длилась пять дней, в ней погибло 700 немцев и 600 французов, прежде чем французам пришлось отступить.

Вдали от линии фронта, в 50 километрах к югу от Берлина, на Рождество 1914 г. среди российских пленных в лагере в Виттенберге появились первые жертвы. Это были пленные, захваченные четырьмя месяцами ранее в битве при Танненберге. Ежедневный паек в лагере состоял из килограмма черного хлеба на десять человек и жидкого супа из картофельной муки и бобов. Топлива не хватало, чтобы протопить бараки, где на трех солдат приходился один матрас, на котором они спали по очереди. В отличие от англичан и французов русские не получали посылок из дома. Один британский офицер, пытавшийся помочь русским военнопленным, описывает их так: «отощавшие, мертвенно-бледные, кишащие вшами».

Голод, холод и упадок сил, усугубленные распространившимся вирусом тифа, сделали свое дело. Врач, прибывший в лагерь во время эпидемии, взял несколько проб для исследований, которыми занимался в Магдебурге, и уехал. Шестеро пленных британских офицеров-медиков делали все, что могли. Трое из них сами заразились и умерли.

В последовавшую за Рождеством неделю более сотни настроенных против войны британских христиан собрались в Тринити-холле в Кембридже, где четыре дня обсуждали доктринальные вызовы войны. Среди участников дебатов был пресвитерианин, преподобный Ричард Робертс, которого впоследствии из-за пацифистских взглядов вынудили покинуть его дом в Северном Лондоне. Дилемма, с которой столкнулись участники конференции, заключалась в их приверженности двум конфликтующим между собой морально-этическим принципам: с одной стороны, международному, требующему защитить Францию от вторжения, с другой – христианскому. После четырехдневных дебатов участники пришли к выводу: «Во-первых, для Британии было делом чести помочь Франции, во-вторых, война велась не по-христиански».

Не все были согласны с определением войны как «нехристианской». Отвечая христианским пацифистам из Кембриджа, один из ведущих профессоров Оксфорда Альфред Зиммерн язвительно писал в предисловии к сборнику очерков, объясняющих военные усилия союзников защитой демократии: «Похоже, те, кто считает, что христианство и война несовместимы, придерживаются монашеских и пассивно-анархических взглядов, противореча-

[61] Gun Fire, A Journal of First World War History, edited by A. J. Peacock. 1994. No. 28. P. 30. *Авт.*

щих их участию в политических обществах». Главы европейского духовенства поддержали войну и благословили идущих на нее солдат. 26 декабря журнал Spectator опубликовал стихотворение ирландской поэтессы Катарины Тайнан, которое нередко цитировал лондонский епископ А. Уиннингтон-Инграм, поскольку в нем смерти на поле боя придавался религиозный смысл:

Затем, чтобы в раю не только старцы спали,
Создавший юношей себе на радость Бог
Нисходит к ним в день славы и печали
И призывает в свой блистающий чертог.

И Бог «призвал их»: на Кавказском фронте столкнулись два разных божественных лика, когда русские христиане и турецкие мусульмане сошлись в ожесточенной схватке на горных перевалах Восточной Турции. Понемногу русских оттесняли с турецкой территории за пределы границы, в 1878 г. проведенной Россией в ущерб туркам. Но ожесточенная битва под Сарыкамышем заблокировала обе армии. Изо всех сил пытаясь удержать позиции и не отступить еще дальше, великий князь Николай Николаевич обратился за помощью к Британии, надеясь, что британцам удастся оттянуть турецкие войска с Кавказского фронта. Откликаясь на эту просьбу, Китченер предложил провести атаку с моря турецких портов в Дарданеллах. Черчилль одобрил этот план.

Доводы в пользу боевой операции в Дарданеллах звучали убедительно. Британские боевые корабли могли беспрепятственно собраться в Эгейском море. Австралийские войска, направлявшиеся на Западный фронт, были уже на пути к Египту и, если понадобится, могли сойти на берег, чтобы вступить в бой с теми, кого Китченер именовал «второстепенными турецкими врагами». Под Сарыкамышем русским удалось потеснить турок, и их потребность в отвлекающем маневре уже не была столь острой, но оставалась актуальной. Российские сибирские войска, способные изменить баланс сил, требовались для защиты Варшавы. Британцы могли оказать помощь русским, не перебросив ни единого солдата с Западного фронта.

Для британского Военного совета безвыходное положение на Западном фронте стало лишним поводом для нападения на Турцию, сулившего быструю победу. 29 декабря Черчилль спрашивал Асквита: «Неужели нельзя найти ничего другого, кроме как посылать наших солдат грызть колючую проволоку во Фландрии?» Три дня спустя в том же духе высказался и Ллойд Джордж, призвав «свалить Германию, выбив опору у нее из-под ног». Он предлагал предпринять какие-то действия против Австро-Венгрии, возможно, высадку на побережье Далмации. После обсуждения, затянувшегося на несколько недель, британский Военный совет во главе с Асквитом постановил, что именно Турция станет той опорой, которую следует выбить из-под ног у Германии. На второй день 1915 г. Китченер сообщил российскому правительству: «Будут приняты меры по выступлению против турок».

Вот-вот должна была появиться еще одна зона боевых действий. Очаги убийств и разрушений множились. Сотни городов и деревень, живших в спокойствии десятки, а то и сотни лет, становились местом столкновения армий, где царили разруха и боль. Военный историк Джон Бакен писал: «Огромный, громоздкий механизм парализовал всю человеческую деятельность. Фронты из-за своей протяженности погрузились в стагнацию. От Швейцарии до Вогезов можно было идти от заставы к заставе, а от Вогезов до Северного моря добираться по траншеям»[62].

[62] *John Buchan*. The King's Grace, 1910-1935. L.: Hodder and Stoughton, 1935. P. 130. Бакен, который написал историю

В том декабре история каждой роты, каждого полка или региона превратилась в повесть об опасностях и поражениях. Историк военных усилий Лондонского окружного совета Винсент Уикс, пятнадцать месяцев сражавшийся на Западном фронте, описывал окопную войну «с ее грязью, слякотью, вшами, с патрулями на нейтральной полосе, с ночной разноской еды по окопам. Рабочие и похоронные команды, то и дело становившиеся жертвами осколков, бомб, мин, снайперов, внезапные вылазки, большие и малые атаки, часы, проведенные на холоде и в сырости, скука и дискомфорт, чередующиеся с минутами смертельной опасности».

Из одного только Лондонского окружного совета за две недели позиционной войны в декабре 1914 г. погибло шесть человек. В обычной жизни они трудились в трамвайном, образовательном, парковом департаментах. Артур Джеймс Уэбб работал санитаром в психиатрической больнице в Бексли. В августе 1914 г. он вступил рядовым в Гренадерский гвардейский полк, а 29 декабря был убит в бою при Ла-Бассе, неподалеку от французской психиатрической больницы. Он стал одной из последних потерь в 1914 г. В тот день Черчилль написал Асквиту: «Китченер был неправ, говоря, что у нас на фронте нет никого, кроме «мальчишек и стариков», а мы были правы, согласившись, что наша армия хорошая и грозная. Понадобилось более 5000 человек убитыми и ранеными, чтобы доказать простой факт». Однако конец года был отмечен новыми смертями: 30 декабря военный трибунал вынес смертный приговор двоим британским солдатам, которых нашли, когда они прятались в амбаре, а двумя неделями позже их поставили плечом к плечу и расстреляли.

Появившиеся в окопах и столице шуточные стишки свидетельствовали о том, что люди начали осознавать, что война будет длиться долго, а жизнь в траншеях станет неотъемлемой ее частью. Той зимой в Лондоне была популярна скороговорка:

Шьет солдатам Сьюзи-портняжка
Портупеи, портянки, рубашки.
Пишут с фронта солдаты,
Что они жестковаты
И грубы, как походные фляжки.

Во Фландрии британские солдаты распевали на мотив «My Little Grey Home in West»:

Я живу в очень тесной траншее
И в воде утопаю по шею.
Рядом дохлая кляча
Так смердит, что я плачу
И, наверное, сам околею.

А в жилище моем вместо пола
Смесь из грязи и жесткой соломы.
Рядом рвутся снаряды
И гремят канонады.
С чем сравнится такая траншея?

южноафриканских войск на Западном фронте, историю Шотландских королевских стрелков, 24-томную «Историю Нельсона», «Историю Великой войны», когда она еще шла, прославился своими романами и триллерами. Его брат Аластар умер в 1917 г. от ран, полученных в битве при Аррасе. *Авт.*

Во время войны публиковалось множество историй о солдатах на фронте, некоторые были романтичными, какие-то – остроумными, а какие-то – грустными. Читателю, находящемуся вдали от зоны военных действий, они позволяли хоть одним глазком увидеть войну, составить общее впечатление, уловить настроение. Среди тех, чьи фронтовые заметки печатались во время войны, был капитан Филипп Милле, французский переводчик при британских войсках, в августе 1914 г. получивший ранение при Шарлеруа. В своей книге он пересказал свой разговор с одним британским солдатом в декабре того же года: «Двадцать два дня в этих траншеях, да, сэр, двадцать два. Полк потерял пятьсот человек убитыми. А у меня только царапина на носу, но пуля, которая меня задела, прикончила моего приятеля».

Боль и потери позиционной войны и спокойные обсуждения территориальных притязаний принадлежали разным мирам, однако шли рука об руку. 3 декабря Британия пообещала Японии, воевавшей с немцами на удаленных островах Тихого океана, немецкие территории к северу от экватора. Эта договоренность вызвала недовольство Австралии, рассчитывавшей приобрести эти обширные владения. В нейтральной Италии все громче звучали голоса тех, кто призывал присоединиться к войне, чтобы не остаться не у дел, когда придет время делить военную добычу. Через свою газету, субсидируемую французами, и в своих публичных выступлениях Бенито Муссолини доказывал, что итальянскому правительству пора вмешаться в войну. «Нейтральные страны никогда не определяют ход событий. Они всегда тонут, ибо только кровь движет колеса истории», – заявил он в своем выступлении в Парме.

Но рассуждать о «крови» и «истории» не так просто, когда война вторгается в твою личную жизнь. Как позднее вспоминала Бетти Канлифф-Оуэн, покинувшая Константинополь в августе вместе с другими дипломатами стран Антанты, добравшись до Афин, они «увидели письма из дома – получили письма из дома – узнали новости из дома! Печальные, увы, для некоторых из нас. Именно тогда лорд Джеральд Уэлсли узнал о гибели во Франции своего доблестного брата, и именно тогда в списках убитых мы увидели имена друзей, памятные нам по счастливым мирным дням. Мне казалось, что имена их напечатаны золотыми буквами. Да, «сильнее смерти и превыше жизни» и никогда не исчезнут из памяти, но *как же* было больно, как же ужасно больно осознавать, что больше нам не пожать им руки, никогда больше не улыбнуться друг другу. Тьма накрыла мою душу, и весь мир померк».

Ярче всего эта тьма выразилась в цифрах французских потерь за пять месяцев с начала войны: 300 000 человек убито, 600 000 ранено, попало в плен или пропали без вести. Как отметил историк, число погибших французов за первые пять месяцев войны превысило общее число всех погибших во Вторую мировую войну британцев[63].

[63] *Alistair Horne*. The Price of Glory, Verdun 1916. L.: Macmillan, 1962. P. 328. *Авт.*

Глава 7
Патовая ситуация и поиски решения

Январь – март 1915 г.

Начало 1915 г. ознаменовалось непрерывным кровопролитием. На Сербском фронте тиф поразил и австрийскую, и сербскую армии. В поддержку Сербии британские женщины-добровольцы собрали свыше сотни тонн медицинских материалов и лекарств. Для Великобритании 1915 г. начался с трагедии на флоте – крушения линкора «Формидейбл», потопленного немецкой подводной лодкой. Погибло 547 моряков. На Западном фронте огромные воинские силы увязли в окопной войне, не имея возможности продвинуться более чем на несколько сотен метров без тяжелых потерь. В Шампани в районе города Перт после двенадцати атак и двадцати контратак французские войска преодолели менее полутора километров. После захвата потерянной ранее высоты Ксон к югу от Меца в официальном французском коммюнике сообщалось: «Мы нашли убитых из пяти разных полков».

Казалось, борьба за окопы, склоны, рощи и перелески навеки останется противостоянием людей и пуль. Но в Лондоне Асквит получил письмо от коллеги, в котором сообщалось, что «за короткое время можно создать отряд паровых тракторов с небольшими пуленепробиваемыми кабинами и разместить в них людей и пулеметы. В ночное время они будут совершенно неуязвимы для артиллерийского огня. Гусеницы позволят им достаточно легко преодолевать траншеи, а вес машин уничтожит на их пути все заграждения из колючей проволоки». Это письмо стало первым шагом в эволюции танка. Его автором был Уинстон Черчилль.

Каждое из воюющих государств искало новых союзников и новых зон боевых действий. Согласно официальному протоколу заседания британского Военного совета от 5 января, лорд Китченер предложил Дарданеллы как наиболее подходящий район для совместной с флотом атаки. В случае успеха операции удалось бы возобновить сообщение с Россией, урегулировать ближневосточный вопрос, вовлечь в войну Грецию, а возможно, и Болгарию с Румынией, а также освободить запертые в Черном море суда с грузом пшеницы и другими поставками. Глава секретариата Военного совета полковник Хенки пошел еще дальше. Он заявил, что в случае успеха в Дарданеллах «Дунай станет удобным путем сообщения, что позволит мощному британскому флоту проникнуть в самое сердце Австрии и приведет его в центр Европы».

Силы Антанты надеялись привлечь на свою сторону не только Грецию, Болгарию и Румынию, но и Италию. Германия и Австрия также продолжали искать союзников, особенно против России. Небольшой, но активной группой, подходящей на эту роль, были русские большевики. В это время большинство из лидеров большевистского движения находились в эмиграции в Швейцарии. Большевики не ждали, что австрийское и германское правительства отнесутся с сочувствием к их делу, но политики в Берлине и Вене всеми силами поддерживали распространение их идей, надеясь, что они подорвут самодержавие и уничтожат воинскую мощь Российской империи.

7 января группа большевиков в Петрограде распространила среди солдат, рабочих и крестьян листовки с призывами не вносить помесячную арендную плату. В тот же день в Константинополе богатый и влиятельный большевик Александр Гельфанд обратился к германскому послу в Турции со словами: «Интересы правительства Германии и русских революционеров во всем совпадают». Гельфанд объяснил, что цель большевиков – полное уни-

чтожение царского режима и разделение России на небольшие государства. Если в России не разожгут великую революцию, Германии не удастся ее победить. Этот разговор вызвал в Германии огромный интерес к революции в России, усилившийся из-за тупиковой ситуации на фронте и приведший к тому, что немцы помогли Ленину вернуться в Россию через Германию. Спустя три месяца германское правительство через своих эстонских агентов передало Ленину средства, чтобы поощрить его антивоенную деятельность. В сущности, поощрять его в этом не было нужды[64].

Волю немцев к продолжению войны отметил корреспондент Times при русской армии Стенли Уошберн, 15 января беседовавший с немецкими военнопленными недалеко от Варшавы: «Чем больше видишь немцев, а эти даже ниже среднего уровня, тем больше понимаешь, что союзникам предстоит пройти еще очень долгий путь, прежде чем им удастся сломить их упорство».

Ночью 19 января два германских дирижабля пересекли Северное море по направлению к Норфолку и впервые нанесли удар с воздуха по территории Великобритании. Во время бомбардировки погибли четыре человека: двое в Ярмуте и двое в Кингс-Линне. На Западном фронте в сражении при Суассоне немецкие войска взяли в плен 5000 французов. На Ипрском выступе после наступления немцев на британские линии обороны город Ипр фактически обезлюдел.

Несмотря на возобновление атак, Месен к югу от Ипра оставался под контролем Германии. 20 января Гитлер писал своему знакомому: «Мы все еще на старых позициях и попрежнему докучаем французам и англичанам. Погода скверная, и нередко мы целые дни проводим по колено в воде, хуже того, под сильным огнем. С нетерпением ждем хотя бы краткой передышки. Надеемся, что вскоре начнется наступление по всей линии фронта. Так не может продолжаться вечно».

Германия усилила свое военное присутствие в Турции, и многие все больше склонялись к тому, что нужно нанести удар по Великобритании на Ближнем Востоке, поскольку здесь ей можно нанести наибольший урон. 21 января протурецки настроенный профессор Эрнст Якх в разговоре с кайзером упомянул, что вскоре прусские офицеры в Турции обратят свои взоры на Суэцкий канал – единственный путь сообщения Великобритании с Индией. Кайзер возмутился: «Вы с ума сошли. Мои войска там совсем не для этого». Адмирал, присутствовавший при этом разговоре, решил, что «одна только мысль о затяжной войне ужаснула кайзера».

А в небе над оккупированным немцами побережьем Северного моря британские летчики осваивали новое искусство воздушных бомбардировок. 23 января двое молодых пилотов Ричард Белл Дэвис и Ричард Пирс с небольшой высоты сбросили по восемь бомб на германские подводные лодки, стоявшие у пирса в Зебрюгге. В самом начале атаки Дэвис был тяжело ранен в бедро, но продолжил полет, несмотря на сильную боль и кровотечение. За храбрость в бою его наградили орденом «За боевые заслуги»[65].

Ежедневные столкновения и артобстрелы на Западном фронте приводили к постоянным потерям, но немецкие солдаты надеялись, когда придет время, одержать быструю победу. 26 января Гитлер написал своему домовладельцу: «Мы продержимся здесь до тех

---

[64] Сумма, переданная Ленину, составила 200–250 тысяч марок, что по курсу того времени соответствовало 50–62 тысячам долларов. Когда в 1923 г. большевики вернули долг, из-за инфляции марки он соответствовал менее чем одному доллару. *Авт.*

[65] Дэвис и Пирс в 1913–1914 гг. входили в состав группы летных инструкторов Черчилля. В 1940 г. Пирс стал командующим бомбардировочной авиацией Королевских ВВС. *Авт.*

пор, пока Гинденбург не сломит сопротивление России. Тогда наступит расплата!» Но одержать победу над Россией не удалось ни в том году, ни в следующем.

Каждая стычка на Западном фронте имела свой сюжет. В письме родителям лейтенант Престон Уайт упоминал, что 27 января был праздник, «день рождения Вилли II». «В честь кайзера артиллерия из нашего сектора вскоре после отбоя произвела двадцать один залп по германским окопам. У наших артиллеристов своеобразное чувство юмора. Как, впрочем, и у немцев. После каждого залпа они сигналили флагами «промах» до тех пор, пока снаряд не упал прямо на флагшток и не вывел его из строя».

29 января во время противостояния французских и германских армий в Аргонском лесу немецкий лейтенант Эрвин Роммель повел свой взвод на штурм четырех французских блокпостов. Проползая под французскими проволочными заграждениями, он громко приказал взводу двигаться за ним, но никто не последовал. Несколько раз повторив приказ, Роммель был вынужден вернуться назад и предупредил командира передового отряда: «Выполняйте приказы незамедлительно, иначе я вас пристрелю». После этого отряд преодолел заграждения в полном составе. Захватив блокпосты, он отбил французскую контратаку, но, попав под сильный огонь в результате фланговой атаки, был вынужден отступить. За проявленную в бою отвагу Роммель первым из своего полка был удостоен Железного креста 1-й степени. Вскоре в полку появилась поговорка: «Где Роммель, там и фронт».

30 января в ходе другой германской атаки на Аргонский лес были взяты в плен 700 французских солдат.

На море потери определялись не яростью сражения, а размерами корабля и тем, насколько быстро он затонул. 13 января в результате торпедной атаки погибли все, кроме одного, члены экипажа немецкой подводной лодки U-7 под командованием капитана Кенига. Торпедную атаку провела по ошибке U-22. Ее командир капитан Хопп был лучшим другом Кенига. Третья подлодка U-31, отплывшая в тот день из Вильгельмсхафена, бесследно исчезла: решили, что она напоролась на мину[66].

24 января у Доггер-банки англичане воспользовались полученным от русских немецким справочником шифров и перехватили эскадру немецких линейных крейсеров. Вся страна ликовала. В ходе операции погибли 15 английских моряков, а на германском флагмане «Зейдлиц» – 192 человека. 782 немецких солдата с корабля «Блюхер» утонули, эту сцену засняли на пленку. Кадр из фильма, где сотни моряков соскальзывают с тонущего корабля в море, выгравировали на серебряных портсигарах, которые стали популярными сувенирами.

30 января в Ла-Манше немецкая подводная лодка впервые без предупреждения торпедировала и потопила британское торговое судно. За этим успехом последовали и другие. 1 февраля американский дипломат в Париже Джон Кулидж записал в дневнике: «Еще один небольшой торговый корабль затоплен немцами прямо в устье Мерси. Мы все в ужасе. Немцы в такой ярости от неудач, что идут напролом».

В тот день канцлер Германии согласился с требованием флота разрешить подводным лодкам атаковать любые суда, включая нейтральные, поставляющие продовольствие или другие припасы силам Антанты. 4 февраля Германия обнародовала это решение в декларации о «военной территории» в водах вокруг Великобритании и Ирландии». Декларация гласила: «Хотя военно-морские силы Германии должны избегать насилия в отношении ней-

[66] В 1914–1918 гг. из 300 активно использовавшихся немецких подводных лодок 199 погибло. Судьба более 15 из них до сих пор неизвестна. Считается, что они, как и 40 других, были уничтожены минами, но это не относится к подлодке U-31, которую нашли спустя полгода дрейфующей у Восточного побережья Великобритании. Экипаж погиб: вероятнее всего, ночью полгода назад он подвергся воздействию ядовитого газа. Подлодка в это время находилась под водой, но со временем топливные баки взорвались и плавучесть увеличилась настолько, что субмарина всплыла на поверхность. *Авт.*

тральных судов, если они опознаны», в связи с непредвиденными обстоятельствами военного положения торпедирования нейтральных судов «не всегда можно избежать».

Немцы называли свою политику расширения подводной войны «контрударом», нанесенным в ответ на «голодную блокаду» Германии: в прошлом ноябре англичане установили мины в Северном море. Германия упрекала даже Соединенные Штаты в том, что они закрывают глаза на действия Великобритании. Через 5 дней после опубликования декларации США предупредили германское правительство, что развязанная им подводная война представляет собой непростительное «нарушение прав нейтральных сторон» и Германия «будет отвечать» за каждое американское судно или гражданина, которые пострадают в результате новой политики. Соединенные Штаты предпримут «любые шаги, необходимые» для сохранения жизни и имущества американских граждан. Какими будут эти шаги, не уточнялось.

В Восточном Средиземноморье 200-километровый марш турецких войск по Синайской пустыне через тайную сеть заранее вырытых немецкими инженерами колодцев закончился ночью 3 февраля на берегу Суэцкого канала. На следующее утро 5000 турецких солдат под командованием подполковника Кресса попытались форсировать канал. Они навели три понтонных моста, и шестьдесят солдат успели перейти на западный берег, где их остановили индийские войска при поддержке артиллерийского обстрела с британских боевых кораблей и огня с бронепоезда. Туркам так и не удалось перебросить через канал 20 000 солдат, а немцам после взятия Исмаилии – поднять в Египте восстание против англичан. Погибло 200 турок, более 700 попало в плен.

Рост числа военнопленных привел к тому, что правительства воюющих стран учредили особые отделы, собиравшие информацию, старавшиеся организовать обмен тяжелоранеными и выступавшие против жестокого обращения. Датский наблюдатель, побывавший в трех лагерях Германской империи – в Рулебене, Дёберице и Бурге, – 4 февраля доложил, что лагерь в Бурге «просто ужасен – ненависть к Британии в Германии невообразимая, боюсь, что несчастные пленные из-за этого страдают». Американский дипломат, выступавший наблюдателем от Великобритании, был более сдержан. «Даже ангел небесный не мог бы удовлетворить запросы пленников в Рулебене, – писал он британскому коллеге в ответ на продолжающиеся жалобы, – если только он не откроет ворота и не велит им уйти». Но жалобы продолжались: в Гютерсло пленники были возмущены тем, что им разрешают писать лишь одно письмо и три открытки в месяц. Крикет и театральные представления помогали им скоротать время, но не избавляли от тягот, отчаяния и однообразия тюремного заключения. В Цоссене военнопленных разместили рядом с мусульманами, индусами и темнокожими пленниками, а посреди лагеря «по приказу кайзера» возвели мечеть.

Эти подданные Великобритании, находившиеся в Германии, когда разразилась война, прибывали со всех концов империи. Среди них были моряки с торговых судов, задержанные в германских портах в начале войны, или экипажи кораблей, захваченных во время немецких морских рейдов, в том числе сикхи, чернокожие африканцы и малайцы. Большинство из них содержались в Рулебене, где они были изолированы от всех остальных. За небольшую плату они делали мелкую работу для других узников. Один из них, свободный фотограф Перси Браун, по неосмотрительности пересек границу Германии, выполняя задание заказчика из Голландии. Позднее он описывал «цветные» бараки как «самое счастливое и чистое место в лагере. Темнокожие играли, пели и танцевали. Их жизнь была непрерывным концертом… Уроженцы Вест-Индии и Малайзии играли тихие колыбельные, мягкую, успокаивающую музыку без барабанного боя и резких аккордов. Посреди барака находилась прачечная, где работали пять веселых негров. Они утюжили белье, напевая спиричуэлс. У выхода сапожник под гавайскую гитару исполнял причудливый ритмичный танец, пока полдюжины клиентов терпеливо дожидались своих башмаков».

Русским военнопленным в Германии повезло меньше. Канадский рядовой Мервин Симмонс в Парневинкеле видел, как несколько «изможденных, похожих на скелеты» русских, которых заставляли трудиться по семнадцать часов в день, отказались выходить на тяжелые работы. На следующий день после бунта прибыли немецкие солдаты. Они согнали новых заключенных, а отказавшихся работать русских заставили бежать по кругу. «Через час они умоляли о милосердии и, задыхаясь, со стоном произносили единственное слово, которое знали по-немецки, – «Камерад, о камерад». Они просили и умоляли подгоняющего их старшину на своем языке и получали в ответ лишь уколы штыка. Их головы поникли, языки вывалились, на губах появилась пена, глаза были красными и воспаленными – и вот один из них упал к ногам старшины, который, наклонившись, оттянул ему веко, чтобы проверить, действительно ли он потерял сознание или притворяется. Осмотр подтвердил последнее, и я услышал, как комендант предложил пнуть русского в бок. Старшина сделал это с явным удовольствием, и изнурительная гонка продолжилась».

10 февраля в результате контратаки в Шампани немцы взяли в плен 500 французских солдат. В тот же день на Восточном фронте в ходе одного из бессчетных сражений 10 000 русских были окружены и захвачены возле Ковно (Каунас). Потери были несметные. Четыре дня спустя в Элке в плен попало 5000 человек, на следующей неделе в Августове – еще 70 000. Цифры неслыханные! В то же время Франция в результате военных успехов в Шампани захватила около трех метров немецких окопов и четырех немецких солдат.

Раненые поступали в пункты эвакуации, и, если ранения были серьезные, но поддающиеся лечению, их отправляли в военные госпитали. Военно-санитарные поезда стали обычным явлением в глубоком тылу, далеко за линией фронта. В одном из таких поездов, направлявшемся с Западного фронта в Гавр через Булонь, в субботу 13 февраля сестра К. Луард из службы военно-медицинских сестер имени королевы Александры записала в дневник: «Мы все еще на пути в Гавр! А отправление было во вторник. Эта поездка вновь открыла мне, как много может выдержать безропотный английский солдат. Те, кто может сидеть, едут по восемь человек в купе, одни с больными ногами, другие – с ранеными руками, кто-то с кашлем или ревматизмом и тд., но от них не услышишь ни единой жалобы. Слава Богу, что мы сумели высадить в Булони самых тяжелых – пневмония, брюшной тиф и несколько тяжелораненых с винтовками вместо лонгетов, в их числе офицера, с ног до головы обмотанного бинтами. Милый юноша. Когда его переодели в чистую пижаму и выдали чистый, надушенный одеколоном носовой платок, он воскликнул: «Ей-богу, ради этого стоило получить ранение, после смрада павших лошадей, трупов и смерти».

Надежды на эффективность бомбардировок с воздуха не соответствовали реальному положению дел. Непрерывная бомбардировка русскими польских железнодорожных станций, захваченных Германией, не приостановила немецкого наступления. 12 февраля кайзер выразил надежду, что воздушная война против Англии «будет вестись с бешеной энергией». Были намечены цели: военные базы и полевые склады, казармы, склады, где хранились бензин и масло, а также лондонские доки. По специальному распоряжению кайзера запрещалось бомбить королевские дворцы и резиденции. В течение недели три дирижабля вылетели, чтобы выполнить приказ кайзера, но попали в снежную бурю над побережьем Ютландии и потерпели крушение. В марте немецкий дирижабль, летевший к берегам Британии, попал в шторм, который отнес его через Северное море далеко назад, к побережью Бельгии, где его сбила зенитная батарея Ньивпорта.

В то время как кайзер настаивал на необходимости воздушных бомбардировок Британии, в Великобритании завербовали мадемуазель де Брессиньи, французскую беженку,

которая решилась вернуться в родной Лилль, чтобы передавать секретную информацию англичанам. После возвращения она жила в монастыре под видом монахини. Необходимое радиооборудование контрабандой доставляли по частям на торговом пароме, ходившем между Фолкстоном и голландским портом Флиссинген. Генератор, необходимый для питания оборудования, издавал сильный шум, поэтому было решено, что получать инструкции она будет по радио, а ответы отправлять голубиной почтой. Так она проработала два месяца, после чего ее задержали. При аресте ей удалось проглотить последнее сообщение. Ее приговорили к пожизненному заключению; она скончалась в тюрьме за два месяца до окончания войны.

15 февраля в казармах Сингапура индийские солдаты подняли мятеж, убив 39 европейцев. Это был первый крупный бунт за время войны. По замыслу зачинщиков, он должен был стать первым шагом к большому восстанию солдат-сикхов против британского владычества в Индии. Немцы подстрекали их к мятежу, надеясь, что Индия созрела для революции, как две недели назад ждали, что в Египте начнется восстание, едва турки пересекут Суэцкий канал. На немецком судне «Бавария», захваченном итальянцами, находилось 500 000 револьверов, 100 000 винтовок и 200 000 ящиков боеприпасов, возможно предназначавшихся повстанцам в Индии. Сикхи, несомненно, ожидали помощи от Германии.

В Сингапуре британцам пришлось казнить зачинщиков. 37 из них были расстреляны. В Индии заговорщиков выдал агент полиции, и главарей арестовали прежде, чем они успели подать сигнал к восстанию. 11 человек повесили. Добровольцев для службы во Франции собирали со всех концов Индостана, и в конце января индийца впервые наградили Крестом Виктории. Позднее, оправдывая участие Индии в войне, Ганди писал: «Если мы могли улучшить свое положение, помогая и сотрудничая с британцами, наш долг состоял в том, чтобы склонить их на свою сторону, в час беды встав в строй рядом с ними»[67].

В этот «час беды» родилась новая тактика, которая вскоре станет неотъемлемой частью окопной войны. Под траншеями противника выкапывали подземные лазы и в них закладывали заряд, который взрывался перед атакой, убивая, запугивая и приводя в замешательство защитников. 17 февраля британский инженер и член парламента от Консервативной партии Джон Нортон-Гриффитс, убеждая Военное министерство Великобритании создать особые туннельные команды, чтобы перенести войну под окопы, огласил список первых добровольцев. Все они в мирное время были шахтерами, а теперь решились вести раскопки в зоне военных действий. В течение недели первые добровольцы уже были во Франции. Они впервые почувствовали, что такое война, когда прогремел снайперский выстрел и убил проводника, который вел их через систему траншей. Шахтеры сыграли важную роль в будущих диверсиях: в 1917 г. в полуразрушенном устроенным ими взрывом немецком бункере нашли четырех немецких офицеров, с виду невредимых. Немцы не шелохнулись и когда британские солдаты вошли внутрь бункера. Их убило взрывной волной.

19 февраля в Дарданеллах англичане повторили однодневный обстрел с моря (первый был предпринят в прошлом ноябре). Два внешних форта, Седд-эль-Бахр и Кум-Кале, были разрушены огнем из 15-дюймовых орудий, которым ничего не смогли противопоставить. Среди погибших оказался немецкий морской офицер, лейтенант Верман. Вечером его похоронили на полуострове, завернув в турецкий флаг, лицом к Мекке. Шесть дней спустя после еще одного обстрела Седд-эль-Бахр и Кум-Кале превратились в руины. Британцы разместили в них пулеметчиков и артиллерийские орудия.

---

[67] В 1942 г., когда японские войска подошли к индийской границе, Ганди высказал иную точку зрения, дав старт движению «Вон из Индии!». Он был немедленно арестован. *Авт.*

На Восточном фронте боевые действия достигли неслыханных масштабов. 22 февраля немцы захватили Пшасныш, взяв в плен 10 000 русских. Через три дня их выбили из города, и в плен было взято 5400 немцев. На Западном фронте также велись беспощадные бои, хотя и без таких драматических поворотов. 26 февраля немцы впервые применили огнеметы против французских окопов в районе Вердена. Это была первая из 653 огнеметных атак, но окопы были настолько глубокими, что огнеметы привнесли лишь элемент неожиданности. На следующий день французская контратака без применения специальных средств оказалась вполне успешной, а два дня спустя, 1 марта, на вооружение французских войск впервые поступили гранаты. В тот день немецкий отряд из семидесяти человек впервые атаковал из-за бронированных щитов и потерял половину личного состава, так и не прорвавшись во французские окопы. 10 марта Шарль де Голль, незадолго до этого получивший звание капитана, был ранен шрапнелью в руку: по тем временам рана считалась легкой, но из-за воспаления ему пришлось провести два месяца в госпитале.

10 марта англичане пытались прорваться сквозь немецкие окопы в Нёв-Шапель и захватить деревню Обер в полутора километрах к востоку. Бой начался с 35-минутного обстрела немецких окопов из 342 орудий, огонь корректировали 85 самолетов-разведчиков. За время этой короткой артподготовки было использовано больше снарядов, чем за всю Англо-бурскую войну. За каких-то 15 лет характер войны совершенно изменился.

После артподготовки британские и индийские дивизии атаковали фронтом шириной в три с половиной километра. Через четыре часа рукопашного боя деревня Нёв-Шапель в центре наступления была освобождена, а четыре линии немецких траншей прорваны. Однако орудия в северном секторе, ближайшем к Оберу, оказались недостаточно дальнобойными, и около 365 метров германских укреплений не подверглись обстрелу. Солдаты, наступавшие в этом секторе тремя последовательными волнами, пересекли нейтральную полосу и скрылись в неповрежденных проволочных заграждениях с немецкой стороны. Согласно официальной версии, «сначала показалось, что атака увенчалась успехом и они достигли немецких окопов, поскольку ничего нельзя было разглядеть и никто не вернулся». Все атакующие, почти тысяча солдат, погибли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.